РУКОВОДСТВО

КЪ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ

СЪ

ЛОГИКОЙ,

составленное Полтавской Семинаріи учителемъ

П. Коропцевымъ.

Цѣна 1 р. 75 коп., съ пересылкою 2 р. сер.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».

1861.

РУКОВОДСТВО

КЪ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ

СЪ

ЛОГИКОЙ,

составленное Полтавской Семинаріи учителемъ

П. Короцевымъ.

Цѣна 1 р. 75 коп., съ пересылкою 2 р. сер.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 18 Августа, 1859 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ.*

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ, СЛУЖАЩІЯ ВВЕДЕНІЕМЪ ВЪ ЛОГИКУ.

Предметъ Логики.

Предметъ Логики есть мышленіе. Мышленіе есть дѣятельность ограниченнаго человѣческаго духа, стремящагося обнять въ единствѣ сознанія разнообразные предметы міра видимаго, собственную природу и отношеніе ихъ къ Верховному началу всего.

Точка логическаго воззрѣнія на мышленіе.

Мышленіе можетъ быть, преимущественно, или предметомъ опыта, разсматриваемое въ своихъ дѣйствительныхъ обнаруженіяхъ, или предметомъ умозрѣнія, разсматриваемое въ своей сущности—въ томъ, что есть и должно быть въ немъ всеобщаго и необходимаго по требованію его начала и цѣли. Первое исполняетъ Опытная Психологія, а послѣднее Логика.

Отношеніе Логики къ наукамъ вообще и къ Психологіи въ-особенности.

Отсюда опредѣляется отношеніе Логики къ наукамъ вообще и къ Психологіи въ-особенности. Прочія науки суть плоды мышленія, обращеннаго на тѣ или другіе предметы дѣйствительности; въ Логикѣ же предметомъ мышленія становится само мышленіе. Это обращеніе мышленія на самого себя возможно для него не иначе, какъ посредствомъ отвлеченія отъ предметовъ сторонних къ наблюденію собственныхъ произведеній и дѣйствій. Такимъ-образомъ въ порядкѣ происхожденія, Логикѣ предшествуютъ другія науки и ближайшимъ образомъ Психологія, въ которой подвергается наблюденію естественный ходъ мышленія въ человѣкѣ. Отъ сего наблюденія и при помощи его Логика переходитъ уже къ законамъ и формамъ, необходимымъ въ мышленіи по самой природѣ мыслящаго духа, и начертываетъ правила, составляющія условія истиннаго человѣческаго мышленія. Въ послѣднемъ отношеніи Логика въ свою очередь имѣетъ обратное дѣйствіе на всѣ отрасли знанія, какъ методическое руководство.

Практическое приложеніе Логики въ жизни.

Хотя мысль, какъ существенная и необходимая принадлежность нашего духа, прирожденна всякому изъ насъ, происходитъ въ насъ сама собою и предшествуетъ всякому школьному изученію, несмотря на то, Логика, какъ наука, имѣетъ высокую цѣну и не остается безплодною для нашей жизни практической.

1. Разоблачая природу общечеловѣческаго мышленія, постигая и излагая законы и формы его, она простую и инстинктуальную мысль возводитъ къ отчетливому вѣдѣнію о самой себѣ, сообщаетъ мыслящему духу господство надъ собою, гибкость и крѣпость, и приводитъ его, чрезъ это самоупражненіе и самосвѣдѣніе, къ совершенству соотвѣтствующему его назначенію.

2. Постигая и излагая законы и источники познанія, она предохраняетъ насъ отъ заблужденій и погрѣшностей въ познаваніи.

3. Излагая правила построенія и приведенія нашихъ мыслей и познаній въ систему, она научаетъ разсудокъ свободно располагать данною ему матеріей и облекать ее въ приличную форму.

Раздѣленіе Логики.

Такъ-какъ Логика разсматриваетъ мышленіе въ отношеніи а) къ его началу, б) къ общей цѣли; то она естественно дѣлится на двѣ части: *Теоретическую* и *Практическую.*

Въ первой части разсматриваются общіе законы и формы мышленія, изъ самой природы мыслящаго

духа происходящіе, во всѣхъ людяхъ необходимо имѣющіе свое дѣйствіе и никакими условіями внѣшними со стороны предметовъ мышленія не стѣсняемые; во второй разсматривается мышленіе, какъ свободная дѣятельность человѣка и долженствующая по возможности достигать своей цѣли, т.-е. согласія съ дѣйствительнымъ бытіемъ познаваемыхъ предметовъ или истины.

Здѣсь представляются вниманію съ одной стороны границы, въ которыхъ является сія дѣятельность, вслѣдствіе зависимости отъ произвола человѣка и отъ условій бытія, какъ его собственнаго, такъ и самыхъ предметовъ познанія, съ другой—средства, при которыхъ мышленіе можетъ быть согласно съ своимъ предметомъ и достигать возможнаго совершенства.

Примѣч. Другія дѣленія Логики: на *Антропологическую и Философскую*, *Предлежательную и Подлежательную*, *Ученіе Элементарное и Систематику* и т. п., или имѣютъ въ основаніи своемъ неправильный взглядъ на мышленіе, какъ предметъ Логики (таковы первое и особенно второе), или недовольно точны (таково третье). Раздѣленіе Логики на *Чистую* и *Прикладную* близко къ представленному нами, только названія частей неудачны.

Что же касается пособій при изложеніи Логики, то, по неудовлетворительности и бо́льшею частію ложному направленію иностранныхъ (собственно германскихъ) сочиненій по сему предмету, можно пользоваться весьма немногими изъ нихъ, и то по частямъ, въ чемъ какое оказывается болѣе основательнымъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ЛОГИКИ.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ.

Предметъ ея и раздѣленіе.

Теоретическая часть Логики должна представить естественные законы и формы мышленія въ отношеніи къ ихъ коренному началу. Отсюда три главныя отдѣленія сей части:

I. О началѣ мышленія.
II. О законахъ мышленія.
III. О формахъ мышленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О НАЧАЛѢ МЫШЛЕНІЯ.

Понятія о началѣ вообще.

Начало (principium) вообще есть нѣчто такое въ предметѣ дѣйствительномъ, что̀ тождественно съ

самою сущностію его, такъ-что съ измѣненіемъ начала чего либо въ предметѣ (напр. начала дѣятельности, движенія и проч.) необходимо долженъ былъ бы измѣниться предметъ въ самомъ существѣ своемъ и быть уже не тѣмъ въ извѣстномъ отношеніи, чѣмъ онъ долженъ быть по назначенію природы своей. Такъ напр. началомъ растительности въ вещахъ органическихъ служитъ прирожденная имъ сила растительная или внутренняя ихъ жизнь.

Различіе между началомъ и первоначальнымъ обнаруженіемъ или исходной точкой.

Отсюда слѣдуетъ, что ни что внѣшнее не можетъ быть началомъ чего бы то ни было и что поэтому начало не одно и то же какъ съ причиною, которая по большей части заключается въ чемъ нибудь стороннемъ, такъ и съ самымъ осуществленіемъ начала въ дѣйствительности или съ тѣмъ, что называютъ первоначальнымъ обнаруженіемъ или исходной точкой. Первоначальное обнаруженіе начала отличается отъ самаго начала: (*а* тѣмъ, что начало, будучи реальнымъ дѣйствительнымъ, можетъ оставаться на долго и даже навсегда въ одной возможности; а обнаруженіе, по самому понятію его, есть уже явленіе въ дѣйствительности; *б*) тѣмъ, что начало, какъ сила въ возможности, всегда одно и то же, постоянно, неизмѣнно, ни отъ чего независимо въ существѣ

своемъ — всегда равно самому себѣ; между-тѣмъ какъ обнаруженіе, много завися отъ разныхъ причинъ и условій его осуществленія, можетъ осуществляться въ бóльшей или мѐньшей полнотѣ, въ большемъ или мѐньшемъ совершенствѣ, можетъ повторяться, видоизмѣняться, сообразно съ свойствомъ начала и тѣхъ причинъ, условій и побужденій, которыя приводятъ его въ дѣйствіе или заставляютъ обнаруживаться.

О началѣ мышленія человѣческаго.

Примѣняя все это къ мышленію человѣческому, мы должны признать, что мышленіе, какъ дѣятельность духовная, должно имѣть начало внутреннее въ самой природѣ человѣческаго духа, что поэтому оно есть видоизмѣненіе его самосознанія и что, слѣдовательно, закоренное его начало должно быть признано то, что есть въ самосознающемъ духѣ человѣческомъ глубочайшаго, дѣятельнѣйшаго, всеобщаго и несомнѣнно истиннаго. Авсего глубже человѣческій духъ сознаетъ, что онъ небезначаленъ, но имѣетъ начало отъ существа безконечнаго. Идея о Богѣ и есть именно: *а*) нѣчто высшее въ нашемъ духѣ; не собственною силою его мышленія она производится, но врождена ему свыше, и, по необъятности своего содержанія, безмѣрно превосходитъ всѣ другія представленія и мысли наши; *б*) нѣчто дѣятельнѣйшее

въ духѣ, чему единственно мы обязаны стремленіемъ къ знанію или истинѣ, которое удовлетворяется только въ познаніи послѣдней безконечной причины всего; c) нѣчто общее всѣмъ людямъ, хотя различно ими понимаемое; наконецъ d) есть нѣчто такое, что̀ не-только истинно въ самомъ себѣ, но и составляетъ единственное условіе, по которому возможно для человѣка истинное познаніе предметовъ, единственное ручательство въ согласіи законовъ и формъ человѣческаго мышленія съ дѣйствительнымъ бытіемъ вещей. Что̀ могло бы увѣрить насъ въ этомъ согласіи, еслибъ мы не имѣли вѣры въ Единаго Истиннаго Виновника бытія и мышленія?

Такимъ-образомъ, какъ удовлетворяющая всѣмъ показаннымъ условіямъ, *врожденная идея о Богѣ должна быть признана кореннымъ началомъ мышленія.*

Примѣч. Чистое самосознаніе, по скудости содержанія его, не можетъ быть признано такимъ началомъ. Мышленіе есть дѣйствующее самосознаніе; слѣд. если началомъ мышленія признать самосознаніе, то это значило бы вовсе оставить его безъ начала; между-тѣмъ признаніе указаннаго нами начала ограждаетъ знаніе человѣческое отъ ложнаго и пагубнаго притязанія на совершенную независимость и поставляетъ его въ прямое подчиненіе Откровенію, какъ

единственно вѣрному источнику, изъ котораго могутъ быть объяснены и восполнены недовольно внятныя внушенія врожденной идеи о Богѣ въ падшемъ человѣкѣ. Притомъ при такой только зависимости можетъ быть сохранена разумность въ наукѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

Понятіе о законѣ вообще.

Законъ вообще есть правило, опредѣляющее извѣстный образъ или способъ бытія, дѣйствій и отношеній, правило опредѣленное и неизмѣнное постоянно—достаточное, цѣлому роду или виду существъ или вещей общее, на самой ихъ природѣ основанное и съ извѣстною цѣлію ихъ бытія, дѣйствій и отношеній во всей полнотѣ и точности сообразное и потому необходимое. Безъ этихъ качествъ и условій никакой законъ не можетъ быть закономъ въ подлинномъ смыслѣ, потому-что не будетъ заключать самъ въ себѣ условій возможности выполненія его, что̀ необходимо во всякомъ законѣ; слѣд.

въ приложеніи къ мыслительной дѣятельности человѣка.

и въ приложеніи къ мыслительной дѣятельности человѣка, законы должны быть таковы же, т.-е. дол-

жны быть также опредѣленны и неизмѣнны, всеобщи, изъ самой природы мыслящаго духа нашего вытекающи, съ требованіемъ начала и цѣли мышленія сообразны и потому для всѣхъ необходимы.

Различіе между законами мышленія естественными, всеобщими и произвольными.

Законы мышленія называются *необходимыми* въ противоположность *произвольнымъ,* самимъ человѣкомъ составляемымъ для мышленія. Такъ напр. можно силлогизмы произвольно сокращать и распространять и можно въ составленіи ихъ слѣдовать своему произвольному закону. Это будутъ законы мышленія произвольные; отъ ихъ возможности зависитъ возможность нашихъ погрѣшностей въ мышленіи и познаніи. Логика, руководя насъ къ истинѣ, излагаетъ одни законы необходимые, изъ самой природы духа нашего вытекающіе; указываетъ же на произвольные съ тѣмъ, чтобы обозначить тѣ камни преткновенія въ дѣлѣ познанія, которые намъ должно обходить съ осторожностію.

Законы мышленія называются *всеобщими* въ противоположность *частнымъ.* Ибо каждая наука имѣетъ свои законы для своего рода познаній; Логика же должна показать только тѣ, которые общи всѣмъ наукамъ или всякому мышленію и познанію. Ихъ-то и называютъ *коренными* или *основными* законами.

О коренныхъ законахъ мышленія.

Такихъ коренныхъ законовъ мышленія три: законъ *тождества,* законъ *противоположности* и законъ *основанія.* Ибо въ каждомъ дѣйствіи мышленія, поколику оно есть раскрытіе самосознанія, необходимо предполагается:

а) Мыслящій субъектъ—нѣчто такое, что̀ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сознаетъ себя однимъ и тѣмъ же. Это существенное тождество субъекта переходитъ и на его отдѣльныя представленія: каждое изъ нихъ можетъ быть сознаваемо неиначе, какъ равнымъ самому себѣ; ничего, заключающаго въ себѣ противорѣчіе, нельзя представить. Это и есть законъ *тождества* *).

б) Предполагается нѣчто, отъ чего отличаетъ себя субъектъ, т.-е. разнообразные предметы мышленія; изъ сей противоположности субъекта съ представляемыми предметами и самыми представленіями своими выходитъ новый законъ для сихъ послѣднихъ, по которому каждое изъ нихъ есть для сознанія уже не то, что̀ всѣ другія. Это законъ *противоположности* (исключеннаго третьяго).

в) Предполагается мысленное соединеніе субъекта съ предметами въ сознаніи (представленіе), что не-

(*) Законъ противорѣчія, отличаемый нѣкоторыми отъ сего закона, очевидно, есть неболѣе, какъ его отрицательная сторона.

возможно безъ основанія, почему изъ множества возможныхъ представленій предмета составляется именно то, а не другое. Это законъ *основанія.*

Зависимость сихъ законовъ отъ идея о существѣ Безконечномъ.

Очевидно, всѣ эти законы составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, въ каждомъ законѣ порознь выражающее только различныя свои стороны, а во всѣхъ вмѣстѣ изъявляющее одно общее, для всѣхъ мыслящихъ и познающихъ существъ необходимое требованіе: «мысли данный предметъ такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть самъ въ себѣ и во всѣхъ его отношеніяхъ, не смѣшивая его съ другими предметами и ничего не утверждая и не отрицая о немъ произвольно, безъ дѣйствительныхъ основаній. Чтобъ такимъ-образомъ мышленіе твое было опредѣленно, постоянно отъ начала до конца, основательно, само съ собою и съ дѣйствительностію мыслимаго во всей полнотѣ и точности согласно». Требованіе огромное! Точный смыслъ этого требованія показываетъ, что оно простирается не на одно только отвлеченное логическое мышленіе, но и на всѣ возможныя теоретическія и практическія приложенія его къ бытію дѣйствительному. Ибо всякій дѣйствительный предметъ въ мышленіи, познаніи и обращеніи нашемъ съ нимъ и употребленіи его или соотношеніи съ нимъ, тогда только будетъ въ пол-

номъ смыслѣ такимъ, каковъ онъ есть дѣйствительно, т.-е. тождественнымъ, равнымъ самому себѣ, когда будемъ мыслить и познавать не одну внѣшнюю являемость его, но самую его сущность, до самыхъ крайнихъ началъ и основаній, на которыхъ виситъ и утверждается вся его существенность и всѣ зависящія отъ нея свойства, качества, принадлежности, отношенія видоизмѣненія и проявленія. Такое же точное и всестороннее вѣдѣніе предмета потребно и для того, чтобъ точно, полно и всесторонно отличить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ; равно и для того, чтобъ видѣть и опредѣлить точныя, дѣйствительныя, самыя крайнія начала и причины всѣхъ дѣйствій отношеній и проявленій его. Между-тѣмъ духъ нашъ, самъ отъ себя требуетъ всего этого, во всей полнотѣ и совершенствѣ!! И требованія эти не таковы, чтобъ можно было выполнять и не выполнять ихъ по произволу: бо̀льшее или мѐньшее ихъ выполненіе или невыполненіе неизбѣжно сопровождается весьма важными и неотразимо ощутительными послѣдствіями для мыслителя умственными и нравственными. Именно:

1. Всякое мышленіе уничтожится само собою, недостигнувъ своей цѣли и отчетливости для самого себя, какъ-скоро въ немъ нарушенъ будетъ одинъ

какой-либо изъ сихъ законовъ, хотя бы прочіе и были соблюдены.

2. Въ самихъ же этихъ законахъ непосредственно заключается и побужденіе къ мышленію и знанію, болѣе-и-болѣе совершенному, точному, основательному и удовлетворительному. Человѣкъ, какъ скоро начнетъ сознавать и отличать себя отъ предметовъ внѣшнихъ, самъ собою влечется уже къ мышленію и познанію; дитя уже любопытствуетъ и вопрошаетъ: что̀ есть и что̀ значитъ то и другое? почему что такъ, а не иначе существуетъ и дѣйствуетъ? и т. п. А чѣмъ болѣе приходитъ въ возрастъ и сознаніе, тѣмъ бо̀льшая-и-бо̀льшая возбуждается въ немъ жажда знаній и тѣмъ бо̀льшая потребность отчетливости, полноты и основательности ихъ.

3. Въ самихъ также законахъ мышленія непосредственно заключается и оцѣнка всякаго мышленія въ въ каждомъ субъектѣ мыслящемъ, въ отношеніи къ собственному и другихъ мышленію,—оцѣнка рѣшительная и до того живая и дѣятельная, что тутъ же непосредственно, мимо отчетливости и доказательности разсудка, производитъ даже перемѣны внутренняго состоянія въ мыслителѣ — пріятную самоувѣренность и самодовольство, или же самонедовольство и самобезпокойство. Если и бываетъ въ ходу несообразность съ требованіями коренныхъ законовъ

мышленія, то потому только, что она служитъ потѣхою и забавою для людей всякаго состоянія и возраста,—что на ней основывается смѣшное, какъ неестественное, напр. въ простонародныхъ сказкахъ и разсказахъ шуточныхъ, въ комедіяхъ и балаганныхъ представленіяхъ и т. п.

Но, при такомъ быстромъ и тонкомъ чутьѣ духа нашего къ сообразности и несообразности всякаго проявленія мысли съ требованіями основныхъ законовъ мышленія и при такой настоятельной понудительности этихъ требованій, родъ человѣческій немного успѣлъ удовлетворить этимъ требованіямъ. Еслибы умъ всевѣдущій оцѣнилъ всѣ осуществившіяся доселѣ мышленія и познанія человѣческія; то, безъ всякаго сомнѣнія, оказалось бы, что въ нихъ нѣтъ и половиннаго удовлетворенія нетолько закону тождества, по ихъ неполнотѣ и невсесторонности, но и остальнымъ двумъ законамъ, по той же неполнотѣ и невсесторонности ихъ. При всемъ томъ родъ человѣческій не ослабѣваетъ, а все еще болѣе-и-болѣе возгарается въ стремленіи своемъ къ удовлетворенію требованіямъ своего духа. Удовлетворивши имъ нѣсколько, самъ же мыслитель сознаетъ, что невполнѣ и несовершенно удовлетворилъ; и опять самъ собою понуждается идти далѣе-и-далѣе, и опять результатъ тотъ же—неполнота и недостаточность; и

опять неумолкающее самопонужденіе, и опять недостаточность. Но, и по малѣйшимъ частичкамъ достигаемый успѣхъ въ этихъ трудныхъ и безконечныхъ усиліяхъ, не одного изъ тружениковъ приводитъ въ восторгъ и заставляетъ восклицать отъ радости: ἕυρηκα! ἕυρηκα!

Все это показываетъ, что есть въ духѣ нашемъ что-то высшее законовъ мышленія, — что-то такое, что и самыми этими законами управляетъ, оживляетъ ихъ и освѣщаетъ, — что указываетъ духу нашему нѣчто высшее всего насъ окружающаго, достойное не временнаго только, но и вѣчнаго и безконечнаго нашего мышленія и познанія. Ибо, строго судя, законамъ мышленія, какъ и всякому закону вообще, несвойственно ни побуждать, ни воодушевлять въ дѣятельности по нимъ, а тѣмъ болѣе устремлять мыслительную и познавательную способность въ даль невидимую и неизвѣстную. Закону, какъ опредѣленному и всегда одинаковому и неизмѣнному правилу, свойственно только указывать и направлять способъ дѣйствія, бытія или отношенія въ данномъ случаѣ, и притомъ въ тотъ самый моментъ, когда производится дѣйствіе, или бытіе и отношеніе; а возбуждать, усиливать или ослаблять самую дѣятельность, или самое бытіе либо отношеніе, есть уже дѣло дѣйствительныхъ силъ, причинъ и обстоятель-

ствъ, по роду и свойствамъ того, что̀ должно произойти и осуществиться отъ нихъ и чрезъ нихъ, подъ управленіемъ извѣстныхъ на то законовъ природы. Такъ напр. законъ растительности и такого или другаго рода плодотворенія существамъ природы органическимъ и неорганическимъ постоянно и неизмѣнно присущъ; но растительность и плодотвореніе тогда только происходятъ по своимъ законамъ, когда силы растительная и плодотворная, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и условій, приводятся въ дѣйствіе. Точно такъ же и въ нашемъ мышленіи и познаваніи воодушевленіе, сила и живость могутъ быть производимы не законами мышленія, а только дѣйствительными предметами, когда въ нихъ заключается и приражается къ чувству и сознанію нашему какой-либо интересъ или какая-нибудь пріятность для насъ. Воинъ напр. съ воодушевленіемъ и увлеченіемъ выполняетъ обязанности свои тогда только, когда любитъ свое отечество и свое званіе, или когда побуждается честію и славою героя. Поэтъ восторгается отъ того, что изображаемый имъ предметъ услаждаетъ его духъ и сердце своимъ величіемъ, либо изяществомъ, пользою и т. п. Слѣд. если въ законахъ мышленія усматривается побужденіе и устремленіе духа нашего нетолько къ тому, что̀ есть внутреннѣйшаго и сокровеннаго въ предметахъ ограниченныхъ, но и запре-

дѣлы всякой ограниченности, за предѣлы пространства и времени, слѣд. въ область безконечнаго; то это возбужденіе и устремленіе должно уже происходить отъ дѣйствительной предметности изъ области безконечнаго; а слѣд. и въ насъ должна быть высшая управляемаго законами разсудка способность соотвѣтствія и воспріятія этой запредѣльно и вышевременной предметности. Она и есть дѣйствительно въ высшей познавательной способности нашей—умѣ, который всѣмъ существомъ своимъ обращенъ къ сверхчувственному и безконечному, и, посредствомъ прирожденныхъ ему идей, въ такое же поставленъ живое и непосредственное отношеніе къ нему, какъ низшая наша познавательная способность — къ міру ограниченному, посредствомъ чувствъ. Потому-то идеи о сверхчувственномъ, а преимущественно о Самомъ Существѣ Безконечномъ, и характеромъ своимъ соотвѣтствуютъ низшимъ нашимъ чувствамъ, такъ же т.-е., какъ и сіи, производятъ самыя живыя и дѣятельныя перемѣны внутренняго нашего состоянія, выявляясь первоначально въ живомъ чувствѣ, а не въ холодномъ знаніи.

Поелику же основные законы мышленія требуютъ, чтобы въ мышленіи нашемъ была всецѣлая полнота или всестороння и неизмѣнная тождественность, полное и всестороннее отличеніе и самостоятельная отдѣльность всякаго мыслимаго предмета, и чтобъ оно утверждалось нетолько на какихъ-нибудь, но и на самыхъ послѣднихъ началахъ и основаніяхъ, — и такъ-какъ разсудокъ нашъ — главный выполнитель въ мышленіи всѣхъ этихъ требованій — не усматриваетъ всего, здѣсь требуемаго, въ дѣйствительныхъ предметахъ бытія ограниченнаго *), то явно, что эти основные законы мышленія въ дѣятельности своей всецѣло и непосредственно зависятъ отъ прирожденной духу нашему идеи о Существѣ Безконечномъ, которое одно всегда и во всемъ одинаково съ собою и есть послѣднее, безусловное начало бытія вещей мышленія человѣческаго.

Все это пояснится болѣе, когда подробнѣе раскроемъ каждый законъ порознь и укажемъ ихъ значенія свойства и различныя приложенія въ дѣлѣ мышленія и познаній человѣческихъ.

*) Не усматриваетъ совершенной тождественности, какъ всецѣлой полноты, потому-что онъ имѣетъ дѣло только съ явленіями, доводимыми до него внѣшними и внутреннимъ чувствами, а что есть внутреннѣйшаго и существеннѣйшаго въ предметахъ, то недоступно для него непосредственно, а многое—и при всѣхъ возможныхъ посредствахъ; не усматриваетъ всецѣлаго и всесторонняго различія потому, что не знаетъ вполнѣ существенности вещей, слѣд. можетъ принимать за необходимую принадлежность вещи то, что случайно приразилось къ ней; не усматриваетъ послѣднихъ началъ и основаній потому, что они скрываются въ общемъ, Верховномъ Началѣ всего — за предѣлами опыта, слѣд. внѣ сферы его дѣятельности.

Раскрытіе закона тождества.

Законъ тождества въ мышленіи проистекаетъ, какъ сказано, изъ того существеннаго свойства субъекта мыслящаго, по которому онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сознаетъ себя однимъ и тѣмъ же. Слѣд. сущность этого закона состоитъ въ требованіи опредѣленности и постоянства мыслимаго предмета въ сознаніи и мышленіи нашемъ. Но какъ опредѣленность и постоянство въ сознаніи и мышленіи нашемъ могутъ быть различныхъ степеней, по различію полноты ихъ условій и по бо́льшей или мѐньшей пріемлемости той способности или силы духа, въ которой эти условія должны выполняться и осуществляться; то и самый законъ тождества можетъ быть понимаемъ и прилагаемъ къ дѣлу не въ одинаковомъ смыслѣ и не въ одинаковыхъ размѣрахъ. Въ смыслѣ метафизическомъ, когда т.-е. предметъ дѣйствительный созерцается умомъ въ его сущности, подъ тождествомъ созерцанія предмета должно разумѣть ясное и точное сознаніе всей полноты дѣйствительныхъ свойствъ, качествъ, принадлежностей, отношеній, всей природы предмета, до послѣднихъ его началъ и основаній бытія и жизни. Этого рода тождество, очевидно, недоступно для ограниченныхъ силъ нашего духа, а можетъ быть только идеаломъ

для его стремленія и постепеннаго приближенія къ нему. Въ смыслѣ логическомъ, т.-е. когда мысль отвлеченная, образовавшаяся въ разсудкѣ, обсуживается и раскрывается разсудкомъ, подъ именемъ тождества должно разумѣть собственно точную и всестороннюю опредѣленность и постоянство, устраняющее всякое противорѣчіе въ раскрытіи, направленіи и приложеніяхъ этой мысли или понятія. Этого рода тождество, какъ собственно къ мыслительной, разсудочной дѣятельности нашей относящееся, и составляетъ предметъ ученія Логики.

Но надобно замѣтить, что ни чисто-метафизическое, ни чисто логическое тождество не существуетъ для ограниченнаго духа нашего потому 1) что созерцаніе умомъ метафизическаго тождества не можетъ совершенно отрѣшиться отъ всякой форменности разсудка; 2) потому, что логическое тождество, какъ идеальное сочетаніе понятій, отвлеченныхъ отъ реальности бытія дѣйствительнаго, не можетъ и не должно совершенно отрѣшаться отъ дѣйствительности мыслимаго идеально; иначе оно скоро запутается въ идеальности и дойдетъ до мечты безсодержательной; 3) наконецъ потому, что мышленіе наше, какое бы оно нибыло и о чемъ бы ни было, о логическомъ или метафизическомъ чемъ-нибудь, должно производиться съ

тою цѣлію, чтобъ дойти намъ до познанія чего-либо дѣйствительнаго въ мыслимомъ, или чрезъ мыслимое, если оно идеально. Творецъ съ тою цѣлію и вложилъ въ мыслящій духъ нашъ законы мышленія и въ духѣ же нашемъ освѣтилъ ихъ идеей о безконечномъ, какъ дѣйствительной причинѣ и источномъ началѣ всего сущаго и самаго мышленія нашего, чтобъ мы, отъ реальнаго созерцанія бытія дѣйствительнаго, возвышаясь къ идеальному мышленію о немъ, доходили наконецъ до реальнаго же познанія верховнаго начала и крайнихъ дѣйствительныхъ цѣлей всякаго бытія и дѣйствія — до дѣйствительнаго познанія Творца всего сущаго и отношеній къ Нему всего сущаго.

Изъ такого понятія о законахъ мышленія вытекаетъ такой смыслъ закона тождества: «мысли данный предметъ такъ, чтобъ въ мышленіи твоемъ не было противорѣчія, непосредственно въ одномъ и томъ же дѣйствіи мышленія, ни логическаго, т.-е. относительно послѣдовательности мышленія, ни метафизическаго — относительно дѣйствительности въ предметѣ мыслимомъ.»

Формула закона тождества.

Потому требованія сего закона можно выразить положительно и отрицательно въ слѣдующихъ формулахъ:

Положительная.

Всякій предметъ мышленія долженъ быть мыслимъ, какъ этотъ опредѣленный предметъ, а не какъ другой какой-либо, т.-е. предмету мыслимому приписывай то, что̀ дѣйствительно принадлежитъ ему и отрицай, въ мышленіи своемъ, то, чего въ немъ нѣтъ дѣйстввительно.

Отрицательная.

Не соединяй утвержденія съ отрицаніемъ непосредственно въ одномъ и томъ же дѣйствіи мышленія, потому-что они, взаимно уничтожая одно другое, уничтожаютъ тѣмъ и самое мышленіе.

Значеніе закона тождества въ мышленіи.

Отсюда явствуетъ, какъ важенъ законъ тождества въ мышленіи: безъ него не могли бы даже начать никакого мышленія. О ничемъ мыслить нельзя, равно нельзя мыслить о чемъ-нибудь смѣшанномъ, неопредѣленномъ для нашего сознанія; потому чтобъ начать дѣйствіе мышленія, нужно имѣть опредѣленный предметъ, обособленный въ сознаніи нашемъ отъ ряда многихъ другихъ предметовъ. Это-то первое и необходимое условіе возможности выступленія мышленія и даетъ намъ законъ тождества, заставляя насъ не смѣшивать предметъ съ предметомъ и постоянно

имѣть его одинаковымъ въ мышленіи нашемъ, устраняя все противорѣчащее ему и измѣняющее его въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ.

Дальнѣйшее приложеніе его къ знанію.

Не мѐньшую важность имѣетъ сей законъ и въ дальнѣйшемъ развитіи мышленія и въ познаніи. Сущность развитія мышленія и зависящаго отъ него познанія состоитъ въ томъ, что оно, переходя отъ низшихъ сферъ и объемовъ предметовъ мыслимыхъ къ болѣе высшимъ, возвышается наконецъ до взглядовъ общихъ, обнимающихъ въ единой цѣлости обширный кругъ, цѣлый рядъ мыслимаго. Эти переходы и это соединеніе множества въ единство возможны въ томъ только случаѣ, когда вся эта множественность заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе однородности и сходства, и потому болѣе или менѣе способна отождествиться въ мышленіи нашемъ. Поэтому такіе переходы и обобщенія въ мышленіи и познаніи или уклонились бы отъ дѣйствительной природы предметовъ мыслимыхъ и все мышленіе и познаніе обратились бы въ чистую мечту—сдѣлались бы безсодержательными, или дошли бы до невыходимой запутанности и хаотическаго смѣшенія и такимъ-образомъ сами себя истощили и уничтожили бы, еслибъ хоть на одинъ моментъ оторвались отъ закона тождества,

т.-е. еслибы въ нихъ выпущена была изъ вниманія тождественность сначала въ предметахъ, составляющихъ содержаніе и объемъ извѣстнаго мышленія, а потомъ въ болѣе и болѣе возвышающейся отвлеченности тѣхъ общихъ всѣмъ имъ свойствъ и качествъ (признаковъ), посредствомъ соединенія которыхъ собственно и совершаются переходы отъ мѐньшей къ бо̀льшей-и-бо̀льшей общности въ мышленіи и познаніи.

Твердость познаній зависящая отъ законо тождества.

Очевидно, что отъ закона же тождества главнымъ и существеннымъ образомъ зависитъ и твердость познаній. Познанія, въ собственномъ смыслѣ, могутъ быть только слѣдствіемъ строгаго, правильнаго систематическаго соединенія многихъ частныхъ знаній и отдѣльныхъ свѣдѣній въ одно неразрывное цѣлое, въ стройную систему. Для построенія такой системы мыслей необходимо: а) одно общее начало (главная, основная мысль), изъ котораго бы все въ ней развивалось; б) одна общая цѣль, къ которой бы все направлялось неуклонно; и в) непрерывная послѣдовательность одной мысли за другой, по естественнымъ, необходимымъ и очевиднымъ отношеніямъ ихъ между собою. Все это возможно только при соблюденіи закона тождества.

Законъ постоянства въ бытiи, соотвѣтствующiй закону тождества въ мышленiи.

Данное нами понятie о дѣйствiяхъ и значенiи закона тождества въ нашемъ мышленiи и познанiи прямо ведетъ къ той мысли, что мышленie и познанiя наши поставлены по этому закону въ точную и дѣйствительную соотвѣтственность съ бытiемъ дѣйствительнымъ. Подлинно, еслибы въ мiрѣ дѣйствительномъ не было постоянства въ бытiи, дѣйствiяхъ и отношенiяхъ, какъ каждаго отдѣльнаго бытiя, такъ и въ совокупности всего существующаго; то, слѣдуя прирожденному намъ закону тождества, мы никогда не достигали бы познанiй постоянныхъ, а тѣмъ болѣе не могли бы усовершать ихъ: ибо каждый моментъ должны были бы замѣнять ихъ другими, оставляя прежнiя, уже неимѣющiя приложенiя къ измѣнившемуся мыслимому предмету. Но мы видимъ, что въ мiрѣ дѣйствительномъ все существуетъ и дѣйствуетъ одинаково и неизмѣнно: извѣстныя причины и условiя всегда производятъ извѣстныя, опредѣленныя, всегда одинаковыя дѣйствiя и послѣдствiя; извѣстныя силы природы производятъ имъ только свойственныя явленiя и всегда одинаково при одинаковыхъ условiяхъ. Какъ было отъ начала мiра, такъ совершается и теперь, такъ и всегда будетъ совершаться. Очевидно, это происходитъ не случайно, но потому, что каждое

царство природы и каждое отдѣльное существо въ каждомъ царствѣ, имѣютъ свою опредѣленную, отдѣльную сущность, потому и свои опредѣленные законы для ея осуществленiя. Очевидно и то, что законъ такого постоянства въ мiрѣ дѣйствительномъ направленъ къ той цѣли, чтобы все въ немъ шло своимъ чередомъ, одно съ другимъ не смѣшивалось бы, одно другому не препятствовало, и такимъ образомъ все предохранялось бы отъ разрушенiя и уничтоженiя. Того же самаго требуетъ и къ тому направленъ и законъ тождества въ мышленiи и познанiи нашемъ. Слѣдовательно, по цѣлямъ Самого Творца бытiя и мышленiя, мышленie наше должно быть не праздньмъ препровожденiемъ времени, должно производиться не на обумъ, какъ ни есть и о чемъ ни есть, но всегда должно имѣть предметомъ своимъ только то, что существуетъ дѣйствительно, или что возможно на дѣйствительныхъ основанiяхъ, — съ тою цѣлiю чтобъ мы могли познавать это дѣйствительное или возможное такимъ именно, каково оно есть или можетъ быть по своей природѣ и по своему назначенiю.

Раскрытie закона противоположности.

Субъектъ мыслящiй, сознавая себя самого, предметы мышленiя и представленiя о нихъ тождественными, въ то же время противополагаетъ ихъ одно

другому и отличаетъ одно отъ другаго, т.-е. себя самого противополагаетъ всему тому, что̀ внѣ его — предметамъ мыслимымъ и представленіямъ о нихъ, равно и предметы мыслимые противополагаетъ одинъ другому, и одно представленіе о нихъ всѣмъ прочимъ представленіямъ, — сознаетъ, что одно не то, что̀ другое, а что каждое есть нѣчто отличное отъ всѣхъ прочихъ. Хотя такое противоположеніе и отличеніе необходимо предполагается и въ тождествѣ, такъ что возможность сознанія тождества условливается сознаніемъ противоположности *), при всемъ томъ тождество и противоположность въ сознаніи нашемъ не одно и то же, и, тѣсно соединяясь между собою, не сливаются до безразличія, а только взаимно проникаются и пополняются. Законъ тождества требуетъ, чтобъ всякій мыслимый предметъ былъ мыслимъ, какъ этотъ опредѣленный предметъ, а не какъ другой какой-либо; законъ же противоположности требуетъ, чтобъ предметъ мыслимъ былъ не безразлично и слитно съ другими, а отлично отъ всѣхъ прочихъ, по тѣмъ признакамъ, которыми отождествляется каждый предметъ порознь и тѣмъ самымъ отличается отъ всѣхъ прочихъ.

*) Еслибъ мы не сознавали противоположности и отличія одного предмета или представленія отъ другихъ; то, можетъ быть, не могли бы сознавать и тождества ихъ.

Различіе противоположности дѣйствительной отъ Логической.

Но надобно различать противоположность дѣйствительную (предметную, реальную) отъ противоположности отвлеченной (Логической). Разность между ними та, что въ противоположности дѣйствительной представленія, будучи конкретными, т.-е. содержаніемъ своимъ непосредственно опредѣляющими предметъ дѣйствительный, такой именно, а не другой, не могутъ быть совершенно противоположными между собою такъ, чтобы одно другимъ исключалось, а могутъ быть только отрицательными, но такъ, что могутъ и соединяться въ одномъ и томъ же дѣйствіи мышленія, обособляясь только одно отъ другаго и въ сознаніи нашемъ и въ самой формѣ внѣшняго выраженія мышленія, или въ одномъ только сознаніи. Это возможно и дѣйствительно бываетъ потому, что и въ бытіи дѣйствительномъ противоположности совмѣщаются въ одномъ и томъ же предметѣ, не нарушая единства его бытія и проявленій, напр. радуга составляется изъ различныхъ цвѣтовъ, и мы мыслимъ о ней, какъ составленной изъ различныхъ цвѣтовъ, и тѣмъ опредѣляемъ ее, какъ одинъ предметъ; или: человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, и мы мыслимъ о немъ, какъ о существѣ тѣлесно-духовномъ, по тѣлу смертномъ, а по душѣ безсмертномъ. Противополож-

ность же Логическая не такого свойства. Отвлеченность Логическая состоитъ въ томъ, что представленія въ ней не относятся непосредственно къ какому-либо опредѣленному дѣйствительному предмету, а по своей общности заключаютъ подъ собою цѣлый рядъ предметовъ, но такъ, что опредѣленные недѣлимые предметы подходятъ подъ эти общія представленія не всѣмъ содержаніемъ, не всѣми свойствами и признаками существа своего, а только нѣкоторыми, иногда только однимъ признакомъ. Посему общее родовое понятіе не можетъ быть прилагаемо всецѣло къ частнымъ, недѣлимымъ предметамъ дѣйствительнымъ, даже и къ частнымъ представленіямъ о нихъ: *а*, потому-что частныя представленія извѣстныхъ опредѣленныхъ предметовъ обширнѣе своимъ внутреннимъ содержаніемъ противъ понятія родоваго, и *б*, потому-что въ такомъ случаѣ отвлеченное понятіе и мышленіе перестали-бъ быть отвлеченными, и низошли бы въ кругъ частныхъ, конкретныхъ представленій, т.-е. измѣнились бы, что невозможно. Посему въ мышленіи Логическомъ противополагаются одни другимъ не предметы опредѣленные, а только общія отвлеченныя представленія другимъ представленіямъ отвлеченнымъ. Слѣд. въ нихъ противоположность должна быть такая, въ которой необходимо должно заключаться прямое противорѣчіе, такъ-что, по соединеніи ихъ, разрушается самое пред-

ставленіе и вовсе прекращается ходъ мышленія. Напр. безсмертіе и смертность, теплота и холодъ, свѣтъ и тма не могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же дѣйствіи мышленія въ одно и то же время.

Формула закона противоположности.

По этому требованіе сего закона можно выразить въ слѣдующей формулѣ: положеніе и отрицаніе одного и того же не могутъ принадлежать никакому предмету вмѣстѣ, т.-е. въ одно и то же время, и съ одной и той же стороны.

Значеніе его въ мышленіи, преимущественно какъ двигателя при переходѣ отъ одной мысли къ другой.

Законъ противоположности, какъ мы видѣли выше, составляетъ необходимое дополненіе закона тождества. Сами по себѣ—въ чистыхъ своихъ требованіяхъ каждый изъ этихъ законовъ есть отдѣльный фактъ сознанія, независящій отъ другаго и невыводимый одинъ изъ другаго; но въ приложеніяхъ своихъ одинъ другимъ пополняется и освѣщается, одинъ другимъ проникается, такъ что, безъ этого взаимнаго ихъ соприкосновенія и проникновенія, мышленіе наше оставалось бы на одномъ пунктѣ — неподвижнымъ; особенно это можно сказать о законѣ тождества. Безъ соприкосновенія его съ закономъ противоположности, мышленіе наше покоилось бы на томъ, что въ мысли-

момъ предметѣ тождественность ненарушена. Но когда одному предмету, тождественно мыслимому, противополагаются другіе такіе же предметы, тогда сознанію открывается, что въ каждомъ изъ нихъ есть признаки такіе, которые всѣмъ имъ равно принадлежатъ, и есть такіе, которые одному принадлежатъ, а другому нѣтъ. Слѣд. чрезъ это открывается для мышленія новая, уже обширнѣйшая, работа, именно открывается возможность соединять и различать; а эти точки возможности соединенія и различенія подвигаютъ и расширяютъ мышленіе, служа ему переходами отъ одной мысли къ другой, такъ что каждою изъ этихъ точекъ можетъ начаться новый рядъ, или новая сторона мышленія, которое такимъ-образомъ можетъ простираться до безконечности, или восходя выше—въ бо́льшія и бо́льшія отвлеченности, или нисходя въ сферу предметности бытія дѣйствительнаго.

Дальнѣйшее приложеніе сего закона къ знанію.

Такимъ-образомъ законъ противоположности имѣетъ существенную важность и въ приложеніи его къ знанію. Подвигая и расширяя мышленіе чрезъ сравненія и противоположенія одного мыслимаго предмета другому и одной его стороны другой, онъ такимъ-образомъ составляетъ существенно-необходимое условіе открывать въ предметахъ различныя ихъ стороны,

свойства и принадлежности; а это самое и полагаетъ основаніе въ мыслящемъ къ обогащенію его знаніями обширными и многосторонними.

Разнообразіе и опредѣленность познаній подъ вліяніемъ закона противоположности.

На этомъ основывается разнообразіе познаній, составляющихъ содержаніе различныхъ наукъ, и то точное разграниченіе, съ какимъ можетъ быть излагаема и раскрываема нетолько каждая наука, но и подраздѣльныя части каждой изъ нихъ: ибо все это можетъ быть достигнуто и отчетливо сознано не иначе, какъ только чрезъ противоположеніе и сличеніе, сначала предметовъ, долженствующихъ составлять содержаніе той или другой науки а потомъ всего привходящаго въ нихъ отвнѣ—изъ другихъ сферъ знанія, или непосредственно вытекающаго изъ внутренняго ихъ содержанія. Живымъ примѣромъ и доказательствомъ того, что подъ вліяніемъ ясно сознаннаго и отчетливо употребленнаго въ дѣло закона противоположности познанія получаютъ опредѣленность и точность, служитъ настоящее состояніе наукъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ умы, такъ называемые, критическіе, точнѣе опредѣлили кругъ каждой науки и разграничили содержаніе каждой изъ нихъ, многоразличныя истины установились и усвоились всѣмъ образованнымъ міромъ. Теперь уже онѣ не составляютъ,

какъ прежде, безплодной тайны, исключительной принадлежности ученыхъ кабинетовъ; но всестороннее приложеніе ихъ къ многоразличнымъ потребностямъ житейскаго и нравственнаго быта людей удивляетъ насъ огромностію и благотворностію результатовъ, въ которыхъ до наглядной очевидности оправдывается точность и опредѣленность ученыхъ теорій въ приложеніи ихъ къ бытію дѣйствительному.

Что соотвѣтствуетъ въ бытіи дѣйствительномъ закону противоположности въ мышленіи?

Что мышленіе наше и по закону противоположности поставлено въ точную соотвѣтственность съ бытіемъ дѣйствительнымъ, это слѣдуетъ уже изъ понятія о тождествѣ.

Если всякая вещь тождественна, равна самой себѣ; то необходимо слѣдуетъ, что каждая должна быть и отлична отъ всѣхъ прочихъ: ибо безъ отличія каждой вещи отъ другихъ не моглобъ быть и тождества каждой порознь, а всѣ составляли бы одно безразличное.

Различіе и противоположность въ мірѣ дѣйствительномъ замѣтили еще древніе. Такъ Цицеронъ, въ опроверженіе Демокрита, допускавшаго безчисленное множество міровъ, но утверждавшаго, что нѣкоторые изъ нихъ нетолько сходны между собою, но

даже совершенне и всесторонно одинаковы (ita inter se non solum similes, sed undique perfecte et absolute ita pares, ut inter nihil eos prorsus iutersit), говоритъ *:) «Лучшіе физики ясно учатъ, что каждая особая вещь имѣетъ свои особыя свойства. Близнецы напр. хотя сходны между собою, но не одинаковы до безразличія; если ихъ не различаютъ внѣ дома (foris), то различаютъ въ домѣ; если не различаютъ чужіе, то различаютъ свои». Бавместеръ учитъ, что нѣтъ и не можетъ быть двухъ существъ или вещей совершенно одинаковыхъ, потому-что еслибъ они были совершенно одинаковы, то должны были бы существовать въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, что̀ невозможно **). Лейбницъ то положеніе, что нѣтъ

---

*) Quid tibi vis in geminis? Conceditur enim, similes esse, quo contentus esse potueras. Tu autem vis eosdem plane similes: quod fieri, nullo modo potest..... refellam (opinionem Democriti) propter id quod dilucide docetur a politioribus Physicis, singularum rerum singulas esse proprietates. Fac enim, antiquos illos servilios, qui gemini fuerint, tam similes, quam dicuntur. Num censes, etiam eosdem fuisse? Non cognoscebantur foris; at domi: non ab alienis; at suis. Annon videmus hoc usu venire, ut quos nunquam putassemus, a nobis internosci posse, eos, consuetudine adhibita, tam facile internosceremus, ut ne minimum quidem similis esse viderentur? Quest. Academic. Cic. L. IV, Cap. 17.

**) Non dantur nec dari possunt duo entia, perfecte eadem et perfecte similia. Fingas, dari aut dari posse duo entia, perfecte eadem aut perfecte similia, tum eodem quoque tempore eodem que loco debent existere (aliàs enim non essent perfecte similia). Fac, eodem tempore illa, que perfecte similia fiingas, existere, tum non possunt eodem loce

вещей совершенно сходныхъ между собою, назвалъ principium indiscernibilium, потому-что еслибы двѣ вещи или двѣ сущности были совершенно сходны между собою во всемъ, то никакимъ образомъ нельзя было бы различить ихъ. Къ этому справедливому ученію древнихъ можно еще присовокупить, что еслибы нѣсколько отдѣльныхъ вещей или и цѣлыхъ міровъ, были совершенно одинаковы во всемъ; то эта одинаковость могла бы происходить не отъ чего другаго, какъ отъ одинаковости ихъ сущностей. Но это значило бы допускать одну сущность во всѣхъ ихъ, и слѣд. допускать слитность многихъ или и всѣхъ вещей въ одну массу, т.-е. что всѣ вещи суть одна вещь и всѣ міры суть одинъ міръ. Напротивъ, мы видимъ, что безпредѣльная премудрость Творца и здѣсь является безпредѣльною: она на всемъ существующемъ до послѣдняго недѣлимаго и до послѣдней песчинки положила печать особности, и нетолько на каждомъ недѣлимомъ, но даже на каждомъ признакѣ каждаго недѣлимаго, такъ что нетолько разносущественныя, но и односущественныя вещи и существа одушевленныя различаются между собою до безконечности. Не говоря уже о предметахъ веще-

existere, atque adeo in ipsis diversitas, ratione loci, reperitur. Fingas, eodem loco illa existere, tum non eodem tempore existent. Quo jam dissimilitudo nova exsurgit.

ственныхъ, въ которыхъ разнообразію и отличительности нѣтъ предѣла, самыя даже душевныя способности въ существахъ духовныхъ также разнообразны до безконечности, такъ что не найдется двухъ лицъ совершенно сходныхъ между собою и въ одной какой-либо способности, какъ по природной степени совершенства, такъ и по внѣшнему выраженію дѣятельности ея; невзирая напр. на то, что всѣ люди по однимъ и тѣмъ же законамъ мыслятъ, чувствуютъ и желаютъ, въ произведеніяхъ дѣятельности каждаго есть свой отличительный характеръ, свои индивидуальныя особенности. Съ другой стороны, въ мірѣ дѣйствительномъ непреложно соблюдается во всемъ цѣлость, неотдѣляемость, такъ сказать, экономія природы, т. е. тотъ премудрый законъ Творца вселенной, по которому какъ въ огромныхъ мірахъ, такъ и во всякомъ отдѣльномъ бытіи каждаго міра ни что существенное не отдѣляется и не смѣшивается съ другими сущностями такъ, чтобы одно отдѣльное бытіе (родъ или видъ) поглощалось другимъ и исчезало въ немъ. Это свойство бытія дѣйствительнаго зависитъ отъ того, что каждая планета, каждый изъ безчисленныхъ міровъ во вселенной, имѣетъ въ существѣ своемъ двѣ противоположныя силы, въ дѣйствіи своемъ стремящіяся къ одной предназначенной имъ цѣли—сохранять въ отдѣльности и ненарушимой цѣлости существен-

но принадлежащее тому или другому міру, той или другой планетѣ,—это сила притягательная и отталкивательная. Подобное нѣчто усматривается и въ каждомъ родѣ и видѣ, какъ существъ одушевленныхъ, такъ и бездушныхъ вещей міра физическаго, равно какъ и въ разнородныхъ его силахъ, которыя также обнаруживаются въ двухъ противоположныхъ полюсахъ — положительномъ и отрицательномъ. Оттого-то одна планета не сталкивается съ другою, не поглощается и не уничтожается одна другою; оттого всѣ отдѣльные роды существъ постоянно и неизмѣнно сохраняютъ свой первоначальный образъ и никогда отдѣльный родъ или видъ не перерождается совершенно въ другой и не уничтожается; одна сила природы не сливается съ другою, но каждая дѣйствуетъ по своимъ законамъ. Все это невозможно было бы при совершенномъ безразличіи и одинаковости, точно такъ же, какъ и въ нашемъ мышленіи и въ нашихъ познаніяхъ не моглобъ быть, безъ закона противоположности, никакой раздѣльности и отчетливости, никакого разнообразія опредѣленности. Притомъ, еслибы допустить возможность такого столкновенія и слiянія, тогда всякая дѣятельность должна была бы прекратиться: ибо въ ограниченномъ бытіи противоположность и противодѣйствіе составляютъ существенное условіе начала и продолженія

всякой дѣятельности,—это общій законъ для всего сотвореннаго, нетолько вещественнаго, но и духовнаго

Раскрытіе закона основанія.

Законъ основанія, проистекая изъ того же свойства сознанія и будучи такъ же самостоятельнымъ какъ и прочіе законы мышленія, имѣетъ и такую же тѣсную и необходимую связь съ прочими законами. Когда мы сознаемъ и утверждаемъ, что этотъ предметъ тождественъ самому себѣ, а тотъ нетождественъ, этотъ противоположенъ другому, а тотъ непротивоположенъ; то въ тоже время не можемъ несознавать и того, почему мы объ одномъ предметѣ утверждаемъ такъ, а о другомъ иначе. Еслибъ мы не сознавали, почему тò утверждаемъ, а тò отрицаемъ; то слѣдовало бы, что мы утверждаемъ и отрицаемъ безсознательно, или по-крайней-мѣрѣ, безотчетно для самихъ себя, безъ всякаго основанія и безъ всякаго самоубѣжденія. Такимъ-образомъ законъ основанія составляетъ нѣчто посредствующее между противоположностями, для объединенія ихъ въ сознаніи при посредствѣ основанія, т. е. при посредствѣ тѣхъ признаковъ или причинъ, которые служатъ показаніемъ, почему одно съ другимъ сходно или одно другому противоположно, почему что-либо тождественно.

Что называется собственно Логическимъ основаніемъ?

Какъ мышленіе Логическое совершается посредствомъ сочетанія представленій отвлеченныхъ, то и основанія Логическаго должно искать въ томъ же самомъ мышленіи. Каждое отдѣльное мышленіе должно быть основательно само по себѣ; слѣд. каждое должно имѣть и основаніе само въ себѣ. А въ мышленіе отвлеченное ни что̀ болѣе не привходитъ, кромѣ отвлеченныхъ представленій и понятій; слѣд. въ Логическомъ мышленіи одно представленіе или понятіе должно имѣть свое основаніе въ другомъ представленіи или понятіи того же мышленія, одна мысль послѣдующая въ другой мысли предшествующей (конкретность не имѣетъ здѣсь мѣста, потому не имѣютъ мѣста и основанія дѣйствительныя, реальныя). Напр. если мы сказали, что всякое духовное существо безсмертно, а потомъ скажемъ, что поэтому самому всякое духовное существо должно быть вѣчно; то эта послѣдняя мысль будетъ имѣть свое основаніе въ мысли предшествующей: что всякое духовное существо есть безсмертно. Мышленіе это будетъ основательно Логически, потому именно, что одна мысль основывается на другой и непосредственно изъ нея вытекаетъ. Отсюда очевидно, что и ложное мышленіе по предметному содержанію представленій, входящихъ въ

составъ его, можетъ быть основательно Логически, если только въ немъ одно положеніе будетъ основываться на другомъ и одно изъ другаго будетъ вытекать непосредственно, т. е. по формѣ будетъ правильно.

Различіе Логическаго основанія отъ другихъ основаній.

То же самое мышленіе, которое основательно Логически, еслибъ мы стали сличать съ дѣйствительною предметностію, т. е. еслибы стали повѣрять самыя представленія и мысли, входящія въ составъ его, соотвѣтствуютъ ли они содержаніемъ своимъ дѣйствительной природѣ мыслимаго предмета, тогда уже мы искали бы въ мышленіи основанія предметнаго, которое состоитъ не въ одной только послѣдовательности одной мысли изъ другой, какъ въ Логическомъ мышленіи, а въ самыхъ природныхъ свойствахъ и существенныхъ признакахъ того дѣйствительнаго предмета, о которомъ мыслимъ. Отсюда явствуетъ, что по различію предметовъ міра дѣйствительнаго предметныя основанія могутъ быть различны: Психологическія напр., когда извѣстную мысль о предметѣ основываемъ на тѣхъ чувствованіяхъ и движеніяхъ душевныхъ, какія производитъ въ насъ этотъ предметъ своими впечатлѣніями, и соотвѣтственно этимъ чувствованіямъ и движеніямъ мы-

слимъ о предметѣ;—Историческія, когда одинъ фактъ историческій основываемъ на другомъ историческомъ же;—Метафизическія, заключающіяся въ дѣйствительныхъ свойствахъ и отношеніяхъ предметовъ дѣйствительныхъ; — Геометрическія, Алгебраическія, Медицинскія и проч.;—вообще всякая наука и всякое искусство и ремесло имѣютъ свои особыя, имъ только свойственныя основанія. *Примѣч.* Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы основанія предметныя находились въ противорѣчіи или разъединеніи съ основаніями Логическими. Для того, чтобъ мышленіе было истинно и по формѣ, и по содержанію, какъ и слѣдуетъ быть, необходимо, чтобъ основанія Логическія сочетавались въ мышленіи съ основаніями предметными. А это возможно подъ тѣмъ только условіемъ, если при первоначальномъ образованіи представленій будетъ обращаемо строгое и неослабное вниманіе на то, чтобъ въ составленіи ихъ не былъ допускаемъ произволъ, но чтобъ они составлялись на дѣйствительныхъ и самыхъ существенныхъ признакахъ предметовъ дѣйствительныхъ, и притомъ безошибочно и въ возможной полнотѣ таковыхъ признаковъ предмета, для возможной полноты представленій о немъ, какъ прочнаго основанія и для отвлеченныхъ мышленій.

Формула закона основанія.

Отсюда открывается, что формула закона основанія должна быть выражена такъ: всякое мышленіе должно имѣть свойственное ему основаніе, почему оно мыслится такъ, а не иначе.

Значеніе его въ мышленіи.

Самое это требованіе показываетъ, какъ велико значеніе закона основанія въ мышленіи. Тогда только и можемъ мы сказать, что мыслимъ сознательно и отчетливо для самихъ себя, когда сознаемъ и убѣждаемся, что мыслимъ не на-обумъ, а на опредѣленныхъ, твердыхъ основаніяхъ. А такое самоубѣжденіе въ основательности начатаго мышленія, ободряя и какъ-бы освѣжая озабоченный противоположностями и различеніями мыслящій духъ нашъ (по требованію закона противоположности), даетъ ему возможность спокойно и съ увѣренностію продолжать свою мысленную работу, заботясь только о правильности построенія на готовомъ основаніи и ничѣмъ болѣе не развлекаясь. Такое нравственное вліяніе закона основанія на мыслящій духъ нашъ проистекаетъ изъ того существеннаго свойства сего закона, что онъ указаніемъ основанія одного представленія въ другомъ и слѣд. указаніемъ очевиднѣйшаго отношенія одного къ другому, каждое изъ нихъ опредѣляетъ для сознанія нашего полнѣе, многостороннѣе и отчетливѣе, и такимъ-образомъ даетъ возможность сводить ихъ къ одному общему, или путемъ утверж-

денія—показывая въ нихъ сходство и однородность, или путемъ отрицанія — выставляя ихъ различіе и противоположность, при содѣйствіи, конечно, закона противоположности.

Завершеніе мыслительной дѣйствительности подъ вліяніемъ закона основанія.

Такимъ-образомъ подъ вліяніемъ закона основанія, мыслительная дѣятельность наша завершается и достигаетъ полнаго своего результата. Ибо къ тому именно и стремится мыслящій, ограниченный духъ нашъ, чтобы мало-по-малу чрезъ разныя постепенности и различные пріемы своей духовной дѣятельности обнять наконецъ въ единствѣ сознанія многое и различное. Эта цѣль стремленія духа нашего окончательно достигается, при посредствѣ закона основанія, тѣмъ именно, что многое (напр. въ признаніи тождества предмета съ самимъ собою) представляется сознанію единымъ цѣлымъ чрезъ указаніе, что это многое потому именно едино, что каждая изъ частностей его, въ отдѣльности взятая, составляетъ существенную часть или необходимую принадлежность мыслимаго цѣлаго; равно и въ признаніи противоположности и разнородности такимъ же образомъ достигается единство мышленія въ сознаніи нашемъ—чрезъ указаніе также, почему именно одно отлично отъ другаго и не одно съ нимъ, т.-е.

здѣсь однимъ взглядомъ и однимъ дѣйствіемъ мышленія признается это многое различнымъ противоположнымъ, несовмѣстимымъ, и мы мыслимъ о немъ, какъ о различномъ и несовмѣстимомъ, не въ многихъ и различныхъ мышленіяхъ, а въ одномъ и единственномъ.

Примѣч. Конечно, и по требованію закона противоположности съ тою же самою цѣлью противополагается одно другому и различается одно отъ другаго, чтобы, обособивъ каждое, устранить такимъ-образомъ безразличность и смѣшеніе несродныя духу нашему, и по-возможности достигнуть единства взгляда на каждое отдѣленное отъ множественности, или и на всю множественность въ совокупности; но до этой послѣдней цѣли законъ противоположности, самъ по себѣ, довести не можетъ. Если намъ и кажется, что, по отдѣленіи разнородностей одной отъ другой, мы уже высвободили духъ нашъ изъ несродной ему сферы безразличія и нестройнаго смѣшенія, то это потому только, что въ самомъ дѣйствіи мышленія всѣ основные законы мышленія дѣйствуютъ совокупно, одинъ другимъ проникаясь и пополняясь; а въ сущности каждый законъ изъявляетъ свои требованія, не смѣшивая ихъ съ требованіями другихъ и независимо одинъ отъ другаго.

Приложеніе закона основанія къ знанію.

Знаніе, въ прямомъ и истинномъ смыслѣ понимаемое, можетъ быть въ насъ только плодомъ самомышленія нашего. Каково наше мышленіе, таково необходимо должно вытекать изъ него и знаніе: если мышленіе наше вѣрно и основательно по формѣ и содержанію, то и знанія, изъ него проистекающія, будутъ такъ же вѣрны, основательны и истинны. Отсюда очевидно, какъ велико значеніе закона основанія въ приложеніи его къ знанію. По требованію его, чтобы все мыслимое имѣло свое основаніе, мы стараемся опредѣлить естественное и необходимое отношеніе одного предмета или представленія о немъ къ другому; отношеніе же одного представленія или предмета къ другому можетъ опредѣлиться не иначе, какъ по существенному ихъ сходству, однородности, однокачественности и пр. Слѣд., выполняя требованія закона основанія въ отношеніи къ мышленію, необходимо: мыслимые предметы разсмотрѣть со всѣхъ доступныхъ для насъ сторонъ ихъ и притомъ не по однимъ только внѣшнимъ явленіямъ, часто случайнымъ и отъ случайныхъ обстоятельствъ зависящимъ, но по самымъ существеннымъ ихъ свойствамъ и принадлежностямъ. Такія изслѣдованія и соображенія, доводя до положительныхъ или отрицательныхъ

опредѣленій сходства или различія, однородности или разнородности, сочетаваемости или противоположности мыслимыхъ предметовъ, естественно должны доводить и до знанія сихъ предметовъ многосторонняго, подробнаго, отчетливаго, въ самое внутреннѣйшее ихъ существо проникающаго.

Связность и основательность познаній, зависящія отъ закона основанія.

Отъ закона основанія зависятъ также связность и основательность познаній. Связность познаній естественно должна произойти отъ того, что между ними очевидны будутъ естественныя взаимныя отношенія однихъ къ другимъ, или несочетаваемыя противоположности однихъ другимъ, даже степени близости или отдаленности ихъ отношеній или противоположностей. Слѣд. будетъ полная возможность для сознанія, обнявъ всю множественность и разнообразность въ одной цѣлой и неразрывной общности, расположить ихъ въ самой строгой и непрерывной систематической связности и послѣдовательности. Основательность же произойдетъ отъ того, что всякое познаніе, проистекая изъ мышленія, вѣрнаго по предметному содержанію своему, связнаго и послѣдовательнаго по своему началу и продолженію, очевидно, должно утверждаться на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ утверждается и мышленіе, породив-

шее его, и потому необходимо должно сопровождаться ясною и отчетливою сознательностію, очевидною и непоколебимою увѣренностію познающаго.

Предметное значеніе сего закона.

Законъ основанія имѣетъ полное и неоспоримое значеніе и предметное такъ же, какъ и Логическое. Онъ равно относится и къ мышленію, и къ бытію, какъ явствуетъ изъ всего вышесказаннаго о немъ: онъ показываетъ, что нетолько въ мышленіи невозможно соединеніе одного представленія съ другимъ, если между ними нѣтъ существеннаго взаимнаго отношенія, но и въ дѣйствительномъ бытіи невозможны одни только измѣняющіяся явленія существъ, безъ общаго, проникающаго ихъ начала.

Законъ причинности въ бытіи, соотвѣтствующій закону основанія въ мышленіи.

Этою стороною мышленіе наше поставлено въ прямую соотвѣтственность съ бытіемъ дѣйствительнымъ и по закону основанія такъ же, какъ и по предшествующимъ двумъ законамъ. Ибо и въ мірѣ дѣйствительномъ ни что не существуетъ и не дѣйствуетъ безсвязно, въ отдѣльности отъ всего прочаго и безъ всякаго отношенія ко всему прочему. Напротивъ, все, что ни происходитъ въ немъ, происходитъ не иначе, какъ по извѣстнымъ опредѣленнымъ при-

чинамъ, по необходимымъ естественнымъ отношеніямъ одного отдѣльнаго бытія къ другимъ, по необходимой и самой существенной зависимости одного отъ другихъ.

Различіе между основаніемъ и причиной.

Впрочемъ, при всемъ сходствѣ причинной связности въ бытіи съ основательностію въ мірѣ сознательной разумности, нельзя не видѣть и различія между основаніемъ и причиной. Различіе это состоитъ: *а*, въ томъ, что и сознательная, и свободная разумность управляются собственною самодѣятельностію, которая сама изъ себя, изъ собранныхъ ею запасовъ строитъ свой міръ мышленія и разумѣнія; по ея свободности и духовности, ей нужны и свойственны только основанія, почему она должна и можетъ производить свое мышленіе такъ, а не иначе; въ причинахъ же стороннихъ и побужденіяхъ можетъ вовсе не нуждаться; иногда одна собственная свобода можетъ служить ей основаніемъ мышленія: я мыслю такъ, а не иначе, потому-что хочу такъ мыслить; избираю основаніе для своего мышленія, какое хочу и даю ему вѣсъ и значеніе, какія хочу. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, можетъ производиться мышленіе произвольное, съ намѣреніемъ измышленное. А въ бытіи

дѣйствительномъ все подчинено или законамъ Физической и Механической необходимости, или сторонней причинности и причинной связности и послѣдовательности. Бытіе даже духовныхъ существъ (сотворенныхъ), причину какъ начала, такъ и продолженія своего имѣетъ внѣ себя—въ волѣ и всемогущей силѣ Творца. *б,* Поэтому различіе между основаніемъ и причиной состоитъ еще въ томъ, что причина всегда есть дѣйствительная сила, производящая дѣйствительное существованіе предметовъ дѣйствительныхъ, или чего либо въ сихъ предметахъ; а основаніемъ можетъ быть: и безъ дѣйствія и послѣдствій что-либо существующее дѣйствительно, или что-либо только мыслительною силою представляемое въ бытіи дѣйствительномъ, напр. природныя свойства бытія физическаго: вещественность, сложность, разрушаемость, или же въ одномъ умопредставленіи разумѣваемое, напр. добродѣтель, порокъ, справедливость. *в,* Причина есть нѣчто дѣйствительное и непремѣнно дѣйствующее, такъ что, какъ-скоро есть причина, то необходимо должно произойти и свойственное ей дѣйствіе или послѣдствіе; а основаніе не подлежитъ такой необходимости: ибо отъ воли мыслящаго зависитъ такое или другое избрать основаніе для опредѣленнаго мышленія своего, и, избравши основаніе, построить на немъ свое мышленіе или не построять,

сегодня или завтра, или чрезъ нѣсколько дней, мѣсяцевъ и годовъ развивать свое мышленіе изъ него.

Примѣч. Могутъ быть случаи, гдѣ основаніе и причина сливаются и могутъ быть принимаемы за одно, напр. извѣстное психологическое расположеніе духа послужило основаніемъ для извѣстныхъ мыслей или мнѣній; но это же душевное расположеніе можетъ быть и причиною, когда основанныя на немъ мысли осуществились на дѣлѣ и произвели нравственный поступокъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О ФОРМАХЪ МЫШЛЕНІЯ.

Что такое форма дѣятельности вообще и мышленія въ частности.

Чтобы точнѣе опредѣлить, что̀ такое форма дѣятельности вообще, нужно прежде показать, что̀ такое вообще форма. А для этого опять нужно предварительно показать различіе между формою вообще и образомъ, видомъ, фигурою,—потому-что эти слова не всегда точно употребляются внѣ науки; въ быту житейскомъ иногда принимаютъ ихъ за одно и то же. Итакъ, что̀ есть форма вообще? Съ перваго взгляда кажется, что форма почти тождественна со всякимъ предметомъ и явленіемъ вещественнымъ, или, по-

крайней-мѣрѣ, составляетъ необходимую ихъ принадлежность. Но есть ли она дѣйствительно въ мірѣ вещественномъ? Въ мірѣ вещественномъ, не нами сотворенномъ, мы нигдѣ не видимъ формъ, а видимъ только вещи, какъ подлинники, образцы для насъ, съ которыхъ можемъ снимать образы искусственно,— подражательно, вещественно, или идеально—въ мышленіи о нихъ. Въ мірѣ же искусственности человѣческой мы видимъ искусственныя формы, въ которыя отливаются искусственные образы, виды, фигуры. Если по этимъ образцамъ (искусственнымъ формамъ) опредѣлять форму вообще, то она будетъ ни что иное, какъ воображеніемъ и смысломъ составляемое умопредставленіе и умопредначертаніе того, какъ что̀ должно осуществиться видимо, вещественно, слѣдовательно въ извѣстныхъ границахъ, предѣлахъ и размѣрахъ, въ извѣстномъ сочетаніи и взаимномъ соотношеніи частей между собою и къ своему цѣлому. Слѣдовательно форма есть нѣчто идеальное, воображаемое, умопредставляемое, а то, что по ней осуществляется, есть уже образъ, видъ, фигура. Въ этомъ-то смыслѣ философы говорили: forma dat rei esse. И въ этомъ же смыслѣ должно сказать, что форма всего сотвореннаго въ мірѣ вещественномъ и самого этого міра въ цѣлости заключается только въ умѣ Божественномъ, а въ нашемъ умѣ могутъ предначертываться формы только на то, что̀ мы сами можемъ произвесть.

Отсюда понятно, что и форма дѣятельности вообще есть также воображеніемъ и смысломъ составляемое предначертаніе того способа и условій, пріемовъ, оборотовъ, приложеній и направленій, по которому должно производиться дѣйствованіе извѣстныхъ силъ и способностей, извѣстныхъ средствъ и условій,—сообразное какъ съ цѣлію и назначеніемъ имѣющей производиться дѣятельности, такъ и съ свойствомъ ея предметности. Напримѣръ архитекторъ, прежде чѣмъ начертитъ на бумагѣ планъ зданія, созерцаетъ уже его въ душѣ своей со всѣми условіями и средствами, необходимыми къ его осуществленію. Это воображеніе и умоначертаніе и есть форма имѣющаго произойти по ней зданія. Очевидно, что такимъ-образомъ понимаемая форма отличается и отъ начертаннаго плана и отъ устроеннаго по немъ зданія, именно тѣмъ, что умственно созерцаемая форма, какъ форма дѣятельности, обширнѣе и написаннаго плана, и устроеннаго по немъ зданія: въ ней можетъ заключаться и то, что̀ извѣстно подъ именемъ смѣты.

Такимъ-образомъ и въ приложеніи къ мышленію, какъ дѣятельности нашего духа, форма должна также состоять не въ другомъ чемъ, какъ въ умопредставленіи же, идеальномъ ограниченіи и сочетаніи въ

одно цѣлое всего того, что можетъ и должно составлять его, и того, какъ все это должно осуществиться въ дѣйствіи мышленія. И дѣйствительно, слѣдя за ходомъ и развитіемъ всякаго мышленія человѣческаго, мы не можемъ не убѣдиться, что общая естественная форма его есть представленіе, котораго существенное свойство есть совокупленіе многаго въ единство сознанія.

О представленіи, какъ формѣ мышленія.

Итакъ представленіе есть общая форма и общая существенно-необходимая принадлежность всякой мышленной дѣятельности, въ какихъ бы она ни производилась размѣрахъ, оборотахъ, видахъ и направленіяхъ. Посему, безъ всякой погрѣшности и не противорѣча самимъ себѣ, мы можемъ допустить представленіе и въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно и исключительно разумѣютъ его въ Логикахъ, т. е. какъ сознаніе совокупности всѣхъ или нѣкоторыхъ существенныхъ и случайныхъ признаковъ одного недѣлимаго предмета, обрисовывающихъ и отличающихъ въ сознаніи нашемъ этотъ недѣлимый предметъ отъ всѣхъ прочихъ недѣлимыхъ какъ того же вида или рода, такъ и всѣхъ прочихъ: ибо, по нашему смыслу, всякая и всякой степени множественность, сознаваемая въ формѣ единства, есть представленіе. Но главное вниманіе должно обратить здѣсь на то, что всѣ главные термины въ изложенномъ опредѣленіи представленія: *представленіе, форма* и *мышленіе*, необходимо предполагаютъ собою содержательность, предметность. Ибо какъ представленіе должно быть представленіемъ чего нибудь, такъ и форма должна быть формою для чего нибудь или на что нибудь, равно и мышленіе должно быть мышленіемъ о чемъ нибудь; пустыми, безпредметными и безсодержательными нельзя и представить ихъ. Этою необходимою предметностію и содержательностію служатъ для представленія (въ тѣсномъ, обыкновенномъ смыслѣ понимаемаго) и для формы идеальные (отвлеченные) образы съ ихъ признаками и принадлежностями предметовъ дѣйствительныхъ; а для мышленія, какъ свободно-разсудочной обработки идеально существующаго уже въ сознаніи, тѣже идеальные (отвлеченные) образы, какъ источникъ представленій и формъ. Такимъ-образомъ вся мыслительная дѣятельность наша, съ ея развитіемъ и со всѣми ея пріемами, оборотами и видоизмѣненіями, вращается около образовъ идеальныхъ и представленій идеальныхъ (отвлеченныхъ) какъ источной матеріи своей; вещественное же, какъ несовмѣстимое съ духовностію нашего духа и сознанія, ни что не входитъ непосредственно въ кругъ представляющей и мыслящей души нашей. Притомъ же

мышленіе основывается на представленіяхъ, какъ формахъ, а представленія на идеальныхъ образахъ; откуда же и какимъ путемъ и способомъ образы предметовъ входятъ въ нашу душу и какая способность составляетъ ихъ? Есть въ душѣ нашей дѣятельность, предшествующая всякому представленію,—она называется *чувственнымъ воззрѣніемъ* или *созерцаніемъ*. Это есть первый начатокъ нашей мыслительной дѣятельности, но такой начатокъ, въ которомъ нѣтъ еще никакого движенія собственно мышленія, а которымъ мыслящему духу нашему только дается предметъ, матеріалъ, о которомъ можно мыслить, если обращено будетъ на него вниманіе. Эта крайняя, первоначальная способность и вмѣстѣ дѣятельность обща человѣку съ животными; при всемъ томъ она есть уже дѣятельность духовная, ибо составляетъ образы идеальные, могущіе подходить подъ духовное наше сознаніе. Хотя способъ составленія его идеальныхъ образовъ для насъ невидимъ и несознаваемъ, однакожъ, поелику эти образы бываютъ соотвѣтственны дѣйствительнымъ предметамъ, т. е. совмѣщаютъ въ себѣ всѣ дѣйствительные признаки этихъ предметовъ, и притомъ въ формѣ единства, то очевидно, и въ этой первоначальной дѣятельности мыслящаго духа нашего соблюдается общее требованіе основныхъ законовъ и формъ мышленія, только несознательно, ин-

стинктивно. Посему-то нѣкоторые, какъ напримѣръ Кантъ, и чувственныя воззрѣнія называютъ представленіями, т. е. потому, что идеальные образы, воззрѣніемъ какъ-то таинственно составляемые, по своей идеальности и по соблюденію въ нихъ формы единства, могутъ быть подводимы подъ сознаніе или представляемы сознанію.

Виды представленія, какъ формы мышленія.

Соотвѣтственно тремъ основнымъ законамъ мышленія, мы имѣемъ и три главныя формы представленія. По силѣ внутренняго тождества съ собою, мыслящій субъектъ стремится приводить къ единству сознанія разнообразные образы предметовъ и, открывая въ нихъ признаки сходные, составляетъ *понятіе*. Но разности представляемыхъ предметовъ въ понятіи не исчезаютъ, а только закрываются для сознанія, и, выступая снова при встрѣчѣ съ другими представленіями, становятся въ извѣстное отношеніе (логическое) къ нимъ; представленіе сего отношенія есть *сужденіе*. Поелику, установляя опредѣленное отношеніе между мыслимыми предметами, сознаніе наше требуетъ основанія для сего; то представленіе сего основанія составляетъ третью и послѣднюю форму мышленія—*умозаключеніе*.

Взаимная зависимость всѣхъ этихъ трехъ формъ.

Сіи три формы представленія, какъ видоизмѣненія проявленій одной и той же мыслительной дѣятельности, одна другую предполагаютъ и одна на другой основываются. Способъ составленія понятій показываетъ, что они основываются на сужденіяхъ, а въ единство приводятся посредствомъ умозаключеній; ибо нельзя сличать одного представленія съ другимъ безъ сужденія объ ихъ сходствѣ или различіи, и нельзя также соединять ихъ въ единство понятій безъ основанія, почему одно къ другому имѣетъ отношеніе и всѣ вмѣстѣ могутъ составить одно цѣлое. Сужденіе можетъ составляться только изъ понятій, какъ отчетливо сознаваемыхъ сферъ, опредѣленныхъ и отграниченныхъ отъ всѣхъ прочихъ сферъ или объемовъ опредѣленнымъ, отличнымъ отъ другихъ, содержаніемъ. Умозаключеніе, какъ выводъ опредѣленныхъ истинъ, возможно только чрезъ снесеніе и сличеніе отношенія сужденій между собою, въ коихъ должно что либо утверждаться или отрицаться на явныхъ основаніяхъ.

1) О ПОНЯТІИ.

Понятія, какъ форма мышленія.

Понятіе, проистекая изъ прирожденной мыслящему субъекту потребности отождествлять и объединять въ сознаніи многое и разнообразное, составляетъ такую форму мышленія, по которой многіе предметы, сходные между собою въ извѣстныхъ признакахъ (качествахъ или дѣйствіяхъ), при посредствѣ частныхъ представленій и образовъ ихъ, составляются въ одно общее представленіе. Значитъ, подъ словомъ *понятіе* должно разумѣть единство во множествѣ, присущее сознанію подъ формою представленія. Понятіемъ оно называется: а) потому-что объемлетъ собою многое, т. е. собираетъ сходные признаки частныхъ представленій и образовъ въ единство сознанія, чѣмъ и отличается отъ частнаго представленія, ибо частное представленіе совокупляетъ въ единство признаки одного какого либо предмета (недѣлимаго), и притомъ не заботясь, чтобъ эти признаки были сходны между собою, ни даже о томъ, чтобы всѣ они были существенны, а имѣя въ виду только то, чтобъ они дѣйствительно заключались въ предметѣ и ему только принадлежали; *б*, посред-

ствомъ понятія мы нѣчто разумѣемъ, *понимаемъ*, т. е. обнимаемъ мыслію сущность тѣхъ предметовъ, къ которымъ оно относится, ибо общее всѣмъ предметамъ, обнимаемымъ понятіемъ, и есть въ нихъ главное и существенное. Напримѣръ въ понятіи *человѣкъ* соединяются признаки: *существо чувственно-духовное, разумное, одаренное волею и способностію слова;* а это общее всѣмъ вообще людямъ и каждому человѣку порознь и есть существенное въ человѣкѣ. Между тѣмъ посредствомъ частнаго представленія мы сознаемъ частное напримѣръ недѣлимое въ родѣ человѣческомъ, какъ отличное отъ всѣхъ людей тѣми напр. случайными признаками, что оно такого-то роста, такого-то характера, отъ такихъ-то родителей происходитъ, въ такомъ-то званіи или должности состоитъ и проч.

Способъ представленія понятій.

Способъ составленія понятій слѣдующій: *а*, Когда представляется сознанію рядъ дѣйствительныхъ предметовъ, то мыслящій духъ нашъ, не имѣя возможности непосредственно относиться къ вещественному, необлеченному ни въ какой идеальный опредѣленный видъ, обращается къ *чувственному воззрѣнію*, которое и переводитъ въ душу эти представившіеся вещественные предметы въ видѣ идеальныхъ *образовъ;*

а способность представляющая, отмѣчая въ этихъ идеальныхъ образахъ заключающіеся признаки самыхъ предметовъ и совокупляя эти признаки каждаго предмета порознь въ *частныя представленія*, какъ-бы болѣе еще одухотворяетъ образы чувственнаго воззрѣнія, какъ-бы, такъ сказать, передѣлывая ихъ въ тончайшій видъ, и потому непосредственно представляетъ ихъ сознанію съ отчетливостію и опредѣленностію, какъ нѣчто уже дѣйствительно существующее для сознанія и способное существовать въ немъ. *б*, Когда образы воззрѣнія существуютъ уже въ сознаніи въ опредѣленной и яснос ознанной формѣ представленій, тогда мыслящій духъ начинаетъ уже употреблять ихъ въ свою мысленную работу, какъ матеріалъ духовный, вполнѣ для него доступный, и первѣе всего употребляетъ *вниканіе*. Оно состоитъ въ томъ, что духъ нашъ внутреннюю свою самодѣятельность направляетъ къ существующимъ въ сознаніи представленіямъ образовъ съ предметовъ дѣйствительныхъ, дабы сравнить одно представленіе съ другимъ и увидѣть въ нихъ сходство или различие *).

*) При этомъ иногда нельзя обойтись (по недовѣрчивости напр. къ своей памяти) безъ новаго воспроизведенія, т. е. безъ повѣрки и какъ-бы перестройки представленій и образовъ для удостовѣренія въ томъ, что они составлены вѣрно и въ точности соот-

в, Но чѣмъ болѣе духъ нашъ устремляетъ свой взоръ на одни пункты, тѣмъ болѣе отклоняетъ его отъ другихъ пунктовъ. Въ этомъ состоитъ *отвлеченіе*. Посему при вниканіи въ представленія духъ нашъ, замѣчая въ нихъ признаки сходные, останавливается на нихъ, а несходные оставляетъ безъ вниманія. *г*, Найденные одинаковые признаки во многихъ или во всѣхъ существующихъ въ сознаніи представленіяхъ, по прирожденному стремленію своему къ единству, духъ нашъ соединяетъ въ сознаніи въ единство. Въ этомъ состоитъ сложеніе, которымъ и завершается составленіе понятія.

Стихіи, изъ которыхъ составляется понятіе.

Способъ составленія понятій указываетъ на двѣ стихіи, изъ которыхъ они составляются. Понятіе, какъ совокупленіе многаго, заключаетъ въ себѣ многіе предметы и можетъ быть прилагаемо къ каждому изъ нихъ. Совокупность тѣхъ предметовъ, которые заключаются въ понятіи и изъ коихъ къ каждому оно можетъ быть прилагаемо, составляетъ *объемъ*, *сферу*, *область*, или, что то же, внѣшнюю величину понятія; а совокупность сходныхъ признаковъ, об-

---

вѣтствуютъ природѣ дѣйствительныхъ ихъ предметовъ. Посему-то и кажется иногда, будто мыслящій духъ и при составленіи понятій имѣетъ непосредственное отношеніе къ предметамъ дѣйствительнымъ.

щихъ всѣмъ предметамъ, заключающимся въ понятіи и составляющимъ его объемъ, составляетъ внутреннее *содержаніе* или внутреннюю величину понятія, т. е. то самое, посредствомъ чего предметъ мышленія утверждается и удерживается въ нашемъ сознаніи.

Значеніе понятія въ мышленіи.

Такимъ-образомъ понятіе составляетъ въ мышленіи первую форму, въ которой единство сознанія возвышается надъ разнообразіемъ дѣйствительнаго бытія и чувственныхъ воззрѣній. Чувственное воззрѣніе, относясь непосредственно къ предметамъ міра дѣйствительнаго, подчинено разнообразію его явленій и невластно отступать отъ онаго; притомъ же съ разу можетъ обнимать только одинъ предметъ; до взаимныхъ же отношеній одного предмета къ другимъ и до взаимной связи ихъ явленій ему нѣтъ дѣла. То же должно сказать и о частныхъ представленіяхъ. Слѣдовательно: при одной дѣятельности чувственнаго воззрѣнія и частныхъ единичныхъ представленій мыслящій духъ нашъ вѣчно прикованъ былъ бы къ разнообразной отдѣльности и индивидуальной единичности бытія дѣйствительнаго, а до общихъ мысленныхъ взглядовъ на міръ дѣйствительный мы никогда не могли бы вознестись и слѣдовательно мыслили только разности, не видя въ нихъ связи и взаимной

относительности въ формѣ общаго единства. До этой общности взгляда на многое и разнообразное, какъ на одно связное цѣлое, начинаетъ возводить насъ понятіе, обнимая многое и разнообразное въ форму идеальнаго единства. Оно превращаетъ предметность дѣйствительную въ предметность идеальную, которая имѣетъ достоинство высшее: а) потому-что она, будучи свободна отъ власти природы, какъ говоритъ Бахманъ, дѣлается вѣчною истиною духа; б) въ ней сознаніе возносится выше предлежательно реальной истины; в) вещи потому имѣютъ какое либо значеніе для насъ, что онѣ осуществляются въ умственномъ, подлежательномъ разумѣніи нашемъ.

Предметное значеніе понятій.

Касательно же предметнаго значенія нашихъ понятій должно замѣтить, что понятіе, какъ представленіе, составляемое чрезъ отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ предметовъ, можетъ и должно соотвѣтствовать ихъ сущности. Но это соотвѣтствіе отнюдь не простирается до тождества, или даже до равенства съ ними въ ограниченномъ человѣческомъ духѣ понятіе никогда не можетъ вступить на степень такого созерцанія, которое бы съ разу обнимало до послѣдней подробности и всѣ предметы, и всѣ ихъ признаки; разнообразіе предметовъ необходимо у-

страняется изъ вниманія, по мѣрѣ ихъ обобщенія (въ понятіи). Отсюда происходитъ обратное отношеніе, всегда имѣющее мѣсто между объемомъ и содержаніемъ понятія, такъ что чѣмъ больше объемъ понятія, тѣмъ меньше его содержаніе и на оборотъ, чѣмъ больше содержаніе понятія, тѣмъ меньше объемъ его. Основаніе этому то, что всякій признакъ чѣмъ болѣе существенъ, тѣмъ меньшему числу предметовъ приличествуетъ; слѣд. чѣмъ общнѣе, отвлеченнѣе понятіе, тѣмъ менѣе въ немъ общихъ признаковъ, т. е. тѣмъ менѣе его содержаніе.

Разности понятій по объему.

Поелику же понятія могутъ обнимать собою больше и меньше предметовъ, и эта постепенность количества можетъ простираться въ немъ отъ единичности до всеобщности; то по объему понятія могутъ быть: *единичныя, частныя* и *всеобщія*.

Единичнымъ понятіемъ можетъ быть то, которое объемлетъ собою одинъ извѣстный предметъ, но съ такимъ признакомъ, который можетъ быть и во многихъ другихъ при извѣстныхъ условіяхъ, напр. Петръ Великій, Александръ Благословенный *).

*) Очевидно, понятія единичныя составляются болѣе изъ случайныхъ признаковъ.

Понятіе *частное* есть то, которое заключаетъ въ себѣ признаки, общіе многимъ или нѣсколькимъ недѣлимымъ. Таковы напр. Россіянинъ, Англичанинъ, ливанскій кедръ.

Понятіе *общее* есть то, которое заключаетъ въ себѣ всѣ предметы извѣстнаго напр. царства природы. Таковы: человѣкъ, растеніе, животное и проч.

Разности понятій, происходящія отъ сравненія ихъ по объему.

Понятія, сравниваемыя между собою по объему, могутъ быть: или *подчиненныя* или *соподчиненныя*.

Отношеніе *подчиненія* бываетъ между двумя понятіями, изъ коихъ одно заключаетъ въ себѣ другое— какъ часть своего объема или своей области. Первое изъ этихъ понятій — *подчиняющее*, называется *высшимъ* или *родовымъ*, а другое, *подчиняемое*—*низшимъ* или *видовымъ*, напр. человѣкъ, европеецъ. Впрочемъ эти названія, какъ и отношеніе подчиненія, вообще относительны. Одно и то же понятіе, по отношенію къ низшему его, есть родовое (подчиняющее) а по отношенію къ высшему есть видовое (подчиняемое). Такъ напр. понятіе *птица* есть родовое по отношенію къ голубю, а по отношенію къ понятію *животное* есть видовое, и т. д. Но родъ всегда остается родомъ по отношенію къ своимъ видамъ, равно какъ и видъ не перестаетъ быть видомъ по отно-

шенію къ своему *ближайшему роду*. Одно только есть понятіе родовое, которое всегда остается родовымъ безусловно, потому-что выше его отвлеченіе примѣтъ и совокупленіе представленій простираться не можетъ, это *существо* вообще или *бытіе*, какъ такое понятіе, которое объемлетъ собою всю совокупность бытія. Равнымъ образомъ то понятіе всегда будетъ видовымъ, которое заключаетъ подъ собою недѣлимыя, потому-что ниже ихъ нѣтъ предметовъ, изъ которыхъ оно могло бы составить для себя меньшій объемъ. А безъ уменьшенія объема оно не можетъ сдѣлаться понятіемъ низшимъ.

Въ отношеніи *соподчиненія* находятся тѣ понятія, которыя въ равной степени подчинены одному высшему или родовому. Значитъ, соподчиненныя понятія суть виды одного рода, напр. сосна, береза, ель, клёнъ, суть соподчиненныя понятія родовому понятію *дерево*.

Разности понятій по содержанію.

Въ отношеніи къ содержанію различаются понятія по степени ясности, съ какою представляются сознанію признаки предметовъ, ими обнимаемыхъ. Отсюда бываютъ понятія: *темныя, ясныя, подробныя* и *точныя*.

Понятіе бываетъ *ясное,* когда признаки его такъ живо присущи сознанію, что предметы его объема можно опредѣлительно отличать отъ предметовъ обнимаемыхъ другими понятіями. Если же не можемъ такъ опредѣлительно отличать предметы одного понятія отъ предметовъ другихъ понятій, тогда понятіе наше бываетъ *темное.* Такъ напр. мы имѣемъ ясное понятіе о серебрѣ, когда можемъ отличить его отъ всѣхъ другихъ тѣлъ, даже сходныхъ съ нимъ, напр. отъ платины, цинка и др.; если же не можемъ, то понятіе наше темное.

Понятіе *подробное* произойдетъ тогда, когда мы въ состояніи будемъ опредѣленно различать многіе признаки въ самыхъ частяхъ его содержанія. Такъ напр. тотъ имѣетъ подробное понятіе о законахъ зрѣнія, кто опредѣленно различаетъ оболочки глаза: роговую, сѣтчатую, радужную, стекловидную влагу и проч.

Дробленіе понятія можно продолжать дотолѣ, пока не получимъ яснаго понятія о всѣхъ частяхъ самыхъ частей понятія, т. е. пока не разложимъ понятія на первообразныя составныя части его. Тогда произойдетъ понятіе *точное.* Но такое понятіе есть идеалъ, къ которому наши скудныя понятія должны только приближаться мало-по-малу.

Разности понятій отъ сравненія ихъ между собою по содержанію.

Понятія, сравниваемыя между собою по содержанію, могутъ быть: *сходныя, несходныя* и *противоположныя.*

Если въ понятіяхъ, сравниваемыхъ по содержанію, число одинаковыхъ признаковъ больше, нежели число различныхъ, то такія понятія называютъ *сходными, подобными.* Если же больше признаковъ неодинаковыхъ, то понятія бываютъ *несходныя, различныя,* напр. треугольникъ, четвероугольникъ; тигръ, барсъ сходны; а трагедія, живопись, правовѣдѣніе— несходны.

Понятія, состоящія изъ такихъ различныхъ признаковъ, что не могутъ непосредственн осоединяться въ представленіи одного предмета, не уничтожая себя взаимно, называются *противоположными, несогласными, несовмѣстимыми.* Посему, когда о предметѣ сказуется одно которое нибудь изъ такихъ представленій, то другаго нельзя безъ противорѣчія въ то же время приписать ему, напр. фигура треугольная не можетъ быть квадратною; мудрость и глупость, свѣтъ и тьма не могутъ быть приписываемы одному и тому же предмету въ одно и то же время.

Безплодность и неосновательность дальнѣйшаго дробленія понятій.

Нѣкоторые въ дробленіи понятій доходятъ до излишней утонченности, дѣлятъ ихъ, напр. на однокачественныя и разнокачественныя, тождественныя взаимозамѣнительныя, и проч.; а послѣдователи Канта, примѣнительно къ категоріи модальности (т.-е. по отношенію понятій къ нашему разумѣнію), дѣлятъ ихъ на полуясныя, яснотемныя, возможныя и дѣйствительныя, необходимыя и случайныя, и проч. Но такое дробленіе понятій безплодно и неосновательно. *Безплодно* потому, что не можетъ имѣть дѣйствительно-необходимаго приложенія къ дѣлу, а остается одною схоластическою утонченностію науки, ни къ чему неведущею. *Неосновательно* потому, что не имѣетъ подлиннаго основанія ни въ дѣйствительной природѣ, ни въ потребностяхъ мыслящаго и познающаго нашего духа, стремящагося обнять дѣйствительную множественность въ единствѣ сознанія, положительно и опредѣленно, безъ всякихъ запутанныхъ околичностей. Какое напр. можно представить дѣйствительное основаніе на то, чтобъ допустить понятія возможныя? Что́ существуетъ только въ возможности, того мы еще не мыслимъ; а чего не мыслимъ, то и не понятіе. Если понятіе возможное потому понятіе, что можно его мыслить, т. е. что

нѣтъ противорѣчія между его признаками, то это значило бы утверждать нѣчто несуществующее; ибо того, что признаки понятія не противорѣчатъ одинъ другому, нельзя узнать иначе, какъ посредствомъ дѣйствительнаго мышленія; а когда дѣйствительно мыслимъ, что между признаками извѣстнаго понятія нѣтъ противорѣчія, то мыслимъ и это извѣстное понятіе, слѣд. это извѣстное понятіе тогда есть уже дѣйствительное понятіе и т. д.

О врожденности понятій.

Примѣч. Въ ученіе о понятіяхъ вкрадывается тотъ еще недостатокъ, что нѣкоторые допускаютъ въ насъ понятія врожденныя. Но что понятій врожденныхъ нѣтъ и быть не можетъ, это явствуетъ изъ самаго способа образованія ихъ въ насъ, т. е. изъ того, что они образуются въ насъ чрезъ отвлеченіе и обобщеніе въ сознаніи существующихъ уже предметовъ дѣйствительныхъ внѣ насъ. Слѣд. еслибы не было предметовъ внѣ насъ, то не было бы въ насъ и понятій, потому что не было бы отъ чего отвлекать признаки и потому нечего было бы обобщать и нечѣмъ.

Врожденность понятій допускаютъ собственно тѣ, которые ввели въ Логику категоріи, какъ нѣчто прирожденное нашему духу. Такъ у Аристотеля онѣ

означаютъ то, *что̀ сказуется о предметахъ самихъ по себѣ,* т. е. общія качества вещей; а въ новѣйшія времена Кантъ особенно усилилъ категоріи, давъ имъ значеніе *коренныхъ, чистыхъ a priori понятій разсудка.* Прочіе философы Кантовой школы хотя и рознились въ толкованіи и приложеніи категорій, но бо̀льшею частію, вслѣдъ за Кантомъ, почитаютъ ихъ нашими подлежательными формами мышленія, подъ которыя мы подводимъ предметы. Но это значило бы проповѣдывать тотъ идеализмъ новѣйшихъ, по которому все производится нашимъ *я,* или то ученіе Протагора и другихъ за нимъ, будто представленіе каждаго есть мѣрило вещей, т. е. будто вещи потому только существуютъ и являются такими или другими, что мы ихъ представляемъ такими. По словозначенію, категорія (Κατηγορία) есть ни болѣе, ни менѣе, какъ только признакъ, всякая примѣта, которою обозначается предметъ. Слѣд. подъ словомъ категорія нельзя разумѣть, по примѣру Аристотеля, только общія свойства предметовъ; тѣмъ болѣе нельзя принять это слово въ томъ значеніи, какое далъ ему Кантъ, т. е. въ значеніи коренныхъ, чистыхъ a priori понятій разсудка или, по его же ученію, только *формальныхъ формъ* разсудка, служащихъ для объединенія только предметовъ опыта. Понятія и сужденія не зависятъ отъ на-

шего произвола: въ образованіи ихъ мы зависимъ отъ предметовъ, именно въ понятіи соединяемъ, а въ сужденіи усвояемъ предмету тѣ только признаки, какіе дѣйствительно находятся въ немъ и сознаются нами, слѣд. категоріи составлены по разсмотрѣніи предметовъ и для выраженія ихъ, а не предметы составляются или сознаются нами по категоріямъ. Притомъ у Канта и другихъ философовъ, принимающихъ категоріи въ означенномъ смыслѣ, нѣтъ отчетливости. Если онѣ понятія прирожденныя, то разсудку остается только созерцать предметы и видѣть истину непосредственно, какъ Богъ видитъ ее. А у нихъ выходитъ, что категоріи суть прирожденныя понятія (какъ мѣрка) для составленія понятій (пріобрѣтаемыхъ нами?!), т. е. какъ-бы пустыя формы для помѣщенія въ нихъ понятій дѣйствительныхъ, предметныхъ, и выходитъ, что категоріи суть понятія для понятій. Въ самомъ исчисленіи и распредѣленіи категорій недостаетъ точности и систематическаго выведенія ихъ. Эти категоріи у Канта суть слѣдующія и въ слѣдующемъ порядкѣ: 1, категоріи или понятія бытія: дѣйствительнаго, возможнаго и необходимаго; 2,—основаній бытія: субстанціи и принадлежности, причины и дѣйствія, самодѣятельности и пріемленности; 3,—качествъ бытія: существенныхъ и случайныхъ, совершенства, тождества,

сходства и различія; 4,—количества: единства, множества и всеобщности, цѣлаго и частей, простаго и сложнаго (см. Лог. Бахмана, часть 1, стран. 150—153.). Итакъ, не отвергая категорій, какъ понятій по признанію самихъ философовъ, будемъ разумѣть подъ ними высшія отвлеченныя понятія, но не прирожденныя разсудку нашему, а составляемыя имъ на основаніи низшихъ и частнѣйшихъ понятій, чрезъ отвлеченіе и болѣе восходящихъ до болѣе общихъ и обширнѣйшихъ по объему, отвлеченнѣйшихъ и малосложнѣйшихъ по содержанію.

2) О СУЖДЕНІИ.

Сужденіе, какъ форма мышленія.

Понятія заступаютъ въ сознаніи нашемъ мѣсто дѣйствительныхъ предметовъ, но какъ въ природѣ дѣйствительной нѣтъ ни одного предмета, который существовалъ бы безъ связи и отношенія съ другими предметами, такъ и въ духѣ нашемъ не должно быть ни одного понятія безъ связи и отношенія съ другими понятіями; обнаруживать эту связь и отношеніе зна-

читъ *судить*. Итакъ сужденіе есть та форма мышленія, въ которой опредѣляется отношеніе одного понятія къ другому.

Но что̀ значитъ опредѣлять отношенія одного понятія къ другому? Слову *отношеніе* въ различныхъ приложеніяхъ даютъ различное значеніе, такъ напр. подходить подъ что̀, т. е. приставать или приличествовать чему, принадлежать чему, быть въ бо̀льшемъ или мѐньшемъ согласіи, съ чѣмъ быть въ зависимости отъ чего. Но въ общемъ—логическомъ смыслѣ, слово *относиться* или *имѣть отношеніе* значитъ: имѣть что нибудь общаго съ другимъ, и потомъ имѣть возможность войти въ сферу другаго. Слѣд. когда говорится, что одно понятіе относится къ другому, подъ этимъ должно разумѣть, что одно понятіе можетъ войти въ сферу другаго понятія, по какому либо сродству съ нимъ. А это опять показываетъ, что для того, дабы одно понятіе могло имѣть отношеніе къ другому, необходимо, чтобы одно было больше другаго по объему или по содержанію. Такимъ-образомъ опредѣлять отношеніе одного понятія къ другому въ сужденіи значитъ находить такую сторону въ объемѣ или содержаніи одного понятія, которою оно могло бы войти въ объемъ другаго понятія; это впрочемъ не значитъ, чтобы одно понятіе, входя въ объемъ другаго, поглощалось имъ и сливалось съ

нимъ въ одно, какъ это бываетъ въ понятіяхъ, при ихъ бо́льшемъ-и-бо́льшемъ отвлеченіи и обобщеніи. Въ сужденіи одно понятіе не сливается съ другимъ, но поставляется одно къ другому въ отношеніе такъ, что и по сочетаніи ихъ въ одно сужденіе каждое остается отдѣльнымъ понятіемъ, удерживая свой объемъ и свое содержаніе, а отношеніе одного къ другому состоитъ собственно въ томъ, что посредствомъ одного опредѣляется другое съ той или другой его стороны, по тѣмъ или другимъ его качествамъ, свойствамъ и принадлежностямъ, существеннымъ или отъ какихъ нибудь обстоятельствъ въ него пришедшихъ. Слѣд. отличительная черта для опредѣленія отношенія въ сужденіи должна быть взимаема изъ самого же опредѣляемаго понятія, изъ самыхъ ли существенныхъ свойствъ его или изъ какихъ нибудь соприкасающихся къ нему обстоятельствъ стороннихъ, но необходимо входящихъ въ объемъ или содержаніе его, какъ отличительная его особенность. Напр. *человѣкъ есть существо свободное.* Здѣсь понятіе—*существо свободное*, взято изъ самаго содержанія опредѣляемаго понятія *человѣкъ*, и посредствомъ этого заключающагося въ немъ признака, какъ существеннаго его свойства, оно введено (поставлено въ отношеніе) въ объемъ высшаго понятія: *существо свободное*; т. е. этимъ

присуждается (утверждается), что человѣкъ принадлежитъ къ кругу существъ свободныхъ. *Эта порода растеній вывезена изъ Америки.* Здѣсь понятіе—*вывезена изъ Америки*, взято внѣ сферы опредѣляемаго понятія, но принадлежитъ ему неотъемлемо, потому-что неразрывно связано съ внѣшними обстоятельствами его бытія историческаго.

Подлежащее и сказуемое сужденія.

То понятіе въ сужденіи, котораго опредѣляется отношеніе къ другому, называется ***подлежащимъ***, какъ главный предметъ подлежащій сужденію, а то, которое ему усвояется или присуждается, — ***сказуемымъ***, потому-что посредствомъ его сказывается или утверждается, что есть предметъ, о которомъ идетъ сужденіе, или чѣмъ онъ не есть, — что̀ ему принадлежитъ или что̀ не принадлежитъ.

Логическая связь между подлежащимъ и сказуемымъ.

Изъ самаго способа и условій осуществленія въ сознаніи нашемъ сужденія, какъ формы мышленія, явствуютъ, что логическая связь между предлежащимъ и сказуемымъ существенно заключается въ содержаніи и объемѣ понятій, составляющихъ оныя,

и ни въ чемъ другомъ не можетъ заключаться. Если напр. сказать: *свѣтъ есть окно*, или *окно есть свѣтъ*, то въ сознаніи нашемъ не осуществится никакого смысла, хотя здѣсь и есть наружная форма сужденія и не осуществится потому именно, что въ понятіяхъ *свѣтъ* и *окно* нѣтъ дѣйствительнаго отношенія одного къ другому, ни по объему ихъ, ни по содержанію. Если же скажемъ: *окно вещь*, то смыслъ сужденія самъ собою образуется въ сознаніи, хотя здѣсь и нѣтъ полной формы сужденія: ибо эти понятія могутъ войти одно въ другое и по объему, и по содержанію. Посему-то для сознанія нашего достаточно иногда одного послѣдовательнаго сопоставленія понятій одного подлѣ другаго, чтобъ въ тотъ же моментъ сознать взаимное ихъ отношеніе и годность для составленія изъ нихъ правильнаго сужденія и смысла. Зоркость сознанія въ семъ случаѣ простирается до того, что въ немъ вдругъ и непосредственно образуется полный смыслъ сужденія, если ему дается только одинъ какой либо изъ терминовъ сужденія, а прочіе умалчиваются. Отсюда-то происходитъ, что на всѣхъ языкахъ народныхъ существуютъ сужденія самыя сокращенныя, но между-тѣмъ всякъ легко понимаетъ смыслъ ихъ въ полной формѣ сужденія. Таковы напр.: *смерклось, повечерѣло, теперь не время, поди, возвратись*. Отсюда же происходитъ и то, что

антикварій напр. находитъ возможность удачно открывать смыслъ древностей по однимъ отрывочнымъ словамъ, даже по однѣмъ буквамъ, или по какимъ нибудь веществамъ, дающимъ только темные и отдаленные намеки на извѣстныя дѣйствія или событія въ давноминувшихъ поколѣніяхъ человѣческихъ. Слѣд. полнота формы сужденія есть потребность болѣе грамматической, нежели логической отчетливости. Въ этомъ отношеніи сужденіе должно состоять изъ трехъ терминовъ или членовъ, изъ коихъ третій между подлежащимъ и сказуемымъ собственно и составляетъ форму сужденія, потому-что имъ-то собственно и произносится утвержденіе или присужденіе чего нибудь о подлежащемъ чрезъ сказуемое. Этотъ третій терминъ въ сужденіи называется *связкой* или *связью*, и выражается словомъ *есть, не есть*; онъ непремѣнно подразумѣвается и тогда, когда сужденіе выражается сокращенно, напр. *повечерѣло*. Полный смыслъ этого сокращеннаго сужденія въ сознаніи существуетъ такъ: *теперь есть* или *теперь* настала *вечерняя пора*. А когда сказуемое выражается какимъ нибудь глаголомъ, тогда связка, по отношенію къ словувыраженію, сливается съ этимъ глаголомъ, но въ сознаніи существуетъ отдѣльно, въ своемъ надлежащемъ видѣ, напр. *Богъ любитъ правду, т. е. Богъ есть любитель правды.*

Отношеніе понятія къ сужденію.

Сужденіе и понятіе, составляя отличныя одну отъ другой формы мышленія, имѣютъ однакожь тѣснѣйшее и необходимое между собою отношеніе, такъ что одно безъ другаго не можетъ осуществиться. Сужденіе необходимо для понятія при исличеніи признаковъ его, ибо, когда сличаются признаки, необходима форма сужденія, чтобъ признать и утвердить сходство или несходство ихъ, и потому возможпость или невозможность соединить ихъ въ одно понятіе. А понятія необходимы для сужденія тѣмь, что они только и могутъ служить сродною для составленія сужденія матеріей, заключая въ себѣ объемъ и содержаніе какъ необходимыя условія для осуществленія въ сознаніи сужденія. Касательно же самаго способа этого осуществленія, сужденіе и понятіе находятся между собою въ отношеніи обратномъ, одно другому противоположномъ. Понятіе, подобно снѣжному накату, чѣмъ болѣе отвлекается и обобщается, тѣмъ болѣе увеличивается, какъ-бы налипаетъ въ объемѣ, потому именно, что насчетъ расширенія объема его, сокращается его содержаніе; а потому самому многія стороны и свойства предметовъ, составлявшихъ объемы понятій низшихъ и слившихся съ понятіемъ высшимъ, какъ-бы закрываются отъ со-

знанія и перестаютъ существовать для него. Напротивъ того, сужденіе чѣмъ болѣе проникаетъ и углубляется въ понятія отвлеченныя и обобщенныя до самыхъ обширныхъ объемовъ, тѣмъ болѣе разоблачаетъ эту отвлеченную общность и низводитъ ее въ низшія и нижайшія сферы частностей, разлагая ее на составныя ея части. И потому, чѣмъ болѣе и чаще подводятъ подъ сужденіе (или подвергаютъ, предаютъ сужденію) одни и тѣ же понятія, тѣмъ болѣе они просвѣтляются для нашего уразумѣнія ихъ частнаго и частнѣйшаго содержанія, такъ-что если одно и то же понятіе поставить предметомъ (подлежащимъ) нѣсколькихъ сряду сужденій, то оно разрѣшится, какъ въ лабораторіи химика, не только на всѣ вошедшія въ составъ его понятія низшія или равныя съ нимъ по объему, но и на всѣ признаки, отвлеченные отъ недѣлимыхъ (индивидуальныхъ) предметовъ міра дѣйствительнаго, и далѣе — до внутреннѣйшихъ признаковъ самой сущности обсуждаемаго предмета. Такимъ-образомъ очевидно, что какъ понятіе есть единство изъ множества, такъ сужденіе есть разрѣшеніе (разложеніе) сего единства.

Значеніе сужденія въ мышленіи, какъ необходимаго перехода отъ одного понятія къ другому.

Разрѣшенія понятій требуетъ прирожденная духу нашему любознательность. Общія отвлеченныя поня-

тія, по самой своей сомкнутости и отвлеченности отъ дѣйствительныхъ подробностей и частностей (опредѣленныхъ недѣлимыхъ, подъ ними заключающихся), не даютъ духу нашему знанія въ собственномъ смыслѣ, а только доставляютъ ему, такъ сказать, формальное знакомство съ бытіемъ дѣйствительнымъ, замыкая собою всякій дальнѣйшій ходъ мышленія. Каждое отвлеченное и обобщенное понятіе и всѣ вмѣстѣ, сколько ихъ ни существуетъ въ нашемъ сознаніи отдѣльно одно отъ другаго, составляютъ такъ-сказать одинъ только законный формальный актъ, утверждающій за духомъ нашимъ право владѣнія благопріобрѣтеннымъ имъ идеальнымъ имуществомъ въ обширномъ царствѣ дѣйствительности, и вмѣстѣ реэстръ или краткую опись всему этому идеальному имуществу. Потому-то какое бы множество понятій не существовало въ нашемъ сознаніи, мы въ нихъ, какъ въ реэстрѣ, ничего болѣе не начитаемъ и ничего болѣе не уразумѣемъ, кромѣ того, что̀ въ этомъ идеальномъ владѣніи нашемъ есть напр: *люди, государства, города, птицы, звѣри, лѣса, поля, земля, небо, звѣзды, планеты* и проч. Но что такое *государство, городъ, люди, планеты* (какъ понятія)? Находятся ли они въ какомъ нибудь отношеніи между собою? нужно ли и естественно ли какое нибудь отношеніе между ними? на чемъ что̀

основывается? въ какой связи одно съ другимъ находится? на всѣ таковые и подобные вопросы ни одно понятіе въ отдѣльности, ни всѣ въ совокупности не дадутъ намъ никакого отвѣта, пока они существуютъ въ сознаніи нашемъ только какъ реэстръ. И потому идеальныя наши созерцанія понятій вѣчно оставались бы одними праздными созерцаніями любопытныхъ, весьма многаго непонимающихъ въ представляемомъ имъ зрѣлищѣ и среди удивленія засыпающихъ, еслибы въ духѣ нашемъ не было другихъ удовлетворительнѣйшихъ пріемовъ и формъ мышленія, кормѣ понятій и представленій. Этотъ дальнѣйшій рядъ удовлетворительнѣйшей дѣятельности мышленія и начинается съ сужденія, въ которомъ собственно и заключается корень и основа собственно человѣческой уразумѣваемости. Въ немъ совершается на дѣлѣ все то, чего требуютъ основные законы мышленія; самое разрѣшеніе понятія есть уже осуществленіе закона противоположности, требующаго отособленія одного мыслимаго предмета отъ другихъ; опредѣленіе отношенія одного понятія или признака къ другому или ко многимъ другимъ, совершается по требованію и указанію закона основанія; а усиліе духа нашего разобрать и изслѣдовать опредѣляемое въ сужденіи понятіе (подлежащее) до послѣднихъ признаковъ и

свойствъ предметовъ недѣлимыхъ, вошедшихъ въ объемъ понятія опредѣляемаго есть стремленіе выполнить на дѣлѣ требованіе закона тождества, который того именно и требуетъ, чтобы всякій мыслимый предметъ былъ такъ же равенъ самому себѣ и въ сознаніи, и разумѣніи нашемъ, какъ онъ равенъ самому себѣ въ бытіи дѣйствительномъ, по неизмѣнной сущности своей. Такимъ-образомъ въ сужденіи открывается обширное поле для мыслительной дѣятельности и полагается основаніе развитія всякаго мышленія, въ какой бы ни было формѣ и въ какихъ бы ни было размѣрахъ и оборотахъ. Чрезъ опредѣленіе отношенія, необходимо переходя отъ одного понятія къ другому и отъ одного признака и свойства мыслимаго предмета къ другимъ признакамъ и свойствамъ сего же предмета или другихъ сопоставляемыхъ съ нимъ въ отношеніе и связь, мы можемъ простирать мышленіе свое до безконечности: ибо всякое понятіе и всякій дѣйствительный предметъ его объема, равно какъ и всякій признакъ каждаго предмета, можно поставлять во взаимное ихъ отношеніе между собою, положительно или отрицательно, потому что въ нихъ есть та и другая сторона въ многоразличныхъ отношеніяхъ, съ многоразличными признаками.

Связность и опредѣленность мышленію, достигаемая посредствомъ сужденій.

Переходы въ сужденіи отъ одного понятія къ другому и отъ одного свойства и признака опредѣляемаго предмета къ другимъ признакамъ и свойствамъ, совершается въ духѣ нашемъ не наобумъ и безпорядочно, но въ естественной связи и послѣдовательности, такъ что одно осуществившееся сужденіе, удовлетворительно разрѣшившее данный мыслящимъ духомъ самому себѣ вопросъ, порождаетъ другой вопросъ и требуетъ другаго сужденія, другое сужденіе порождаетъ потребность третьяго и т. д. Это происходитъ, съ одной стороны, отъ прирожденной духу нашему любознательности, а съ другой—отъ того, что въ каждомъ предметѣ всѣ его качества, свойства и вообще всѣ его существенныя принадлежности, равно какъ и всѣ основывающіяся на нихъ явленія и дѣйствія, такъ тѣсно связаны между собою и со всѣми предметами, обстоятельствами и условіями внѣшними, ближайшими и отдаленными, что какъ-скоро пробуждена въ духѣ нашемъ любознательность, то она тогда только удовлетворится и успокоится, когда дойдетъ до послѣдняго основанія, отъ котораго зависятъ всѣ явленія и свойства предмета мыслимаго и самое даже бытіе его. Напр. ѣдемъ мы по полю въ

зимнее время и видимъ близъ дороги большую кучу, покрытую снѣгомъ. Первый вопросъ рождается въ насъ при этомъ, чтó это? подходимъ, разгребаемъ снѣгъ и увѣряемся по извѣстнымъ признакамъ, или другое намъ подсказываетъ, что *эта замѣченная нами куча есть стогъ сѣна.* При этомъ отвѣтѣ, выраженномъ сужденіемъ и потому удовлетворительномъ для насъ, естественно родится въ насъ вопросъ (если намъ, положимъ, незнакомо понятіе—*сѣно*) чтó есть сѣно? *Сѣно есть скошенная съ корня и высохшая трава.* Отъ чего скошенная съ корня трава высыхаетъ? *Отъ того, что, по отдѣленіи ея отъ своего корня, соки въ нее не проходятъ и ея жизненность и растительность прекращаются,* или *отъ того, что лучи солнца теплотою своею вытягиваютъ изъ нея влажность.* Эти два отвѣта породятъ уже два направленія въ ходѣ мышленія, которое разовьется такимъ-образомъ до размѣровъ обширнѣйшихъ и доведетъ раскрытіе мыслимаго предмета до самой послѣдней въ немъ подробности, во всѣхъ его многоразличныхъ и существеннѣйшихъ отношеніяхъ ко всему соприкасающемуся къ его бытію, явленіямъ и дѣйствіямъ. Отсюда, очевидно, что связность и опредѣленность всякаго мышленія о чемъ бы то ни было дѣйствительномъ, существенно и единственно могутъ быть достигаемы только посредствомъ

сужденій, составляемыхъ правильно, на естественныхъ отношеніяхъ и дѣйствительныхъ основаніяхъ, и притомъ со вниманіемъ къ дѣйствительно раждающимся въ духѣ мысленнымъ потребностямъ, безъ натяжекъ и стѣсненія его въ прямомъ и естественномъ его ходѣ мышленія.

Раздѣленіе сужденій.

Поелику въ сужденіи опредѣляется или содержаніе понятія, или объемъ его, то сужденія бываютъ двухъ родовъ: *сужденія по содержанію* и *сужденія по объему*.

Сужденія по содержанію.

Въ сужденіяхъ перваго рода (по содержанію) признаки могутъ быть мыслимы или положительно, какъ данныя въ предметѣ, внѣ всякой зависимости отъ другихъ предметовъ, или отъ другихъ признаковъ сего же предмета, — это сужденія *категорическія*; или предположительно, какъ еще только возможные въ данномъ предметѣ, вслѣдствіе зависимости отъ извѣстныхъ предметовъ или отъ извѣстныхъ состояній сего же предмета, это сужденія *условныя*.

а) Котегорическія.

Отсюда явствуетъ, что въ категорическомъ сужденіи подлежащее опредѣляется какимъ нибудь собственнымъ своимъ признакомъ или какою нибудь существенною стороною своею. Слѣд. въ нѣсколькихъ сряду таковыхъ сужденіяхъ въ немъ раскрываются и указываются различныя его стороны, свойства, качества и вообще существенныя его принадлежности. Явно, что въ сужденіяхъ этого рода предметы разсматриваются и опредѣляются со стороны самой ихъ сущности, или, по крайней мѣрѣ, такихъ явленій и дѣйствій въ нихъ, которыя основываются не на стороннихъ какихъ нибудь причинахъ, условіяхъ, или обстоятельствахъ, а на самой ихъ самосущности или субстанціальности, по которой предметы сіи существуютъ такъ, а не иначе, суть эти именно предметы, а не другіе какіе нибудь. Напр. *дерево есть растеніе.* Этимъ категорическимъ сужденіемъ утверждается, что дерево принадлежитъ къ царству растительному, но не потому, что есть другія растенія или другія вещи органическія, принадлежащія къ царству растительному, или, что есть вообще царство растительное, а потому, что въ деревѣ есть такіе

признаки и такія свойства, по которымъ оно всегда останется существомъ растительнымъ, хотя бы и не было никакихъ другихъ растеній.

б) Условныя.

Напротивъ того, въ сужденіи условномъ усвояемый предмету признакъ берется или изъ другихъ сферъ, отдѣльныхъ отъ предмета мыслимаго, или если и изъ него самого, но неположительно и съ рѣшительною увѣренностію, а только подъ какимъ нибудь условіемъ, такъ что только оправданіе, чрезъ повѣрку полагаемаго условія, рѣшаетъ, дѣйствительно ли принадлежитъ приписываемый мыслимому предмету признакъ, или не принадлежитъ.

Отсюда слѣдуетъ: что 1, и въ условномъ сужденіи такъ же, какъ и въ категорическомъ, существенно необходимы два члена сужденія: предметъ мыслимый и усвояемое этому предмету какое нибудь свойство, качество, вообще какой нибудь признакъ; и 2, что форма этого сужденія, по самому свойству его состава, также необходимо должна быть отлична отъ формы сужденія категорическаго.

Основаніе условнаго сужденія.

Членами условнаго сужденія должны быть: условіе и условливаемое имъ. Но само собою разумѣется,

что при этомъ долженъ быть и предметъ положительный, о которомъ что либо условливалось бы или что̀ то же, которому что либо приписывалось бы подъ извѣстнымъ условіемъ. Но этотъ положительный предметъ обыкновенно сливается или съ условіемъ, или съ тѣмъ что̀ условливается, или съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; потому и не считается особою частію или особымъ членомъ сужденія, напр. *если (ты) будешь дѣйствовать рѣшительно и благоразумно, то успѣешь въ своемъ намѣреніи.* Здѣсь положительный предметъ *ты,* которому и приписывается успѣхъ подъ условіемъ рѣшительности и благоразумія въ дѣйствованіи. *Если будетъ хорошій урожай на хлѣбъ, то всѣ жизненныя потребности подешевѣютъ.* Здѣсь предметъ, которому усвояется дешевизна подъ условіемъ урожая на хлѣбъ, есть: *всѣ жизненныя потребности;* онъ занялъ мѣсто только въ послѣднемъ членѣ сужденія. Можно и вовсе не полагать на лице опредѣленнаго предмета, и между тѣмъ смыслъ сужденія будетъ видѣнъ, если только условіе и условливаемое будутъ имѣть существенное отношеніе между собою, напр. *если потеплѣетъ, то и получшаетъ.* Изъ всего этого очевидно, что въ сужденіи условномъ, какъ бы оно ни было выражено и изъ какой бы сферы ни были взяты понятія, составляющіе члены его, если только есть между ними

естественное отношеніе и послѣдовательная связь, главная сила сужденія заключается въ условіи. Оно даетъ смыслъ и основной характеръ всему сужденію, потому что съ нимъ именно поставляется въ отношеніе предметъ сужденія со свойствами, качествами и всѣми признаками своими, а иногда и самые усвояемые предмету признаки зависятъ или даже вытекаютъ изъ условія, и потому именно и приписываются иногда предмету, что условіе того требуетъ. Потому-то оно и называется у логиковъ *основаніемъ* сего рода сужденій (условныхъ).

Слѣдствіе условнаго сужденія.

Основаніе, естественно, должно быть чему нибудь основаніемъ, а не пустымъ, безпредметнымъ понятіемъ; на немъ что нибудь да должно основываться и, рано или поздно, должно осуществиться сообразно со свойствомъ своего основанія, или, что то же, послѣдовать или произойти изъ него, какъ изъ своего источника. Посему-то, что̀ подъ извѣстнымъ условіемъ, какъ своимъ основаніемъ, приписывается мыслимому предмету, называется слѣдствіемъ.

Отсюда сами собою вытекаютъ слѣдующія положенія:

1. Между основаніемъ (условіемъ) и слѣдствіемъ непремѣнно должна быть слѣдственность, т. е. чтобъ

слѣдствіе необходимо и естественно вытекало изъ основанія. А для этого

2. Необходимо, чтобъ между основаніемъ и слѣдствіемъ было что нибудь общее, т. е. что нибудь такое, въ чемъ заключалась бы связь и естественное отношеніе ихъ между собою; напр. если условіе изъ области возможнаго только, то и условливаемый предмету признакъ долженъ быть также изъ области возможнаго; если же одно какое нибудь изъ нихъ изъ области дѣйствительнаго, то и другое должно быть изъ той же области и т. д., иначе сужденіе не состоится, напр. *если мы будемъ наблюдать опрятность въ жилищахъ своихъ, то пойдетъ дождь.* — Сужденія здѣсь нѣтъ, потому что нѣтъ дѣйствительнаго отношенія между основаніемъ и слѣдствіемъ.

3. Основаніе одного сужденія можетъ быть слѣдствіемъ для другаго и слѣдствіе одного можетъ основаніемъ для другаго. Но тогда сужденія, такимъ образомъ обороченныя, будутъ имѣть не одинаковый смыслъ и неодинаковую цѣль мышленія. Напр. *если будешь добръ и мягкосердъ, то будешь любимъ всѣми окружающими тебя,* и: *если будешь любимъ всѣми окружающими тебя, то сдѣлаешься добрымъ и мягкосердымъ.* Въ первомъ сужденіи показывается слѣдствіе доброты нравственной для добро-

нравнаго; а въ послѣднемъ утверждается, что благопріятное, на любви основанное, и любовію управляемое отношеніе къ человѣку всѣхъ окружающихъ его, можетъ имѣть благотворное вляніе на нравственное его развитіе.

Форма сужденія условнаго.

Форма сужденія условнаго выражается частицами: *если, то;* можетъ впрочемъ выражаться и одною частицею *если*, и въ смыслѣ сужденія не произойдетъ отъ этого никакой существенной разницы; только въ такомъ случаѣ слѣдствіе поставляется уже на первомъ мѣстѣ или первымъ членомъ сужденія, а основаніе вторымъ. Напр. *если нагрѣть воду до 80-ти градусовъ, то она превратится въ пары,* или: *вода превратится въ пары, если нагрѣть ее до 80-ти градусовъ*; смыслъ того и другаго сужденія одинъ и тотъ же.

Опредѣленіе, какъ совершеннѣйшая форма сужденій по содержанію.

Совершеннѣйшая форма сужденій по содержанію есть опредѣленіе. Опредѣлять предметъ, значитъ (по словопроизводству) окружать его предѣлами, назначать ему границы или обводить границами, вводить въ предѣлы или границы. Но какъ въ мышленіи мы не творимъ предметовъ дѣйствительныхъ, а только

стремимся перевесть ихъ идеально въ сознаніе наше и осуществить въ немъ, идеально же, такими какъ они есть въ бытіи дѣйствительномъ; то опредѣлять предметъ въ мышленіи будетъ значить, показывать кругъ и всѣ предѣлы его бытія дѣйствительнаго и идеальнаго, на внутреннемъ его существѣ и существенныхъ его свойствахъ и принадлежностяхъ основывающагося. Слѣд. опредѣленіе, какъ форма сужденія, отличается отъ категорическаго сужденія тѣмъ только, что въ немъ (опредѣленіи) должны быть показываемы и поставляемы въ отношеніе съ предметомъ мыслимымъ существенныя его свойства и всѣ принадлежности *не по-одиначкѣ или по-нѣсколько,* какъ въ обыкновенномъ сужденіи, *а всѣ въ совокупности* въ одномъ опредѣленіи: ибо иначе не составится полный кругъ и не укажутся всѣ предѣлы опредѣляемаго предмета. Для сужденія категорическаго достаточно, напр. взять одинъ существенный признакъ человѣка—*разумность* и сказать: *человѣкъ есть существо разумное;* но для опредѣленія не только одного, но и двухъ признаковъ недостаточно, а необходимо въ немъ исчислить всѣ существенные признаки всей природы человѣка, такъ чтобы кругъ и предѣлы всего многосторонняго бытія его были отдѣлены и отособлены въ опредѣленіи отъ круговъ и предѣловъ бытія всѣхъ прочихъ существъ, даже

сходныхъ съ нимъ во многомъ. Такое опредѣленіе человѣка, отличающее его отъ всѣхъ прочихъ существъ вещественныхъ и духовныхъ, будетъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ главныхъ чертахъ, если скажемъ: *человѣкъ есть существо сотворенное, состоящее изъ тѣла вещественнаго и души духовной, самосознающей и самодѣятельной, одаренной разумомъ, свободною волею и тѣсно соединенною съ сознаніемъ и съ міромъ вещественнымъ и духовнымъ, чувствительностію.*

Предметъ опредѣленія.

Поелику для составленія опредѣленія точнаго и полнаго, необходимо извлечь изъ опредѣляемаго понятія и выставить на видъ, въ формѣ единства сужденія, все, что̀ есть въ немъ главнаго, существеннаго, отличительнаго; то это уже самое показываетъ, что предметомъ опредѣленія можетъ быть только что нибудь удобообозримое и удобопостигаемое для нашего разумѣнія, и притомъ имѣющее свою опредѣленную, отъ всего прочаго отособленную область, и свои опредѣленные, отъ всего прочаго отличные признаки. Явно, что всѣ эти условія возможны для выполненія только въ болѣе или менѣе общихъ понятіяхъ, такъ какъ только отвлеченное понятіе заключаетъ въ себѣ свой опредѣленный объемъ и свое о-

предѣленное, отъ всѣхъ прочихъ понятій отличное, содержаніе, и слѣд. всякое понятіе, по самой природѣ своей, заключено въ свои опредѣленныя и неизмѣнныя * границы внутри и извнѣ—по объему и по содержанію. Представленія недѣлимыхъ не имѣютъ своего отличнаго отъ всѣхъ представленій содержанія, ибо существенные въ недѣлимомъ признаки общи всѣмъ прочимъ недѣлимымъ того же вида, а иногда и другихъ видовъ. А объемъ всякаго недѣлимаго состоитъ изъ единицы, слѣд. не составляетъ въ собственномъ смыслѣ объемъ; притомъ же всякій объемъ условливается и отличительностію признаковъ вошедшихъ въ него предметовъ. По всему этому представленія не могутъ быть опредѣляемы. А отсюда слѣдуетъ, что и высочайшая отвлеченность понятій, доходящая до единицы по содержанію, какъ напр. въ понятіи *бытіе*, также выходитъ изъ круга возможности опредѣленія; ибо какъ содержаніе понятія *бытіе* состоитъ изъ одного признака; то иначе и нельзя опредѣлить его, какъ только такимъ-образомъ: *бытіе есть бытіе*. А это значило бы кружиться въ опредѣленіи. Съ другой стороны, понятіе *бытіе*, какъ высшее изъ всѣхъ понятій по своей отвлеченности, такъ что и нельзя уже выше отвлекать его, входитъ въ кругъ безпредѣльнаго; ибо въ него входитъ всякое возможное бытіе, даже и бытіе существа безпредѣльнаго. Безпредѣльнаго же опять нельзя опредѣлять по самой его безпредѣльности, т. е. потому, что оно не имѣетъ никакихъ границъ и предѣловъ, слѣд. ни въ какой объемъ не можетъ быть заключено, и признаковъ никакихъ нельзя въ немъ замѣтить, кромѣ одного—*безпредѣльность*, но и тотъ отрицательный; а объемъ между-тѣмъ и содержаніе составляютъ необходимое условіе для составленія опредѣленія. Итакъ предметомъ опредѣленія могутъ быть только понятія ограниченныя, т.-е. такія, коихъ объемъ былъ бы удобообнимаемъ для нашего разумѣнія, и содержаніе было бы удобопостигаемо, неслитно и несмѣшано съ другими объемами и содержаніями.

* Границы понятія должно назвать неизмѣнными потому, что понятіе составляется изъ существенныхъ признаковъ; а существенное въ предметахъ не подлежитъ измѣненію, тѣмъ болѣе уничтоженію. Потому и объемъ, и содержаніе понятія неизмѣняемы, пока понятіе остается этимъ именно понятіемъ; ибо ни одного, предмета, даже недѣлимаго, нельзя выбросить изъ круга понятія, потому-что онъ необходимо относится къ нему своими существенными признаками. Высшія же понятія необходимо исключаются изъ обширнѣйшаго ихъ по объему понятія, когда оно изъ высшей своей сферы отвлеченности нисходитъ въ сферы нисшія, т. е. разлагается на понятія нисшія по объему. Но тогда уже понятіе измѣняется; понижать же видовое понятіе нельзя: это значило бы уничтожать его.

Опредѣляющее.

Какъ опредѣленіе есть форма сужденія категорическаго, то и въ немъ должно быть сказуемое, какъ и въ категорическомъ сужденіи. Это сказуемое въ опредѣленіи называется *опредѣляющимъ*, потому что въ немъ-то собственно и совершается то дѣйствіе мышленія, которое называется опредѣленіемъ (отграниченіемъ опредѣляемаго понятія отъ всѣхъ другихъ понятій, въ сознаніи существующихъ). Сходствуя съ этой стороны со сказуемымъ сужденія, опредѣляющее отличается тѣмъ, что въ немъ не только должно быть опредѣлено отношеніе признаковъ къ ихъ понятію, какъ это бываетъ и въ сказуемомъ сужденіи, но должны быть указаны и опредѣлены и предѣлы объема опредѣляемаго понятія, чтобъ такимъ-образомъ опредѣляемое было очерчено и отграничено со всѣхъ сторонъ; и во всей полнотѣ всего его состава, внутренняго и внѣшняго, т. е. по объему и по содержанію. Такимъ-образомъ опредѣляющее необходимо должно быть многостороннѣе и сложнѣе сказуемаго въ сужденіи. Та сторона опредѣляющаго, или тотъ пріемъ его, которымъ оно указываетъ и отграничиваетъ предѣлы объема, называется указаніемъ *родоваго признака* въ опредѣляемомъ понятіи; а опредѣленіе отношенія къ нему (о-

предѣляемому понятію) частнѣйшихъ и подробнѣйшихъ его признаковъ (т. е. содержанія его), извѣстно подъ именемъ *видоваго его отличія*. Слѣд. въ совершеніи мысленнаго дѣйствія, называемаго опредѣленіемъ, долженъ быть наблюдаемъ порядокъ восходящій снизу вверхъ, а не наоборотъ. Нельзя дать такой напр. ходъ опредѣленію: *растеніе есть дерево*, а должно начинать опредѣленіе въ обратномъ порядкѣ: *дерево есть растеніе* *.

Родовой признакъ.

Но здѣсь низшее понятіе вводится въ сферу высшаго понятія; потому съ перваго взгляда кажется, что первый же этотъ пріемъ опредѣленія опровергаетъ высказанное нами выше положеніе, что опредѣленіе должно отсобить и отграничить опредѣляемое понятіе отъ всѣхъ прочихъ понятій по объему и по содержанію, чтобъ такимъ-образомъ понятіе опредѣляемое всею сложностію своею раскрылось и освѣтилось въ сознаніи нашемъ, какъ единство, равное самому себѣ, отдѣленное и отличенное отъ всѣхъ прочихъ единствъ (понятій). Для устраненія этого кажущагося противорѣчія, вникнемъ, что̀ такое родовой признакъ

* Когда говоримъ: *это дерево есть береза*, то и здѣсь мышленіе идетъ снизу вверхъ; здѣсь слово *дерево* имѣетъ смыслъ индивидуальнаго, а не родоваго.

*

Опредѣляющее.

Какъ опредѣленіе есть форма сужденія категорическаго, то и въ немъ должно быть сказуемое, какъ и въ категорическомъ сужденіи. Это сказуемое въ опредѣленіи называется *опредѣляющимъ*, потому что въ немъ-то собственно и совершается то дѣйствіе мышленія, которое называется опредѣленіемъ (отграниченіемъ опредѣляемаго понятія отъ всѣхъ другихъ понятій, въ сознаніи существующихъ). Сходствуя съ этой стороны со сказуемымъ сужденія, опредѣляющее отличается тѣмъ, что въ немъ не только должно быть опредѣлено отношеніе признаковъ къ ихъ понятію, какъ это бываетъ и въ сказуемомъ сужденіи, но должны быть указаны и опредѣлены и предѣлы объема опредѣляемаго понятія, чтобъ такимъ-образомъ опредѣляемое было очерчено и отграничено со всѣхъ сторонъ; и во всей полнотѣ всего его состава, внутренняго и внѣшняго, т. е. по объему и по содержанію. Такимъ-образомъ опредѣляющее необходимо должно быть многостороннѣе и сложнѣе сказуемаго въ сужденіи. Та сторона опредѣляющаго, или тотъ пріемъ его, которымъ оно указываетъ и отграничиваетъ предѣлы объема, называется указаніемъ *родоваго признака* въ опредѣляемомъ понятіи; а опредѣленіе отношенія къ нему (опредѣляемому понятію) частнѣйшихъ и подробнѣйшихъ его признаковъ (т. е. содержанія его), извѣстно подъ именемъ *видоваго его отличія*. Слѣд. въ совершеніи мысленнаго дѣйствія, называемаго опредѣленіемъ, долженъ быть наблюдаемъ порядокъ восходящій снизу вверхъ, а не наоборотъ. Нельзя дать такой напр. ходъ опредѣленію: *растеніе есть дерево*, а должно начинать опредѣленіе въ обратномъ порядкѣ: *дерево есть растеніе* *.

Родовой признакъ.

Но здѣсь нисшее понятіе вводится въ сферу высшаго понятія; потому съ перваго взгляда кажется, что первый же этотъ пріемъ опредѣленія опровергаетъ высказанное нами выше положеніе, что опредѣленіе должно отособить и отграничить опредѣляемое понятіе отъ всѣхъ прочихъ понятій по объему и по содержанію, чтобъ такимъ-образомъ понятіе опредѣляемое всею сложностію своею раскрылось и освѣтилось въ сознаніи нашемъ, какъ единство, равное самому себѣ, отдѣленное и отличенное отъ всѣхъ прочихъ единствъ (понятій). Для устраненія этого кажущагося противорѣчія, вникнемъ, что̀ такое родовой признакъ

---

* Когда говоримъ: *это дерево есть береза*, то и здѣсь мышленіе идетъ снизу вверхъ; здѣсь слово *дерево* имѣетъ смыслъ индивидуальнаго, а не родоваго.

и какъ служитъ указаніе его въ опредѣляющемъ къ отграниченію опредѣляемаго понятія со стороны высшей сферы его—со стороны объема.

Выше сего мы имѣли случаи замѣчать, что объемъ всякаго понятія имѣетъ основаніе свое въ содержаніи того понятія или тѣхъ совокупившихся въ одно понятій, которыя имъ обнимаются; ибо потому только многіе предметы и многія понятія нисшія и могутъ входить въ одинъ объемъ понятія высшаго, что во всѣхъ ихъ есть больше или меньше признаковъ общихъ всѣмъ имъ. Но между этими общими всѣмъ признаками, нѣкоторые бываютъ общнѣе другихъ. Эта большая мѣра общности признаковъ состоитъ въ томъ, что признаки эти приличествуютъ и предметамъ объемовъ другихъ высшихъ понятій, не только ближайшихъ къ извѣстному понятію, но и высочайшихъ, до самого высшаго отвлеченія — до понятія бытіе вообще. Начало этой, такъ сказать, всесторонности и всеприлагаемой общности признаковъ заключается первоначально въ недѣлимыхъ міра дѣйствительнаго. Напр. извѣстное недѣлимое тѣми своими признаками, существенно отличительными, которые общи въ немъ съ одинаковыми съ нимъ недѣлимыми, вошло въ видовое понятіе *дубъ*. Но въ каждомъ отдѣльномъ (недѣлимомъ) дубѣ есть признаки, способность расти, сложность мно-

гихъ частей и элементовъ, разрушаемость, занятіе имъ пространства и времени, зависимость его существованія, возрастанія и разрушаемости не только отъ земли и земныхъ предметовъ и свойствъ, но и отъ всѣхъ прочихъ стихій и даже отъ другихъ планетъ, отдѣльныхъ отъ земли, и проч. Все это такіе признаки, которые одинаково приличествуютъ всему царству растительному, какъ вообще, такъ и въ частности, а нѣкоторые изъ нихъ и всему, что только существуетъ въ мірѣ дѣйствительномъ, вещественномъ и во всей вселенной. Посему каждое понятіе этими общими всѣми признаками можетъ соприкасаться и къ нисшимъ, и къ высшимъ, и къ высочайшимъ по объему понятіямъ, или послѣдовательно по восходящему порядку, отъ нисшаго къ высшему, или и безъ послѣдовательности восходящей, минуя т.-е нѣсколько высшихъ его понятій, прямо къ высочайшему, если есть въ немъ годный на то признакъ. Напр. можно прямо сказать: *дубъ есть вещь*, или: *дубъ есть проявленіе міровой жизни* *. Эти-то об-

* Конечно, мыслящему духу нашему, любящему во всемъ и отъ самого себя требующему во всемъ строгаго естественнаго порядка и непрерывной послѣдовательности, въ опредѣленіи понятій естественнѣе указывать отношеніе опредѣляемаго понятія къ ближайшему высшему его понятію; особенно это необходимо въ построеніи цѣлой системы мыслей.

щіе признаки, которые какъ-бы въ запасъ имѣются въ каждомъ понятіи для перехода его, по надобности, въ высшія и высочайшія его понятія или для естественнаго и правильнаго отношенія къ нимъ * и суть родовые признаки. Очевидно, что указаніемъ ихъ въ опредѣляющемъ, опредѣляемое понятіе не смѣшивается съ высшимъ его понятіемъ родовымъ, а указывается только, что и предметъ опредѣляемаго понятія относится къ этому роду предметовъ извѣстною стороною существа своего; слѣд. указывается, какъ далеко простираются предѣлы опредѣляемаго съ верхней его стороны—по его объему.

Видовое отличие.

Указаніемъ видоваго отличія опредѣляются предѣлы и границы опредѣляемаго со стороны его нисшей противоположной высшей его сторонѣ, отграниченной уже родовымъ признакомъ, т.-е. со стороны его внутренней—со стороны всего содержанія его. Видовымъ отличіемъ, говоря сравнительно, из-

* На этомъ-то свойствѣ понятій и заключающихся подъ ними предметовъ дѣйствительныхъ, основывается непрерывность такъназываемыхъ законовъ *родотворенія* и *видотворенія;* на этомъ же свойствѣ основывается и то, что мы можемъ сочетать въ систему мыслей самыя, повидимому, разнородныя понятія и предметы дѣйствительные, и составлять изъ нихъ одно цѣлое мышленіе, то путемъ утвержденія, то путемъ отрицанія.

мѣряется и опредѣляется какъ-бы вся квадратная площадь опредѣляемаго, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ—и въ ширину, и въ долготу, и въ глубь, и поперегъ. Напр. *дубъ* (опредѣляемое), *есть дерево* (родовой признакъ) *твердое, болѣе другихъ деревъ плотное и тяжелое, болѣе столѣтія способное произрастать на корнѣ, негніющее въ водѣ* и проч. (это видовое отличіе дуба отъ прочихъ деревъ).

Виды опредѣленія.

Какъ сужденія по содержанію естественно раздѣлились на два рода, потому-что предметы могутъ быть мыслимы или со стороны ихъ сущности, независимо отъ чего нибудь сторонняго, или по отношенію ихъ къ причинамъ и обстоятельствамъ сторонмъ -и такъ и опредѣленія, какъ форма сужденій по содержанію, могутъ быть двухъ видовъ: по сущности—*опредѣленія вещи* или вещныя (declarationes reales), и по происхожденію—*опредѣленія генетическія* (genetices seu causales).

Опредѣленіе вещи.

Въ опредѣленіи вещи предметъ долженъ быть представленъ точно такимъ, какъ онъ есть въ существѣ своемъ, т.-е. имѣющимъ ни болѣе ни менѣе сущест-

венныхъ признаковъ, какъ сколько ихъ есть въ немъ дѣйствительно, и притомъ безъ всякаго приложенія его къ какимъ либо дѣйствительностямъ или возможностямъ внѣ его сущности, и безъ всякаго поставленія его въ зависимость отъ какихъ либо причинъ и обстоятельствъ стороннихъ, напр. *міръ есть собраніе всѣхъ вещей и существъ сотворенныхъ.* Само собою разумѣется, что немногіе предметы можно намъ опредѣлять, со стороны ихъ сущности, съ полною и совершенною точностію и непогрѣшительностію, потому-что сущности многихъ предметовъ мы не можемъ знать вполнѣ и во всемъ совершенствѣ.

Опредѣленіе генитическое.

Опредѣленіемъ генетическимъ показывается возможность предмета, образъ и условія его происхожденія. Слѣд. здѣсь имѣютъ мѣсто внѣшнія причины отношенія и обстоятельства, и условія, при какихъ причины и обстоятельства внѣшнія могутъ способствовать къ происхожденію предмета. Напр. лунное затмѣніе происходитъ отъ того, что между солнцемъ и луною помѣщается земля.

Важность опредѣленія, какъ средоточія познаній о предметѣ.

Вѣрное опредѣленіе весьма важно въ наукѣ: оно служитъ опорою для прочихъ положеній и выводовъ, равно какъ отъ неточности и недостаточности

опредѣленія происходятъ недоразумѣнія, споры, недостаточныя умозаключенія и доказательства. Приступая къ мышленію о предметѣ, мы необходимо должны знать напередъ, что̀ такое этотъ предметъ, самъ въ себѣ и по отношенію къ другимъ предметамъ что онъ заключаетъ въ себѣ, и что можно мыслить о немъ съ той и другой стороны. А вѣрное и полное опредѣленіе и заключаетъ въ себѣ отвѣты на всѣ эти вопросы: въ немъ, какъ въ сѣмени, заключается все то, что̀ есть и даже что̀ можетъ быть въ предметѣ; ибо на существенности предмета, которая вся должна сосредоточиваться въ опредѣленіи, основывается все бытіе его, настоящее, прошедшее и будущее, нетолько дѣйствительное, но и возможное. Потому мышленію остается только раскрыть это сѣмя, освѣтить и согрѣть его проницательностію и сообразительностію разумною, и оросить его всѣми источниками разумѣвающей сознающей, чувствующей и желающей души, чтобы изъ него выросло цѣлое дерево мысленное. Посему-то издавна признавали и теперь признаютъ необходимымъ начинать точное философское мышленіе съ опредѣленія мыслимаго предмета. А въ тѣ времена, когда въ школахъ господствовали диспуты (ученыя публичныя состязанія), поставлялось непремѣннымъ правиломъ, въ случаѣ уклоненія отъ главнаго предмета диспутаціи, обращаться къ опре-

дѣленію его, и на признанномъ обѣими спорящими сторонами опредѣленіи снова начинать рядъ умозаключеній и выводовъ, въ строгой и непрерывной послѣдовательности.

Достоинства опредѣленія.

Поелику цѣль опредѣленія есть та, чтобъ мыслимый предметъ представить сознанію во всей его цѣлости и полнотѣ, дабы знать, о чемъ мыслить, что̀ и какъ, то это самое уже показываетъ, что все достоинство хорошаго опредѣленія должно состоять въ его *ясности* и *строгомъ соотвѣтствіи опредѣляемому предмету*.

а) Ясности.

Ясность всякой мысли зависитъ, съ одной стороны, отъ свѣтлости сознанія и отчетливости разумѣнія оной въ субъектѣ мыслящемъ, а съ другой — отъ правильности и совершенства словеснаго ея выраженія. Посему, чтобъ можно было дать ясное и для всякаго понятное опредѣленіе какого либо предмета, необходимо: а) выразумѣть этотъ предметъ въ возможномъ совершенствѣ и со всѣхъ, доступныхъ для нашего ограниченнаго разумѣнія, сторонъ его; в) знать и владѣть въ совершенствѣ тѣмъ языкомъ, на которомъ беремся излагать свое опредѣленіе письменно или изустно. При выполненіи сихъ условій опредѣленія наши если не будутъ всегда полными, по крайней-мѣрѣ всегда будутъ вѣрными и непогрѣшительными противъ истины и потому требующими только пополненія, а не совершеннаго измѣненія ихъ.

Кто же не знаетъ и не понимаетъ какого либо предмета и между-тѣмъ берется опредѣлять его, тому остается одно изъ двухъ: или опредѣлять предметъ какъ ему вздумается и какъ прійдется, безъ собственнаго убѣжденія въ истинности и основательности того, что̀ онъ сталъ бы усвоять опредѣляемому предмету; или дѣлать опредѣленіе отрицательное. Но говорить безъ собственной увѣренности и безсознательно, говорить на-обумъ, безъ всякаго основанія, несвойственно существу нравственно разумному; а отрицательное опредѣленіе не опредѣляетъ предмета, оно говоритъ только, чѣмъ не есть предметъ, но не говоритъ, что онъ есть. Напр. *электричество не есть ни свѣтъ, ни теплота, ни магнетизмъ*.

Впрочемъ и при достаточномъ познаніи предмета, но безъ надлежащаго знанія языка и свободнаго обладанія имъ, или же при невнимательности къ его совершенствамъ и вразумительности употребляемыхъ въ опредѣленіи словъ и выраженій, могутъ происходить важныя погрѣшности противъ ясности и вразумительности опредѣленій. Изъ числа таковыхъ погрѣшностей издавна замѣчены логиками и теперь

нерѣдко встрѣчаются: *Кругообразность опредѣленія и выспренность его.*

Касательно кругообразности въ опредѣленіи у древнихъ существуетъ правило: *ne fiat* (definitio) *inorbet.* Этимъ правиломъ требуется, чтобы въ опредѣленіи не повторялось само опредѣляемое понятіе ни *непосредственно,* ни *посредственно.* Непосредственно напр. въ слѣдующемъ примѣрѣ: *законъ есть законное предписаніе.* Посредственно, когда опредѣляемое понятіе встрѣчается въ объясненіи опредѣленія; напр. *законъ есть объявленіе воли начальника, начальникъ есть тотъ, кто повелѣваетъ другими; а повелѣвать другими значитъ предписывать имъ законы.*

Выспренними бываютъ опредѣленія: a) когда они слишкомъ отвлеченны, какъ напр. слѣдующее опредѣленіе ума у Шеллинга: *умъ есть умъ абсолютный, поколику мыслимъ его, какъ цѣльное безразличіе подлежательнаго и предлежательнаго;* b) когда употребляются въ нихъ выраженія иносказательныя, какъ напр. у Якова Бэма: *возрожденіе есть разрѣшеніе небеснаго существа въ центрѣ животной души, вращающейся внутрь подобно колесу;* c) когда опредѣляющее слово неупотребительно и непонятно, какъ напр. *душа есть Энтелехія органическаго тѣла.*

б) Строгое соотвѣтствіе опредѣленія предмету опредѣляемому.

Строгое соотвѣтствіе опредѣленія предмету опредѣляемому должно состоять въ томъ, чтобы въ немъ было сказано то только, чтò дѣйствительно заключается въ предметѣ, по сущности его или по обстоятельствамъ и необходимымъ отношеніямъ его къ другимъ предметамъ. Противъ сего правила могутъ быть погрѣшности двухъ родовъ: опредѣленія *тѣснѣйшія* и *обширнѣйшія своего* предмета.

Опредѣленіе бываетъ *тѣснѣе* опредѣляемаго имъ предмета, когда имъ исключается часть предметовъ, принадлежащихъ къ области опредѣляемаго понятія; напр. *физика есть наука о силахъ планетныхъ.* Это опредѣленіе тѣснѣе опредѣляемаго имъ предмета, потому,-что физика занимается и другаго рода силами, напр. міровыми.

Опредѣленіе *обширнѣе* своего предмета, когда подъ него подходятъ предметы, относящіеся и къ области другихъ понятій, напр. *физика есть наука о природѣ.* Это опредѣленіе обширнѣе своего предмета, потому что природою занимаются и другія науки, напр. естественная исторія, ботаника, химія, минералогія и проч.

Сужденія по объему.

Въ сужденіяхъ по объему опредѣляется объемъ подлежащаго или въ отношеніи къ другимъ сопод-

чиненнымъ понятіямъ, въ совокупности съ которыми оно составляетъ область понятія высшаго; или въ отношеніи къ нисшимъ понятіямъ, его составляющимъ. Въ первомъ случаѣ происходятъ сужденія *раздѣлительныя*, а въ послѣднемъ *раздробительныя*.

а) Сужденіе раздѣлительное и форма его

Сужденіе раздѣлительное есть противоположеніе, въ которомъ указывается нѣсколько сказуемыхъ противоположныхъ, такъ-что только одно изъ нихъ должно быть приписано подлежащему, впрочемъ не опредѣляется, какое именно. Этотъ способъ сужденія естественъ и необходимъ потому, что бываютъ случаи, когда намъ извѣстно напр., къ какой сферѣ принадлежитъ мыслимый предметъ, но неизвѣстно, какую именно часть этой сферы онъ составляетъ, какую степень и какое мѣсто занимаетъ въ ней. Потому, не рѣшивши для себя предварительно этихъ вопросовъ и какъ-бы застигнутые въ расплохъ, мы отвѣчаемъ или такъ, или иначе, либо то, либо другое, либо третье, должно быть непремѣнно. Повтореніе частицъ *или или*, *либо*, *либо* и составляетъ естественную и необходимую форму сужденія раздѣлительнаго.

Отсюда открываются слѣдующія особенности сужденія раздѣлительнаго:

1) *въ отношеніи къ подлежащему*:

а, Подлежащее и въ этомъ сужденіи, также какъ и въ двухъ предшествующихъ (категорическомъ и условномъ), должно заключать въ себѣ предметъ опредѣленный—этотъ именно, а не другой. Но случается, что предметъ сужденія раздѣлительнаго, будучи предметомъ опредѣленнымъ, въ то же время бываетъ неизвѣстнымъ, безъименнымъ для нашего сознанія и существуетъ для него, такъ сказать, подъ непонятнымъ понятіемъ: *нѣчто, это, что-то*; напр. *это нѣчто свѣтлое* (эта свѣтящаяся точка) *есть или звѣзда, или метеоръ, или искуественный маякъ, или сверканіе глазъ хищнаго звѣря, или огонь, разложенный остановившими на ночлегъ людьми.*

б, Подлежащее можетъ быть относимо (поставляемо въ отношеніе) и къ высшимъ его понятіямъ родовымъ, какъ бываетъ и въ прочихъ сужденіяхъ, и къ нисшимъ, и даже къ видовымъ, чего уже никогда не можетъ быть въ сужденіи, напр. категорическомъ. Напр. *этотъ металлъ есть или золото, или серебро, или платина.* Здѣсь высшее понятіе относится къ нисшимъ. *Полипъ есть или животное, или растеніе.* Здѣсь нисшее относится къ высшимъ:

2) *Въ отношеніи къ сказуемому*

И въ сужденіи раздѣлительномъ, также какъ и во всѣхъ прочихъ сужденіяхъ, мышленіе, называемое сужденіемъ, производится собственно въ сказуемомъ

при посредствѣ связки. А изъ вышесказаннаго явствуетъ, что сказуемое въ этомъ сужденіи тѣсно граничить съ предположительностію. Въ немъ она естественна, какъ сказано, потому-что мы тогда прибѣгаемъ къ сужденію раздѣлительному, когда намъ не достовѣрно извѣстно или и вовсе неизвѣстно, къ какой области подлиннаго бытія, дѣйствительнаго или логическаго, относится предметъ или понятіе, о которомъ хотимъ мыслить; если же не извѣстно, къ какой относится области, то неизвѣстно, какую часть этой области занимаетъ оно и проч. Потому-то и настоитъ необходимость дѣлать попытки, какъ-бы пробовать, съ какой стороны естественнѣе и вѣрнѣе можно приступить къ мышленію о данномъ предметѣ. А предположительность опять весьма близко граничитъ съ обширною и неизчерпаемою для мышленія областью возможнаго. Потому сказуемое въ сужденіи раздѣлительномъ можетъ быть до безконечности многосложнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а вообще должно состоять, по-крайней-мѣрѣ, не менѣе, какъ изъ двухъ терминовъ, которые и называются въ немъ *членами сужденія*.

Отсюда вытекаютъ слѣдующія особенности въ сказуемомъ сужденія раздѣлительнаго:

а, Члены его, сколько бы ихъ ни было, должны быть взаимно противоположны одинъ другому, такъ

чтобъ одинъ другимъ исключался; иначе не выйдетъ никакого смысла и не будетъ соотвѣтствія цѣли сужденія, которая, какъ сказано, состоитъ въ опробованіи, съ какой стороны естественнѣе и вѣрнѣе можно судить о предметѣ. Слѣдовательно

б, Различные противоположные члены сужденія должны обозначать различныя противоположныя стороны предмета мыслимаго (подлежащаго).

в, А отсюда вытекаетъ то справедливое и необходимое требованіе, чтобы въ членахъ сужденія раздѣлительнаго не было чистаго произвола со стороны мыслителя, но чтобъ было какое нибудь, хотя кажущееся, основаніе въ самомъ подлежащемъ, т.-е. чтобы каждый членъ заключалъ въ себѣ какое нибудь хотя по бѣглымъ соображеніямъ возможное въ предметѣ свойство, качество и прч., хотя предположительно соотвѣтственныя его природѣ, или обстоятельствамъ и условіямъ какимъ нибудь. Напр. когда говорили Александру Македонскому (въ извѣстной дилеммѣ): *ты или богъ, или человѣкъ*; то имѣли основаніе на это, напр.: въ великости, отважности и необычайной успѣшности его дѣяній и подвиговъ, въ его самоуправствѣ съ цѣлыми государствами и народами, но вмѣстѣ—и въ замѣтныхъ слабостяхъ и погрѣшностяхъ его дѣйствій и поступковъ, свойственныхъ уже человѣческой ограниченности.

г, Если бываетъ противоположенiе прямое, то сказуемое сужденiя раздѣлительнаго должно состоять только изъ двухъ членовъ, напр. *міръ или вѣченъ, или не вѣченъ*. Если же противоположенiе бываетъ непрямое (гдѣ собственно и естественна многоплодная предположительность и соприкосновенность къ области возможнаго), то въ этомъ случаѣ нельзя опредѣлить числа членовъ противоположныхъ; здѣсь можно только положить за правило, чтобъ умноженiе членовъ сужденiя раздѣлительнаго не выходило изъ предѣловъ дѣйствительной и возможной области бытiя и свойствъ того предмета, который служитъ предметомъ должнаго сужденiя, т. е. подлежащимъ. Напр. *этотъ человѣкъ или Европеецъ, или Азiятецъ, или Африканецъ, или Американецъ, или Австралiецъ.* Въ этомъ сужденiи больше пяти членовъ невозможно и не должно быть, потому-что извѣстно только пять частей свѣта, населенныхъ людьми.

д, Какъ сужденiе раздѣлительное не даетъ о предметѣ мыслимомъ рѣшительнаго знанiя, а только подготовляетъ къ оному, или наводитъ на оное чрезъ посредство другихъ уже вслѣдствiе его прiемовъ мышленiя, напр. чрезъ посредство наблюденiй и искусственныхъ опытовъ; то въ немъ должно быть полное исчисленiе членовъ (т. е. сторонъ мыслимаго предмета); ибо при разработкѣ ихъ, для оправданiя и опроверженiя, напр. въ опытахъ, могутъ быть пропуски, и самая искомая истина можетъ ускользнуть отъ взора мыслителя, если заключается именно въ пропущенномъ членѣ.

б) Сужденіе раздробительное.

Если понятiе разлагается на низшiя понятiя, составляющiя объемъ его, и притомъ положительно, какъ на несомнѣнно извѣстныя части своего цѣлаго; то такое дѣйствiе мышленiя называется *сужденiемъ раздробительнымъ*. Отличаясь отъ сужденiя раздѣлительнаго внутреннимъ смысломъ категорической положительности, оно отличается отъ него и наружною формою, въ которой раздѣлительныя частицы— *или, либо*, не имѣютъ уже мѣста. Посему точною формою для сужденiя раздробительнаго должно быть обыкновенное раздѣленiе понятiй.

Понятіе о раздѣленіи, какъ совершеннѣйшей формѣ сужденій по объему.

Раздѣленiе есть полное показанiе нисшихъ понятiй, заключающихся подъ какимъ либо даннымъ высшимъ понятiемъ. Оно очевидно противоположно опредѣленiю, но въ смыслѣ подлежательномъ (т. е. къ субъекту мыслящему) служитъ дополненiемъ опредѣленiя; ибо для полнаго уразумѣнiя предмета недоста-

точно знать его опредѣленности, какъ цѣлое, а нужно еще знать, какую часть высшей сферы онъ составляетъ и сколько самъ заключаетъ подъ собою сферъ.

Составныя части раздѣленія.

Во всякомъ правильномъ раздѣленіи необходимо должны быть: 1, опредѣленный предметъ дѣленія или *дѣлимое*, и 2, тѣ части, на которыя оно раздѣляется и которыя у логиковъ называются *членами дѣленія*. А какъ всякій предметъ имѣетъ много сторонъ для мышленія и всякая сторона его можетъ дать мышленію такое или другое направленіе, такой или другой характеръ и составъ, и показываетъ въ мыслимомъ предметѣ такія именно, а не другія его принадлежности, свойства и проч; то въ раздѣленіи необходимо. 3, такъ называемое *основаніе* или *начало* дѣленія, т. е. та точка или сторона предмета, съ которой производится и на которой основывается его раздѣленіе.

Предметъ раздѣленія или дѣлимое.

Дѣлимымъ или предметомъ раздѣленія должно быть общее понятіе, хотя бы то самое высшее, самое отвлеченное, доходящее до единицы по содержанію, каково понятіе *бытіе вообще*. Потому-что главное, коренное условіе возможности раздѣленія есть то, чтобы въ дѣлимомъ понятіи былъ объемъ, т. е. чтобъ подъ нимъ заключались нисшія его понятія.

Члены раздѣленія.

Посему члены дѣленія непремѣнно должны состоять изъ понятій нисшихъ дѣлимаго, родовыхъ, или видовыхъ, но непремѣнно заключающихся подъ понятіемъ дѣлимымъ и составляющихъ его объемъ; ибо раздѣленіе не вторгается въ другія, чуждыя ему сферы, а разлагаетъ собственную сферу или собственный объемъ дѣлимаго понятія. А какъ объемъ различныхъ понятій бываетъ неодинаковъ — подъ однимъ больше заключается нисшихъ его понятій, а подъ другимъ меньше, то и число членовъ въ разныхъ раздѣленіяхъ не можетъ быть одинаково, бываютъ раздѣленія двучленныя, трехчленныя, четырехчленныя и т. д.

Основанія дѣленія.

Основаніемъ дѣленія долженъ быть какой нибудь родовой признакъ, дѣйствительно находящійся въ дѣлимомъ понятіи, какая нибудь существенно важная и отличительная сторона въ составѣ дѣлимаго, могущая дать особый взглядъ на предметъ и породить цѣлый рядъ мышленія о немъ, съ такой именно стороны его, въ такомъ именно, а не другомъ его отношеніи. Напр. общее понятіе *родъ человѣческій* можно разсматривать и, слѣд., можно дѣлить: *по поламъ*, *возрастамъ*, *темпераментамъ*, *по странамъ свѣта*, *по*

вѣроисповѣданію и проч. Все это такія стороны въ понятіи—*родъ человѣческій*, изъ коихъ каждая можетъ быть предметомъ отдѣльнаго мышленія, и слѣд. каждая можетъ быть основаніемъ для дѣленія этого понятія, потому-что каждая, какъ изъ родоваго признака состоящая, заключаетъ подъ собою много отличительныхъ признаковъ и понятій, особенно характеризующихъ заключающійся подъ дѣлимымъ понятіемъ предметъ дѣйствительный. А отсюда слѣдуетъ далѣе, что каждая изъ этихъ отличительныхъ сторонъ предмета, какъ изъ родоваго понятія состоящая, но подъ высшимъ его родомъ заключающаяся, можетъ быть и членомъ главнаго раздѣленія дѣлимаго понятія, и, въ свою очередь, каждая можетъ быть и предметомъ дѣленія или дѣлимымъ, потому самому, что составляетъ собою хотя нисшее главнаго дѣлимаго, но родовое понятіе, а потому должно заключать и подъ собою нисшія себя понятія, которыя также могутъ заключать подъ собою нисшія понятія до видовыхъ понятій и до частнѣйшихъ представленій недѣлимыхъ. На этомъ-то основывается возможность *сораздѣленій* и *подраздѣленій* одного и того же общаго родоваго понятія, а наконецъ *раздробленія* заключающихся подъ нимъ недѣлимыхъ, какъ цѣлыхъ единицъ, изъ своихъ частей состоящихъ.

Сораздѣленіе бываетъ, когда одно и то же понятіе

дѣлится на различныхъ основаніяхъ или съ разныхъ сторонъ его, т.-е. когда бывшіе члены главнаго дѣленія обращаются въ дѣлимыя. *Подраздѣленіе* происходитъ, когда члены сораздѣленія въ свою очередь обращаются въ дѣлимыя. *Раздробленіе*— когда представленія недѣлимыхъ, бывшія членами подраздѣленія, разлагаются на свои составныя части. Напр. *родъ человѣческій различается* (и потому раздѣляется) *по породамъ, поламъ, возрастамъ, темпераментамъ, по странамъ свѣта, по вѣроисповѣданіямъ, по степени образованности*; это главное раздѣленіе, основаніемъ для него служитъ первоначально дѣйствительный въ предметѣ дѣлимомъ, но общій всему дѣйствительному и потому недѣлимый (т.-е. не могущій обратиться въ дѣлимое) признакъ—*различіе*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ тѣ родовые признаки, которые въ этомъ раздѣленіи сдѣлались членами дѣленія, т.-е. *порода, возрастъ, полъ* и проч. Здѣсь есть основаніе и на то чтобъ дѣлить, и на то какъ дѣлить, на какія именно главныя, ближайшія въ составѣ объема дѣлимаго понятія, существенно важныя и первѣе всего отличительныя части или стороны дѣлимаго предмета. Далѣе: родъ человѣческій раздѣляется *по породамъ*: на кавказскую, монгольскую, малайскую эѳіопскую, американскую. *По возрасту*: на стариковъ, возмужалыхъ, юношей, отроковъ, младенцевъ.

По поламъ: на мужчинъ и женщинъ. *По странамъ свѣта*: на Европейцевъ, Азіятцевъ, Африканцевъ, Американцевъ, Австралійцевъ. *По темпераментамъ*: на холериковъ, сангвиниковъ, флегматиковъ, меланхоликовъ. *По вѣроисповѣданіямъ*: на христіанъ, магометанъ, евреевъ и язычниковъ. *По степени образованности*: на образованныхъ и грубыхъ, благоустроенными обществами живущихъ и дикихъ.

На всѣхъ этихъ основаніяхъ (порода, возрастъ, полъ и проч.) построенныя раздѣленія общаго понятія *родъ человѣческій*, бывшихъ членами главнаго раздѣленія, составляютъ вмѣстѣ *сораздѣленіе*. Эти родовыя отличія (порода, возрастъ и проч.), бывшія членами главнаго раздѣленія, обратились здѣсь въ дѣлимыя, послуживъ вмѣстѣ и основаніями для сораздѣленія, т.-е. для раздѣленія рода человѣческаго съ разныхъ его сторонъ. Если будемъ продолжать дѣленіе, по далѣе нисходящему порядку отъ высшаго къ нисшему, т.-е. члены всѣхъ раздѣленій, составившихъ вмѣстѣ сораздѣленіе, обратимъ въ дѣлимыя; то выйдутъ подраздѣленія каждаго особо раздѣленія, вошедшаго въ сораздѣленіе. Такъ напр. *Европейцы* подраздѣляются: на Русскихъ, Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ, Пруссаковъ, Испанцевъ, Швейцарцевъ и проч. *Азіятцы* подраздѣляются: на Турокъ, Персіянъ, Грековъ, Грузинцевъ и проч.

Важность раздѣленій для полноты и подробности знаній.

Отсюда видно, что раздѣленія имѣютъ особенную важность для полноты и подробности знаній. Когда мы знаемъ предметъ опредѣленно (т. е. по опредѣленію его), такъ что можемъ отличить его отъ всѣхъ другихъ предметовъ; то это еще не ручается за то, что мы знаемъ его подробно и во всей полнотѣ; опредѣленно можно знать и отличать предметъ по его главнѣйшимъ и существеннѣйшимъ признакамъ, такъ какъ опредѣленіе это именно признаки и имѣетъ въ виду. Но то, что есть частнѣйшаго въ предметѣ, хотя тоже на его существенности основывающагося, можетъ вовсе не вводить въ опредѣленіе, такъ какъ опредѣленіе по самому свойству и назначенію своему всю множественность, къ предмету относящуюся, сводитъ къ единству въ самыхъ главныхъ и общихъ чертахъ. Раздѣленіе же и самыя сокровенныя подробности выставляетъ на видъ, если только эти подробности основываются на сущности предмета дѣлимаго, или даже какимъ-нибудь ближайшимъ образомъ соприкасаются къ ней. Притомъ же опредѣленіе не заботится о томъ, чтобы существенные признаки усвоялись предмету въ строгой систематической послѣдовательности, безъ скачковъ и промежутковъ, а довольствуется и тѣмъ, если есть естественное и не

обходимое отношеніе между ими взаимно и предметомъ посредствомъ ихъ опредѣляемымъ. Напротивъ-того, раздѣленіе иначе и не можетъ выступать и продолжаться, какъ только въ строгой непрерывной послѣдовательности отъ высшаго къ нисшему, безъ малѣйшихъ промежутковъ, безъ скачковъ и пропусковъ. Слѣд. служа дополненіемъ и разъясненіемъ опредѣленія, въ отношеніи субъективномъ, раздѣленіе сообщаетъ знаніямъ нашимъ о предметѣ ученую, систематическую форму и обогащаетъ содержаніе науки, освѣщая входящія въ составъ ея понятія надлежащимъ ихъ размѣщеніемъ. Посему-то для строгаго и отчетливаго философскаго мышленія, и особенно для точнаго и подробнаго изложенія науки, всегда, отъ самой глубокой древности, почитали наилучшимъ тотъ планъ, чтобы за опредѣленіемъ даннаго для мышленія предмета непосредственно слѣдовало его раздѣленіе съ сораздѣленіями и подраздѣленіями, и на основаніи такого раздѣленія, какъ полнаго и самаго естественнаго плана, раскрывался бы предметъ во всей его подробности, полнотѣ и обширности.

Достоинства раздѣленія.

Но чтобъ эта важная цѣль раздѣленія достигалась всегда съ желаннымъ успѣхомъ, необходимо, чтобъ

во всякомъ раздѣленіи строго выполняемы были слѣдующія условія совершенства и достоинствъ его:

1) Въ выборѣ основанія.

Не всегда бываетъ надобность раздѣлять мыслимый предметъ во всей его обширности и полнотѣ и со всѣхъ возможныхъ въ немъ и дѣйствительныхъ сторонъ его, а большею частію бываетъ потребность раздѣлять предметъ для извѣстной опредѣленной цѣли мышленія о немъ, и потому съ извѣстной только стороны его, или въ извѣстномъ только его отношеніи. Посему главное условіе совершенства и всѣхъ возможныхъ достоинствъ раздѣленія зависитъ первѣе всего отъ выбора основанія для дѣленія, т. е. отъ того, съ какой именно стороны, или въ какомъ именно отношеніи смотрѣть на предметъ мыслимый, какъ на данный предметъ для опредѣленнаго мышленія, такого именно, а не другаго.

Въ этомъ отношеніи раздѣленіе должно имѣть слѣдующія необходимыя условія совершенства и достоинствъ его:

а, *Единство*. Въ каждомъ раздѣленіи должно быть одно опредѣленное основаніе, т. е. въ каждомъ раздѣленіи предметъ долженъ раздѣляться съ одной

извѣстной стороны или въ одномъ извѣстномъ отношеніи; если же потребуется раздѣлять его многостороннѣе, съ другихъ сторонъ, или въ другихъ отношеніяхъ, то на это уже должны быть другія основанія и другія особыя раздѣленія. Въ противномъ случаѣ произойдетъ раздѣленіе запутанное. Такъ напр. раздѣленіе будетъ запутанное, еслибъ мы раздѣлили людей на *образованныхъ* и *богатыхъ*, потому что образованность и богатство составляютъ различныя стороны или принадлежности людей, изъ коихъ каждая можетъ и должна служить основаніемъ для отдѣльныхъ раздѣленій.

б, *Твердость.* Основаніе дѣленія должно въ точности соотвѣтствовать природѣ предмета мыслимаго, т. е. должно состоять изъ существеннаго признака, дѣйствительно находящагося въ дѣлимомъ понятіи, а не измышляемаго произвольно или заимствуемаго изъ сферы другихъ понятій, и потому неимѣющаго дѣйствительнаго приложенія къ мыслимому. Раздѣленія, построяемыя на основаніяхъ произвольныхъ, незаключающихся въ сферѣ дѣлимаго понятія и потому противорѣчащихъ природѣ предмета мыслимаго, называются раздѣленіями *фантастическими* и *химерическими.* Таково напр. слѣдующее раздѣленіе у Штиллинга духовъ, ему являвшихся: *красные, синіе голубые, зеленые* и прч, или. *растенія или любятъ,*

или ненавидятъ другъ друга, или одно къ другому равнодушны.

в, *Цѣлесообразность.* Основаніе должно въ точности соотвѣтствовать избранной цѣли мышленія о предметѣ. Напр. если мы предположили обмыслить извѣстную страну въ отношеніи къ существенно-необходимому жизненному продовольствію физической природы человѣка, то должны обратить вниманіе не на другое что, какъ на естественныя произведенія той страны. Посему естественный ходъ мышленія долженъ произойти такой: сказавъ (т. е. опредѣливъ въ краткихъ существенныхъ чертахъ), что эта страна богата естественными произведеніями, — послѣ того должны исчислить, какія именно есть въ ней естественныя мѣстныя произведенія, напр. хлѣбныя, огородныя и садовыя произрастенія, скотъ и птицы разнаго рода, ручныя и дикія, пчеловодство, рыбныя ловли и прч., и прч. Это исчисленіе естественныхъ произведеній страны, какъ предмета мыслимаго, и будетъ раздѣленіемъ, какъ опредѣленнымъ планомъ для опредѣленнаго мышленія, а понятіе: *естественныя произведенія*—будетъ основаніемъ для этого раздѣленія,—такимъ основаніемъ, которое будетъ въ точности соотвѣтствовать избранной цѣли мышленія объ этой извѣстной странѣ.

Если же представилась бы необходимость сдѣлать

общее обозрѣніе или обсужденіе предмета, то мыслитель первѣе всего долженъ обратить вниманіе на то, дѣлимъ ли этотъ предметъ, или онъ по природѣ своей нераздѣляемъ и потому долженъ быть мыслимъ, какъ единица несложная и потому нераздѣляемая. Напр. понятіе *безпредѣльность* не можетъ быть дѣлимо, потому что безпредѣльность одна и единственна и кругомъ безпредѣльна; потому еслибы кто сталъ усиливаться раздѣлить ее, то во всѣхъ частяхъ дѣленія—и въ дѣлимомъ, и въ основаніи, и въ членахъ дѣленія выходило бы одно и то же—безпредѣльность. А отрицательная форма мышленія не имѣетъ мѣста въ раздѣленіи. Но если приложить понятіе *безпредѣльность* къ опредѣленному предмету дѣйствительному, напр. къ природѣ божественной, то дѣленіе можетъ состояться, можно напр. сказать: *Богъ безпредѣленъ и по началу, и по продолженію бытія своего, и по существу своему, и по своимъ отношеніямъ ко всему имъ сотворенному*.

Если предметъ подлежитъ общему и всестороннему раздѣленію, то первымъ основаніемъ для такого раздѣленія не могутъ уже служить та или другая сторона его, то или другое его отношеніе, а какой-нибудь всеобщій и потому недѣлимый признакъ, немогущій быть (какъ разныя стороны и отношенія предмета) и членомъ общаго дѣленія, и основаніемъ

для частнѣйшаго раздѣленія, и потомъ дѣлимымъ для сораздѣленія и подраздѣленія. Хотя такіе признаки общи многимъ, подлежащимъ раздѣленію предметамъ, но они существенны всѣмъ имъ и дѣйствительно находятся во всѣхъ ихъ. Таковы напр. *различие* (т. е. бытіе различія существенныхъ сторонъ или отношеній предмета), *возможность* раздѣленія (сего предмета), или глаголы того же значенія. Напр. въ людяхъ *есть различие* ихъ породъ, возрастовъ, половъ и прч.; или, что то же, люди *различаются* по породамъ, поламъ, возрастамъ и прч.; людей *можно раздѣлить* по ихъ породамъ, поламъ, возрастамъ, и прч. Очевидно, здѣсь служатъ основаніемъ для общаго, неглавнаго, всесторонняго раздѣленія людей общіе недѣлимые признаки: *различие, возможность различать* или раздѣлять.

2) Касательно членовъ дѣленія.

Какъ члены дѣленія должны состоять изъ отдѣльныхъ понятій, каждое свое содержаніе имѣющихъ, но въ дѣлимомъ понятіи заключающихся и совокупно составляющихъ объемъ его, то все достоинство и совершенство ихъ въ раздѣленіи должны состоять: *а*, въ томъ, чтобъ между ними было взаимное различіе; *б*, чтобъ сумма ихъ была равна дѣлимому понятію.

а) Взаимное различіе ихъ.

Взаимное различіе членовъ дѣленія должно доходить до того, чтобъ между ними было даже противорѣчіе, такъ чтобъ одинъ другимъ исключался, иначе одинъ будетъ заключаться въ другомъ, и такимъ-образомъ раздѣленіе смѣшается съ подраздѣленіемъ и произойдетъ запутанность во всемъ раздѣленіи; напр. правильное будетъ раздѣленіе дѣйствій человѣческихъ вообще, если раздѣлимъ ихъ на *добрыя* и *злыя*. Но если раздѣлимъ на *добрыя* и *полезныя*, то выйдетъ смѣшеніе раздѣленія съ подраздѣленіемъ, потому-что доброе естественно заключается въ полезномъ и полезное въ добромъ, и потому если обратимъ ихъ въ члены дѣленія, то, раскрывая одинъ, необходимо будемъ касаться и другаго.

б) Равенство ихъ суммы дѣлимому понятію.

Дѣленіе должно вполнѣ и во всей точности соотвѣтствовать дѣлимому понятію, т. е. въ немъ должны быть исчислены всѣ части дѣлимаго, такъ чтобы члены, вмѣстѣ взятые, какъ части своего цѣлаго и цѣлое-дѣлимое были равны между собою. Въ противномъ случаѣ раздѣленіе будетъ или *тѣснѣйшее*, или *обширнѣйшее* противъ надлежащаго, т. е. будетъ заключать въ себѣ или менѣе, или болѣе членовъ или частей, нежели сколько ихъ дѣйствительно заключается въ дѣлимомъ понятіи. Напр. тѣснѣйшее противъ надлежащаго будетъ раздѣленіе, если шаръ земной раздѣлимъ на *Европу*, *Африку* и *Америку*, потому-что здѣсь не всѣ исчислены извѣстныя и всѣми принятыя части свѣта—пропущены Азія и Австралія. А если, раздѣляя кругъ наукъ и изчисливъ виды ихъ: богословскія науки, философскія, историческія, математическія, юридическія, медицинскія и прч., прибавимъ еще живопись, музыку, ваяніе, то раздѣленіе будетъ обширнѣе надлежащаго, потому-что живопись, музыка, ваяніе относятся къ другой области, къ области искусствъ.

Общія видоизмѣненія сужденій.

Всѣ изложенныя доселѣ сужденія суть частные виды сужденій, какъ потому, что образованіе ихъ въ различныхъ субъектахъ зависитъ отъ различной степени ихъ разумѣнія тѣхъ понятій и заключающихся подъ ними предметовъ, изъ коихъ слагается въ сознаніи ихъ такое или другое изъ сихъ сужденій, такъ и потому, что это же образованіе ихъ зависитъ и отъ особенныхъ отношеній между понятіями. Такъ отъ различной степени субъективнаго разумѣнія происходитъ, что достаточно свѣдущій, напр. въ медицинѣ,

говоритъ категорически, что извѣстная болѣзнь есть такая-то болѣзнь, оттого-то происходитъ и таки-ми-то именно средствами можетъ быть врачуема, а менѣе свѣдущій обо всемъ этомъ скажетъ не иначе, какъ условно, или раздѣлительно. А отъ различной особенности отношеній между понятіями происходитъ то, что одно и то же понятіе, напр. *голубь*, будучи поставляемо въ различныя отношенія съ другими понятіями, даетъ и сужденія различныя. Напр. голубь есть птица (категорическое сужденіе); если эта птица воркуетъ, пьетъ воду, какъ животныя четвероногія, кротка, дружелюбна и цѣломудренна, выводитъ птенцовъ ежемѣсячно, то она голубь (условное); это пернатое есть или голубь, или горлица (раздѣлительное) и т. д. Но кромѣ сихъ частныхъ видовъ сужденія извѣстны еще общія видоизмѣненія, которымъ подвергается въ немъ мышленіе, какъ дѣятельность ограниченная и по внутренней силѣ и со стороны самыхъ предмтеовъ. Такъ, вслѣдствіе ограниченности каждаго понятія, въ сужденіи о немъ показывается или то, чтó принадлежитъ понятію, или то, чтó не принадлежитъ ему. Отсюда происходятъ сужденія *утвердительныя* и *отрицательныя*.

Другое слѣдствіе ограниченности мышленія есть постепенный переходъ отъ нисшей степени сужденія къ высшей. Такъ переходитъ наше мышленіе отъ сужденій *единичныхъ* и *положительныхъ* (judicia assertoria) къ *частнымъ* и *предположительнымъ* (judicia apodictica).

Приложеніе сихъ видоизмѣненій къ исчисленнымъ видамъ сужденій.

Эти видоизмѣненія мышленія въ сужденіи должно назвать *общими* видоизмѣненіями потому, что всякое возможное сужденіе является непремѣнно въ одной изъ этихъ формъ, т. е. бываетъ сужденіемъ либо утвердительнымъ, либо отрицательнымъ, либо положительнымъ, либо предположительнымъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только присмотрѣться, какъ и въ слѣдствіе чего образуется въ сознаніи нашемъ каждая изъ частныхъ формъ сужденія и въ какомъ существенномъ характерѣ обнаруживается.

Сужденіе категорическое характеромъ своимъ имѣетъ рѣшительность, съ какою мы приписываемъ предмету (подлежащему) извѣстное сказуемое, не обнаруживая никакого сомнѣнія, потому что имѣемъ сознательную увѣренность и достаточное для насъ основаніе говорить объ этомъ предметѣ такъ, а не иначе. Слѣд. сущность категорическаго сужденія состоитъ въ утвержденіи, и слѣд. общая форма мышленія утвердительная лежитъ въ самомъ основаніи сужденія категорическаго, такъ что безъ нея оно не могло бы имѣть никакого значенія ни субъективнаго,

ни объективнаго, ни подлежательнаго, ни предлежательнаго. Это видно и изъ того, что еслибъ мы выразили въ формѣ категорическаго сужденія такую мысль, которая не имѣла бы въ себѣ ни субъективной увѣренности, ни объективной основательности, то такое сужденіе ни самимъ субъектомъ мыслящимъ не могло бы быть признано, ни для другихъ не могло бы имѣть никакого значенія. Напр. еслибъ такъ сказали: *огонь есть вещество холодное и темное; ледъ зажигаетъ все прикасающееся къ нему.*

Неменѣе существенно въ категорическомъ сужденіи и отрицаніе, потому-что въ сущности оно есть тоже утвержденіе, только въ противоположномъ ему видѣ, ибо нельзя отрицать чего либо о предметѣ, не будучи сознательно убѣжденнымъ, что извѣстный признакъ (сказуемое) не принадлежитъ, не можетъ и не долженъ принадлежать ему, слѣд. и отрицаніе, какъ общая форма ограниченнаго мышленія, не можетъ не участвовать въ сужденіи категорическомъ, какъ существенный элементъ его.

Сужденія условное и раздѣлительное образуются въ сознаніи нашемъ вслѣдствіе большей или меньшей неувѣренности въ томъ, какой именно произнести судъ о какомъ-либо данномъ предметѣ; потому въ нихъ дѣлается только предположеніе, на какихъ-либо вѣроятностяхъ, съ тѣмъ, чтобы другими пріемами мы-

шленія оправдать или отвергнуть сдѣланное предположеніе и убѣдиться, вполнѣ ли, или только отчасти можно усвоить предмету предполагаемое о немъ сказуемое. Слѣд. въ основѣ сужденій условныхъ и раздѣлительныхъ лежитъ общая форма предположенія, безъ которой они не могли бы и существовать, и т.д.

3) ОБЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІИ.

Понятіе о немъ.

Умозаключеніе есть такая форма мышленія, въ которой одно сужденіе выводится изъ другаго, какъ слѣдствіе изъ своего основанія.

Отношеніе его къ сужденію и понятію.

Изъ этого явствуетъ, что умозаключеніе находится въ ближайшемъ и непосредственномъ отношеніи къ сужденіямъ и понятіямъ. Выводъ одного сужденія изъ другаго не можетъ обойтись безъ сличенія, слѣд. и безъ сужденія. Этою стороною своею умозаключеніе не только сродно съ сужденіемъ (посредствомъ котораго, очевидно, оно и совершается главнымъ образомъ); но есть, можно сказать, то же суж-

деніе, только въ другомъ приложеніи и въ другомъ значеніи, чѣмъ сужденіе обыкновенное. А какъ сужденіе, оно не можетъ обойтись и безъ понятія: ибо для того, чтобъ одно сужденіе могло быть выведено изъ другаго, необходимо, чтобы одно заключалось въ другомъ, и слѣд. одно съ другимъ находилось бы въ какомъ-нибудь соотношеніи и чтобы оба имѣли свой объемъ и свое содержаніе (безъ чего не могутъ заключаться одно въ другомъ). Слѣд. сужденія и понятія суть составныя начала и основные элементы умозаключенія. Равнымъ образомъ и сужденія, и понятія, въ свою очередь, не могутъ обходиться безъ умозаключенія; въ тѣхъ и другихъ оно служитъ зиждущею, совершающею и оживляющею силою; въ сужденіяхъ оно кроется въ связкѣ, которою мы сознательно рѣшаемся что-либо утвердить или отвергнуть; а въ понятіяхъ обнаруживается въ признаніи сходства или несходства признаковъ, слѣд. составляетъ душу понятій. Такимъ-образомъ всѣ эти три формы мышленія (понятіе, сужденіе, и умозаключеніе) находятся въ такомъ тѣсномъ и существенно — необходимомъ отношеніи между собою, что одна другою условливается, одна на другой основывается, одна безъ другой быть не можетъ, такъ что всѣ нераздѣльно участвуютъ тамъ, гдѣ производится одна изъ нихъ

Возстановленіе единства понятія, разрѣшеннаго въ сужденіи.

А какъ связка въ сужденіяхъ и признаніе сходства или несходста признаковъ въ понятіяхъ (какъ плоды умозаключенія, какъ жизнь мышленія, изъ существа умозаключенія произраждающаяся) возможны для сознанія нашего только подъ условіемъ бытія причинъ и основаній, почему мы одно признаемъ, а другое отвергаемъ, одно соединяемъ, а другое раздѣляемъ, то явно, что вся сила и сущность умозаключенія заключается въ сознаніи причинности. Посему—то и плодомъ умозаключенія всегда бываетъ единство изъ множества, даже тамъ, гдѣ это единство разрѣшено и разрознено сужденіемъ. Ибо какъ многія явленія часто зависятъ отъ одной причины, и одна и та же причина производитъ иногда многія и различныя явленія и дѣйствія, то умозаключеніе, усматривая единичную причину множества какихъ-либо явленій и дѣйствій, и такъ сказать, почивая на ней, легко и естественно можетъ обнимать однимъ взглядомъ, въ единствѣ причины, всю эту множественность, какъ бы она ни была сложна и разнообразна. Такъ напр. видя, что тѣла физическія подвержены разрушенію потому именно, что вещественны и сложны, и зная притомъ что весь видимый міръ состоитъ.

изъ тѣлъ вещественныхъ и потому сложныхъ, мы безошибочно и съ полною увѣренностію дѣлаемъ общее заключеніе о всемъ мірѣ такое: *все веществ- венное, сложенное изъ частей, рано или поздно, должно подвергнуться разрушенію; а міръ видимый весь состоитъ изъ тѣлъ вещественныхъ, сложныхъ; слѣд. весь видимый міръ долженъ подвергнуться разрушенію*, или кратче: *міръ вещественный удобо- разрушаемъ, потому что веществен*ъ. Здѣсь единичное понятіе *міръ*, дѣйствіемъ сужденія разрѣшенное на множество отдѣльныхъ сужденій, чрезъ усвоеніе ему различныхъ сказуемыхъ, изъ его же содержанія заимствованныхъ (напр. *міръ есть веществен*ъ, *міръ изъ многихъ частей составленъ, подлежитъ условіямъ пространства и времени* и прч.), умозаключеніемъ, чрезъ указаніе причины, почему всѣ эти предикаты (сказуемыя) необходимо относятся къ нему, снова приводится къ единству сознанія, въ совокупности всѣхъ его признаковъ.

Значеніе умозаключенія въ мышленіи, какъ совершительнаго дѣйствія.

Отсюда видно, какъ важно для мышленія умозаключеніе. Сужденіе, какъ форма мышленія изъяснительная, въ отношеніи къ понятію, не должно выступать изъ круга даннаго понятія, имъ раскрываемаго

и изъясняемаго; иначе оно будетъ сужденіемъ произвольнымъ. Самыя совершеннѣйшія формы сужденія, каковы опредѣленіе и раздѣленіе, должны заключать въ себѣ ни болѣе ни менѣе, какъ сколько заключается въ опредѣлемомъ или раздѣляемомъ понятіи. Слѣд. сужденіе ничего собственно новаго не прибавляетъ къ суммѣ познанія нашего предметовъ, вошедшихъ въ объемъ раскрываемаго имъ понятія; что мы сознали уже прежде, посредствомъ чувственныхъ возрѣній, представленій и понятій, то же самое сознаемъ и посредствомъ сужденій съ тою только разностію, что въ сужденіи опредѣленнѣе и раздѣльнѣе уразумѣваемъ отношеніе одного понятія къ другому и одного признака его къ другимъ признакомъ. Поэтому, еслибъ мышленіе наше заканчивалось формою сужденій, то оно, какъ заколдованное, невыходно сращалось бы въ отдѣльныхъ кругахъ того или другаго понятія, поочередно, не имѣя само въ себѣ, въ законахъ и условіяхъ образованія и дѣйствованія своего, прямой и непосредственной возможности переходить изъ сферы одного понятія на сферы понятій другихъ, отличныхъ отъ него по содержанію и объему своему. Главное и единственно возможное орудіе правильнаго и надлежащаго дѣйствія сужденія есть относительность, основывающаяся на сходствѣ и сродствѣ представленій и ихъ признаковъ; гдѣ

нѣтъ взаимнаго отношенія, тамъ сужденію и дѣлать нечего. Но чтобы перейти мышленіемъ изъ сферы одного понятія на сферы понятій другихъ, отъ него отличныхъ, и такимъ-образомъ обнять въ формѣ единства не одно сходное и однородное, но и различное и разнородное, для этого нужна уже связь причинная. Причины же, какъ извѣстно, заключаются не внутри, а внѣ чего бы то ни было. Потому-то умозаключеніе, имѣя главнымъ орудіемъ естественнаго дѣйствованія своего связь причинную, а не относительную только, не стѣсняется, подобно сужденію, опредѣленными сферами такого или другаго понятія, но свободно можетъ переноситься на всѣ сферы и безпрепятственно обращать испытующій взоръ свой во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ и размѣрахъ, какъ безпристрастный уполномоченный слѣдователь, оно сводитъ, какъ на очныя ставки, понятія съ понятіями, представленія съ представленіями, не держась высоты отвлеченности, сродной понятію и сужденію, оно низпускается и въ дальнія области чувственныхъ воззрѣній и представленій, опытовъ и наблюденій; не гнушается и самою матеріальностію предметовъ дѣйствительныхъ, послужившихъ основаніемъ воззрѣніямъ, представленіямъ и понятіямъ; все допрашиваетъ и вездѣ разслѣдываетъ, чтобы дойти до точнаго основанія, истинной, прямой и не-

посредственной причины тому, что подлежитъ его разслѣдованію. Ясно, что такая всесторонность и всеобъемлющая проникаемость умозаключенія даетъ полную возможность достигнуть окончательныхъ результатовъ всякаго мышленія, могущихъ вполнѣ удовлетворить и успокоить любознательность разума, стремящагося обнять и уразумѣть все въ совокупности—въ единствѣ сознанія.

Для поясненія всего этого приведемъ слѣдующій примѣръ: разсуждая о солнцѣ (т.-е. разрѣшая понятіе *солнце* на многія отдѣльныя сужденія, по заключающимся въ этомъ понятіи существеннымъ признакамъ), мы не можемъ безъ натяжекъ и отступленій перейти на понятіе о царствѣ растительномъ, ибо прямымъ, исключительно однимъ путемъ сужденія въ понятіи *солнце* мы не найдемъ никакого естественнаго повода къ такому переходу. Сужденіе, не выступая изъ сферы понятія *солнце*, произведетъ только сужденія: *солнце свѣтитъ, солнце грѣетъ, солнце сушитъ* и прч; но что всѣ эти свойства солнца способствуютъ *растительности*, на это нѣтъ прямаго и непосредственнаго указанія ни въ одномъ изъ признаковъ понятія солнце. Чтобы сказать, что свѣтъ и теплота солнца суть необходимыя условія произрастанія и созрѣванія въ царствѣ растительномъ, на это должно искать основанія внѣ сферы понятія

солнце. Эта истина (что свѣтъ и теплота солнца суть.....) можетъ быть только выводомъ, чрезъ умозаключеніе или цѣлый рядъ умозаключеній, изъ наблюденій надъ царствомъ растительнымъ и сличеній разныхъ въ немъ проявленій съ дѣйствіемъ и вліяніемъ на нихъ солнечнаго свѣта и теплоты; слѣд. для достиженія этой истины нуженъ сводъ многихъ и различныхъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ знанія, которыя, какъ разнородныя, къ единству сознанія можетъ привести только умозаключеніе.

Глубина и основательность мышленія въ умозаключеніи.

Важность умозаключенія въ отношеніи къ мышленію увеличивается еще тѣмъ, что управляемое имъ мышленіе необходимо должно отличаться глубиною и основательностію. Причины, на которыхъ главнымъ образомъ основывается дѣйствіе умозаключенія, скрываются въ дѣйствительныхъ силахъ бытія дѣйствительнаго. Поэтому умозаключенію естественно не парить вверхъ подобно представленію, понятію, а за ними и сужденію, но углубляться внутрь —въ самыя начала и основанія, на которыхъ зиждется всякое бытіе и всѣ его явленія, дѣйствія и отношенія. Притомъ же, чтобъ дойти до причины чего-либо основной, первоначальной, для этого нужно держаться строгой и непрерывной послѣдовательности отъ высшаго къ низ-

шему, или отъ низшаго къ высшему. А это и служитъ къ основательности мышленія, которая въ томъ именно и состоитъ, чтобъ одна мысль основывалась на другой, другая на третьей, непрерывно во всемъ мышленіи отъ начала до конца, а самыя мысли основывались бы на бытіи дѣйствительномъ.

Умозаключеніе, какъ средство къ познанію и выраженію законовъ дѣйствительнаго бытія.

Проникая послѣдовательно въ самые низшіе слои бытія дѣйствительнаго, для открытія крайнихъ, основныхъ причинъ и началъ, умозаключеніе не можетъ не касаться и самыхъ законовъ бытія дѣйствительнаго. Ибо всякая дѣйствующая причина дѣйствуетъ по извѣстнымъ, неизмѣннымъ законамъ; потому, не узнавъ и не выразумѣвъ этихъ законовъ, нельзя уразумѣть и того, какая причина и какъ производитъ такое или другое бытіе, дѣйствіе или явленіе. Такимъ образомъ изъ всѣхъ формъ нашего мышленія одно только умозаключеніе способно и непосредственно доводитъ насъ до точнаго познанія и уразумѣнія законовъ бытія дѣйствительнаго, и выражать эти законы въ дѣятельномъ мышленіи. Прочія формы мышленія неспособны къ этому потому, что всѣ онѣ имѣютъ главнымъ характеромъ своимъ бо́льшее или ме́ньшее удаленіе отъ непосредственнаго соприкосновенія и соотношенія съ бытіемъ дѣйствительнымъ, смотря

потому, больше или меньше участвуетъ въ ихъ дѣйствіи отвлеченіе.

Раздѣленіе умозаключеній.

Естественно, не противорѣча здравому смыслу, можно умозаключать только: или отъ бо́льшаго къ ме́ньшему, или отъ ме́ньшаго къ бо́льшему, или отъ равнаго къ равному. Слѣд. главный элементъ, на которомъ зиждется всякое умозаключеніе, касательно логическаго сочетанія скрывается въ понятіяхъ, входящихъ въ составъ данныхъ для умозаключенія сужденій: ибо всякая величина, какъ существенная принадлежность объемовъ, составляетъ необходимую принадлежность понятій; въ сужденіяхъ же она бываетъ потому уже, что сужденія составляются изъ понятій. А сродство и относительность, которыя также существенны въ составѣ умозаключенія, неотъемлемы отъ объемовъ понятій, потому-что понятія на сходствѣ только признаковъ и могутъ составляться. Такимъ-образомъ умозаключать значитъ вообще сличать и какъ-бы измѣрять объемы понятій, чтобы видѣть и увѣриться, подходитъ ли или не подходитъ извѣстное сужденіе объемами заключающихся въ немъ понятій подъ объемы понятій другаго сужденія. Напр. *Все сотворенное необходимо должно быть ограни-*

ченно (потому самому, что сотворено и не безначально и самобытно). *Воля человѣческая сотворена. Слѣд. воля человѣческая ограниченна.*

Здѣсь умозаключеніе вѣрно потому именно, что объемы понятій: *сотворенность* и *ограниченность воли человѣческой* меньше объемовъ: *сотворенность* и *ограниченность всего,* и потому первые, какъ ме́ньшіе, подходятъ подъ вторые, какъ бо́льшіе.

Поелику же прямая и естественная возможность вѣрнаго умозаключенія основывается на объемахъ понятій въ данныхъ для умозаключенія сужденіяхъ, и поелику различныя сужденія находятся въ ближайшемъ или отдаленнѣйшемъ отношеніи между собою, смотря по роду и свойствамъ предметовъ, входящихъ въ объемы ихъ понятій; то и умозаключать отъ одного сужденія къ другому можно не съ одинаковою легкостію и очевидностію: въ одномъ разѣ разсудокъ вдругъ и непосредственно усматриваетъ слѣдствіе и убѣждается въ истинности его, какъ скоро дано одно сужденіе, и въ другомъ случаѣ потребно одно, два, а иногда и цѣлый рядъ посредствующихъ сужденій, между даннымъ для умозаключенія, чтобъ увидѣть и отчетливо сознать прямое и естественное слѣдствіе изъ него. Посему надлежитъ раздѣлить умозаключенія, какъ и раздѣляютъ ихъ обыкновенно, на два: на *непосредственныя* и *посредственныя.*

1) О НЕПОСРЕДСТВЕННЫХЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІЯХЪ.

Понятіе о непосредственномъ умозаключеніи и раздѣленіе его.

Въ непосредственномъ умозаключеніи изъ одного даннаго сужденія прямо выводится новое сужденіе, какъ слѣдствіе, безъ всякаго посредствующаго вспомоществованія другихъ какихъ-либо сужденій. Напр. *Богъ всевѣдущъ; слѣд. и тайныя помышленія и чувствованія наши не могутъ быть сокрыты отъ Него*; или: *слѣд. не только настоящее и прошедшее, но и будущее все предъ Нимъ обнажено*; или: *слѣд. и малѣйшее ощущеніе послѣдняго насѣкомаго Ему извѣстно*, и прч. Въ умозаключеніяхъ этого рода, очевидно, совершается то, что́ говоритъ Жерюзе въ своей логикѣ, т. е. разлагается одинъ изъ терминовъ даннаго сужденія и, по разложеніи, каждая его часть соединяется съ другимъ неразлагавшимся терминомъ того же сужденія. Въ приведенномъ примѣрѣ разлагалось сказуемое *всевѣдущъ*, т. е. вѣдающій, видящій, знающій все. А какъ цѣли мышленія нашего и приложеній его бываютъ неодинаковыя, и какъ самыя свойства сужденій бываютъ также неодинаковыя,

по различію отношенія понятій въ нихъ; то въ умозаключеніяхъ сего рода неизбѣжны различныя измѣненія подлежащаго, или сказуемаго, или того и другаго вмѣстѣ, въ объемахъ и размѣщеніи ихъ въ формѣ умозаключенія, или и въ самомъ внутреннемъ ихъ смыслѣ—изъ положительнаго напр. въ отрицательный и наоборотъ. На семъ основаніи раздѣляютъ непосредственныя умозаключенія или силлогизмы на силлогизмы: *подчиненія, превращенія* (syllogismus conversionis), *противоположенія* (syllog. oppositionis) и *противопоставленія* (syllog. contrapositionis).

Умозаключеніе подчиненія и способъ составленія его.

Основаніемъ для умозаключеній *подчиненія* служитъ отношеніе частнаго къ общему, какъ непосредственно вѣрное и очевидное для разсудка. Ибо всякое общее понятіе, гдѣ бы и какъ бы оно ни находилось—отдѣльно, или въ составѣ сужденія, необходимо должно заключать подъ собою нѣсколько понятій частнѣйшихъ, т. е. меньшихъ по объему (иначе оно не было бы понятіемъ общимъ) и потому подчиненныхъ ему. Посему, какъ скоро дано сужденіе, въ коемъ подлежащее состоитъ изъ понятія общаго, разсудокъ, разлагая его на заключающіяся въ немъ меньшія по объему понятія и даже представленія, въ случаѣ надобности, каждому изъ нихъ усвояетъ то-

же самое сказуемое, какое усвоено и понятію общему, т. е. подлежащему даннаго сужденія. Въ этомъ и состоитъ умозаключеніе *подчиненія*. Въ немъ, очевидно, вся сущность состоитъ въ измѣненіи, т. е. ограниченіи объема подлежащаго въ данномъ сужденіи. Напр. *Всѣ люди смертны; слѣд. и нѣкоторые изъ людей смертны*; или частнѣе: *слѣд. и Павелъ смертенъ, слѣд. и Иванъ смертенъ*. Въ заключеніи здѣсь тоже сужденіе, только въ мѐньшемъ уже объемѣ, потому-что оно приложено къ мѐньшему кругу предметовъ; но оно открываетъ намъ новое, частное приложеніе данной истины, вытекающей непосредственно изъ истины общей, и потому являющейся какъ слѣдствіе изъ основанія.

Примѣч. Умозаключенія подчиненія непосредственно очевидны для разсудка потому именно, что мѐньшія по объему понятія потому и находятся въ подчиненіи у бóльшихъ, что имѣютъ общіе съ ними существенные признаки. Потому-то въ нихъ и нѣтъ надобности открыто поставлять причину или основаніе заключенія или слѣдствія, т. е. посредствующее сужденіе, причина или основаніе сами собою подразумѣваются здѣсь и непосредственно сознаются нами. На этомъ основаніи силлогизмы подчиненія, какъ и прочіе непосредственные силлогизмы, называются у логиковъ *неполными* или *сокращенными* силлогизмами.

Правила для умозаключеній подчиненія.

Какъ въ умозаключеніяхъ подчиненія вся сущность дѣла состоитъ въ ограниченіи объема подлежащаго въ данномъ сужденіи, безъ явнаго указанія причины или основанія вывода изъ него слѣдствія; то, чтобы въ умозаключеніяхъ сего рода всегда была естественность и не могли вкрадываться погрѣшности отъ необдуманной поспѣшности въ выводѣ слѣдствія, должно при этомъ имѣть въ виду слѣдующія условія ихъ правильности:

1, Поелику подчиненіе основывается на отношеніи частнаго къ общему, то *можно заключать отъ истинности высшаго сужденія къ истинности частнаго*: ибо чтó можно сказать о цѣлой сферѣ понятія, то можно сказать и о каждой части ея, такъ какъ сфера высшаго понятія составилась изъ существенныхъ признаковъ общихъ сферамъ всѣхъ низшихъ его понятій. Напр. *справедливо, что всѣ страсти преступны; слѣд. справедливо также, что преступна и каждая страсть въ отдѣльности.*

2, Съ такою же вѣрностію *можно* всегда *заключать отъ ложности частнаго или низшаго* (подчиненнаго) *сужденія къ ложности высшаго* (подчиняющаго): ибо цѣлое составляется изъ частей; слѣд. чего нѣтъ въ частяхъ, того не можетъ быть и въ цѣломъ. Напр.

ложно, что нѣкоторыя животныя могутъ жить безъ пищи и питія; слѣд. ложно и то, что всѣ животныя могутъ жить безъ пищи и питія.

3, Но *нельзя заключать отъ ложности высшаго къ ложности низшаго*: ибо низшія по объему понятія всегда имѣютъ болѣе признаковъ, нежели высшія; потому если нѣтъ чего въ высшемъ, то нельзя еще поэтому утверждать, что нѣтъ того же самаго и въ низшемъ. Напр. *ложно, что всѣ люди богаты;* но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вовсе не было людей богатыхъ, напротивъ *истинно, что нѣкоторые люди богаты.*

4, По той же причинѣ, что низшія по объему понятія всегда бываютъ обширнѣе по содержанію, *нельзя заключать отъ истинности частнаго къ истинности общаго.* Напр. *истинно, что нѣкоторыя тѣла прозрачны, но ложно, что всѣ тѣла прозрачны.*

Примѣч. Соблюдая всѣ эти условія правильности построенія силлогизмовъ подчиненія, можно съ такою же вѣрностію заключать непосредственно и отъ сужденій условныхъ и раздѣлительныхъ.

Умозаключеніе превращенія.

Естественность и необходимость отношенія между понятіями, изъ которыхъ составилось уже сужденіе,

даютъ возможность непосредственно умозаключать чрезъ перестановку или перемѣну мѣста этихъ понятій въ составѣ сужденій умозаключенія. Ибо хотя перемѣна мѣста понятія въ мышленіи иногда измѣняетъ отношеніе его къ другимъ сопоставляемымъ съ нимъ понятіямъ; но его содержаніе остается при немъ неприкосновеннымъ, слѣд. и отношеніе его къ нимъ не уничтожается, а можетъ только измѣниться относительный смыслъ его, дѣлаясь, отъ перемѣны мѣста а потому и отношенія, преобладающимъ, главнымъ въ составѣ мышленія, или второстепеннымъ, зависимымъ. Напр. *Нравственныя существа могутъ быть добродѣтельными. Добродѣтельными могутъ быть существа нравственныя.* Смыслъ этихъ сужденій не одинаковъ, хотя они состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же понятій. Первымъ показывается только, просто—безъ всякихъ сравненій и ограниченій, что существамъ нравственнымъ возможно быть добродѣтельными; а вторымъ утверждается, что добродѣтельными могутъ быть только существа нравственныя, а не другія какія-нибудь. На семъ основаніи возможны правильныя непосредственныя умозаключенія *превращенія.* Они дѣлаются чрезъ перестановку (превращеніе) подлежащаго въ данномъ сужденіи на мѣсто сказуемаго въ другомъ сужденіи, изъ него вытекающемъ чрезъ превращеніе, а сказуемаго на мѣсто подлежащаго.

Законы превращенія.

Поелику возможность превращенія основывается, какъ сказано, на взаимныхъ отношеніяхъ понятій даннаго сужденія, а отъ измѣненія отношеній понятій можетъ измѣняться и значеніе смысла ихъ; то, во избѣжаніе легко могущихъ произойти погрѣшностей отъ неосмотрительнаго превращенія, надлежитъ имѣть въ виду слѣдующіе, дознанные логиками, законы правильнаго превращенія:

1, Никакое общеутвердительное сужденіе не можетъ быть превращаемо просто, безъ ограниченія (т. е. безъ сокращенія объема) въ подлежащемъ новаго сужденія, составляющемся изъ сказуемаго въ данномъ сужденіи: ибо объемъ его, въ такомъ случаѣ, сдѣлается обширнѣе объема подлежащаго въ данномъ сужденіи и сказуемаго въ новомъ. А это послѣднее обстоятельство будетъ уже противно коренному закону сужденія—восходить снизу вверхъ (*). Напр. Всѣ люди суть существа смертныя; слѣд. всѣ смертныя существа суть люди (ложно). Посему при превращеніи общеутвердительныхъ сужденій надобно ограничивать въ новомъ сужденіи (т. е. въ выводимомъ заключеніи) подлежащее, которое дѣлается изъ

* Сл. объ опредѣляемомъ и опредѣляющемъ въ опредѣленіи, какъ совершеннѣйшей формѣ сужденія.

сказуемаго въ данномъ сужденіи. Напр. *всѣ люди суть существа смертныя; слѣд. нѣкоторыя смертныя существа суть люди* (правильно).

2, Но общеотрицательныя и частноутвердительныя сужденія могутъ быть превращаемы просто, безъ ограниченія объема сказуемаго въ данномъ сужденіи, когда оно дѣлается, чрезъ превращеніе, подлежащимъ въ новомъ сужденіи. Ибо общее отрицаніе, ничему не приписывая никакихъ положительныхъ признаковъ, оставляетъ безъ всякаго опредѣленнаго ограниченія и объемъ и содержаніе понятій, потому и никакого дѣйствительнаго отношенія между ними не показываетъ; а потому самому и смыслъ ихъ не можетъ измѣниться отъ превращенія. Напр. *Никакой кругъ не есть квадратъ; слѣд. никакой квадратъ не есть кругъ.* А частноутвердительныя сужденія не выражаютъ собою опредѣленности самыхъ предметовъ ихъ содержанія, потому не имѣютъ и объема опредѣленнаго; а не имѣя опредѣленнаго объема, не могутъ выражать и опредѣленнаго отношенія такихъ неопредѣленныхъ, какъ-бы въ полумракѣ находящихся; слѣд. и въ смыслѣ такихъ сужденій не произойдетъ никакого рѣшительнаго измѣненія отъ превращенія ихъ. Напр. *Нѣкоторыя существа въ мірѣ разумны; слѣд. нѣкоторыя разумныя существа находятся въ мірѣ.*

Умозаключенія противоположенія.

Непосредственныя умозаключенія *противоположенія* основываются на томъ, что въ предметахъ міра дѣйствительнаго есть разнокачественность. По этой разнокачественности одинъ предметъ или одно качество его необходимо противоположны бываютъ другому предмету или другому качеству его. Вслѣдствіе сего и въ насъ понеобходимости образуются понятія и сужденія противоположныя. А какъ противоположеніе, опредѣляя кругъ своего содержанія, тѣмъ самымъ исключаетъ изъ этого круга все то, что̀ ему противоположно; то отъ одного даннаго сужденія можно заключать къ противоположному ему сужденію не иначе, какъ чрезъ отрицаніе. Отсюда и происходятъ умозаключенія *противоположенія*.

Раздѣленіе ихъ.

Противоположеніе бываетъ прямое и непрямое или косвенное; посему и умозаключенія противоположенія бываютъ двухъ родовъ: *прямыя* и *косвенныя*.

Прямыя противоположныя умозаключенія дѣлаются такимъ образомъ: сказуемое даннаго сужденія, оставаясь сказуемымъ же и въ новомъ сужденіи, непосредственно выведенномъ изъ даннаго (т. е. въ

заключеніи), изъ утвердительнаго измѣняется въ отрицательное, съ показаніемъ только ложности сего отрицанія въ отношеніи къ подлежащему даннаго сужденія. Напр. *Это зданіе новое; слѣд. ложно, что оно не новое. Это бревно дубовое; слѣд. ложно, что оно не дубовое. Въ косвенныхъ* противопол. умозаключеніяхъ сказуемое въ заключеніи также бываетъ отрицательное; но это отрицаніе составляется здѣсь не изъ того же понятія, какое было въ сказуемомъ даннаго сужденія, а изъ понятія другаго, противоположнаго по самому содержанію своему. Напр. *Это бревно дубовое; слѣд. оно не сосновое, не березовое, не липовое* и проч. *Эта рѣчь живая и проникнутая чувствомъ; слѣд. она не вяла и не холодная.*

Дилемма, какъ сложная форма силлогизмовъ противоположенія.

Къ умозаключеніямъ противоположенія относится еще *дилемма*, какъ сложная форма оныхъ. Отрицаніе и опроверженіе составляютъ сущность и назначеніе ея.

Способъ построенія ея.

Въ ней данное сужденіе бываетъ условно раздѣлительное или просто раздѣлительное, безъ условія, посему и построеніе ея бываетъ двояко.

1. Если данное сужденіе условно-раздѣлительное, то сначала показывается нелѣпость понятій, изъ коихъ состоятъ члены дѣленія; а потомъ, на основаніи этой нелѣпости, отвергается и самое условіе. напр. *Если бы міръ сей не былъ сотворенъ Богомъ, то онъ долженъ былъ бы произойти или по слѣпому случаю, или по внутренней необходимости, или отъ самого себя. Но нелѣпо было бы допустить, чтобы премудро устроенный міръ сей могъ быть произведенъ слѣпымъ случаемъ, или внутреннею необходимостію, или самимъ собою; слѣд. ложно и то, что онъ не сотворенъ Богомъ.*

2. Если же дано сужденіе просто раздѣлительное, безъ условія; то показывается только нелѣпость и несообразность съ дѣломъ всѣхъ членовъ дѣленія, и тѣмъ силлогизмъ заканчивается. Напр. Противъ послѣдователей Пиррона, утверждавшихъ, что человѣку ничего нельзя знать, противопоставлена была такая дилемма: *вы или знаете то, что говорите, или не знаете того, что говорите. Если знаете то, что говорите, то слѣдуетъ, что человѣку можно знать что нибудь; если же не знаете того, что говорите, то слѣдуетъ, что вы несправедливо утверждаете, будто человѣку ничего нельзя знать* (ибо нельзя утверждать того, чего не знаешь).

Примѣч. 1. По числу членовъ дѣленія и силлогизмъ

этотъ называется различно: если въ раздѣленіи бываетъ два члена дѣленія, то силлогизмъ называется *дилеммою;* если изъ трехъ, — *трилеммою;* изъ четырехъ — *тетралеммою;* если еще изъ бо́льшаго числа членовъ — *понилеммою.*

Примѣч. 2. Слово *Дилемма* происходитъ отъ греческаго δίλημμα — двойное предложеніе или выведеніе слѣдствія изъ двухъ соединенныхъ предложеній По этому древніе называли дилемму силлогизмомъ рогатымъ или раздвоеннымъ Syllogismus cornutus — бодающій, колющій съ обѣихъ сторонъ, обоюду острый.

Сила доказательства въ дилеммѣ.

Ни въ какой формѣ мышленія доказательство не можетъ быть сильнѣе и неотразимѣе, какъ въ формѣ дилеммы. Въ ней сужденіе раздѣлительное или условно—раздѣлительное составляетъ существенно-необходимую принадлежность и первое условіе надлежащаго ея осуществленія. А въ раздѣлительномъ сужденіи первое и главное условіе то, чтобы члены дѣленія обнимали и исчерпывали всю сферу предмета или понятія дѣлимаго; слѣд. дилеммою противникъ съ разу опровергается со всѣхъ возможныхъ сторонъ, такъ, что ему не остается никакой опоры къ продолженію спора и онъ необходимо долженъ за-

молчать, чтобъ не показаться безсильно упрямымъ и потому только болѣе смѣшнымъ.

Условія правильности ея составленія.

Но чтобъ дилемма имѣла такую силу доказательства, должно наблюдать слѣдующія условія правильности ея составленія:

1. Если данное сужденіе условно-раздѣлительное, то условіе въ немъ должно состоять не изъ другаго чего, какъ изъ той самой мысли, которая должна быть опровергаема дилеммою и которая собственно и послужила поводомъ къ составленію противъ нея дилеммы; иначе дилемма не удастся, если за условіе возьмемъ какую-нибудь стороннюю мысль, хотя бы то даже и близкую къ опровергаемой. Напр. Желая опровергнуть ту мысль, что злодѣй можетъ быть счастливымъ, мы естественно составимъ дилемму такимъ образомъ: *еслибы злодѣй могъ быть счастливымъ, то счастіе свое онъ могъ бы находить или въ себѣ самомъ, или внѣ себя. Но въ себѣ самомъ онъ не можетъ обрѣтать счастія, потому-что совѣсть его нечиста и сердце огрубѣло для добра; а внѣ себя не можетъ онъ обрѣтать счастія потому, что злыя дѣянія его положили печать его отверженія на всемъ окружающемъ его и вооружили противъ него и людей, и Бога, и самую природу. Слѣд. злодѣй не можетъ быть счастливымъ.*

2. Дѣленіе вообще и члены его въ частности должны быть въ ближайшемъ и непосредственномъ отношеніи къ условію, такъ чтобъ дѣленіе прямо и само собою вытекало изъ условія и была бы между ними необходимая слѣдственность и самая строгая и непрерывная внутренняя послѣдовательность, иначе въ заключеніи нельзя будетъ опровергнуть условіе.

3. И въ такомъ случаѣ, если даннымъ сужденіемъ бываетъ простое раздѣлительное сужденіе безъ условія, оно—это данное сужденіе—также должно состоять не изъ другой—сторонней, а изъ самой опровергаемой мысли, какъ мы видѣли въ примѣрѣ такой дилеммы: *вы или знаете то, что говорите, или не знаете того, что говорите......*

4. Какъ сила доказательства и неопровержимости въ дилеммѣ существенно зависитъ отъ всесторонности опроверженія какой-либо мысли; то необходимо, чтобы въ данномъ сужденіи, раздѣлительномъ или условно-раздѣлительномъ, было полное изчисленіе членовъ дѣленія, т. е. всѣхъ главныхъ, одна другой противоположныхъ сторонъ опровергаемой мысли; иначе противникъ воспользуется выпущенною изъ вида стороною его мысли и дилемма противъ него останется безуспѣшною. Такого рода дилемму, про-

тивопоставляемую противникомъ неосторожному опровергателю его, древніе называли ἀντίστροφον (отъ ἀντιστρέφω, противъ обращаю, въ противную сторону направляю). Возраженіе дилеммою противъ дилеммы же возможно и въ такомъ случаѣ, если въ какомъ либо изъ главныхъ терминовъ даннаго сужденія будетъ неточность, неопредѣленность, или обоюдность смысла. Въ примѣръ такой дилеммы можно привесть извѣстный у древнихъ, такъ называемый, «крокодиловъ силлогизмъ». Крокодилъ похитивши у Египтянки дитя, обѣщалъ ей возвратить его, если она скажетъ правду. Когда Египтянка сказала: ты не возвратишь мнѣ моего дитяти, то крокодилъ отвѣчалъ ей дилеммою: «сказала ли ты правду, или нѣтъ, я «не возвращу тебѣ дитяти. Если ты сказала правду, «то я долженъ удержать дитя потому, что ты сама «сказала, что я не возвращу тебѣ дитяти; если же «ты сказала неправду, то не возвращу дитяти по «договору.»

Египтянка возразила ему дилеммою же: «сказала «ли я правду, или нѣтъ, ты долженъ возвратить мнѣ «дитя: Если я сказала правду, ты долженъ возвратить мнѣ дитя въ силу договора; если же я сказала «неправду, то это видно будетъ тогда только, ког«да ты возвратишь мнѣ дитя.»

Примѣч. 1. Какъ скоро и въ противопоставленіяхъ и въ отрицаніяхъ есть строгая внутренняя слѣдственность одной мысли изъ другой, долженствующихъ служить главными терминами для дилеммы; то она сама собою образуется въ сознаніи нашемъ и всегда будетъ имѣть неотразимую силу доказательности и убѣдительности, хотя бы и не была выражена въ полной формѣ наружнаго построенія своего. Много есть такихъ неполныхъ, по внѣшнему выраженію, дилеммъ въ народныхъ поговоркахъ, каковы напр: *Куда ни кинь, то клинъ. Ни въ тынъ, ни въ ворота. Безъ Бога ни до порога.*

2. Какъ всякое человѣческое дѣйствіе и всякій поступокъ нравственный суть ни что иное какъ выраженіе и осуществленіе мысли, которая и во внѣшности выражается сообразно съ своимъ внутреннимъ характеромъ, смысломъ, тономъ и направленіемъ; то могутъ быть, и есть дѣйствительно, дилеммы болѣе или менѣе сильныя въ быту и житейскихъ отношеніяхъ человѣка; каковыя дилеммы можно уже назвать *дилеммами въ дѣйствіяхъ или практическими*. Такъ напр. искусныя воинскія аттаки, поставляющія непріятеля въ такое положеніе, что онъ не можетъ болѣе дѣлать никакихъ противодѣйствій и потому необходимымъ находитъ положить оружіе, суть сильнѣйшія дилеммы въ дѣйствіяхъ. Когда кто поступками своими накликаетъ на себя такія обстоя-

тельства кругомъ, что по неволѣ долженъ рѣшаться на то, чего не желалъ и не предполагалъ; то это для него неотразимая дилемма въ быту житейскомъ.

3. И природа вещественная часто такими *дилеммами въ дѣйствіяхъ* окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, что ни сила и рѣшимость воли нашей, ни всѣ наши намѣренія и разсчеты, не сильны противостоять имъ и провергаются или рѣшительно и всесторонно.

Умозаключенія противопоставленія.

Непосредственное умозаключеніе *противопоставленія* есть такое превращеніе и измѣненіе понятій, въ которомъ происходитъ (въ новомъ сужденіи, т. е. въ заключеніи) перестановка и бывшаго въ данномъ сужденіи подлежащаго на мѣсто сказуемаго, а сказуемаго на мѣсто подлежащаго, съ прибавленіемъ къ тому и другому отрицанія, напр. *Всякое тѣло занимаетъ опредѣленное пространство; слѣд. все, что не занимаетъ опредѣленнаго пространства, не есть тѣло.*

Въ этихъ умозаключеніяхъ, очевидно, совмѣщается и противоположеніе и превращеніе; потому и основаніемъ для нихъ служатъ тѣ же взаимно отношенія понятій и та же разнокачественность самыхъ предметовъ, подъ понятіями заключающихся, на которыхъ основываются и умозаключенія превращенія и умозаключенія противоположенія. Посему нѣтъ надобности излагать особыя правила для умозаключеній противопоставленія; можно только вообще замѣтить, что *а*, для умозаключеній противопоставленія могутъ быть годными только понятія всецѣло противорѣчащія одно другому;—*б*, въ заключеніи не должно быть ограниченія понятій даннаго сужденія, а напротивъ— заключеніе должно состоять изъ обширнѣйшей сферы понятій противъ сферы понятій даннаго сужденія; ибо въ умозаключеніяхъ противопоставленія, дѣлается заключеніе отъ извѣстной опредѣленной сферы *бытія* къ неопредѣленной и потому безмѣрно-обширной сферѣ *небытія*.

2) О ПОСРЕДСТВЕННЫХЪ УМОЗАКЛЮЧЕНІЯХЪ.

Понятія объ умозаключ. посредственныхъ и составныя части ихъ.

Умозаключенія посредственныя, какъ было сказано, имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ нельзя вдругъ и непосредственно изъ одного даннаго сужденія выводить слѣдствіе и легко усматривать основаніе этого слѣдствія. Посему главною принадлежностію умозаключеній посредственныхъ должно быть посредство

третьяго понятія между подлежащимъ и сказуемымъ даннаго сужденія. Въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ выводъ заключенія дѣлается чрезъ мысленное разложеніе одного изъ терминовъ или понятій даннаго сужденія и чрезъ соединеніе разложеннаго съ другимъ, неразлагавшимся терминомъ того же сужденія; слѣд. то же самое должно производиться и въ силлогизмѣ посредственномъ, но уже не мысленно только, а наяву. Отсюда явствуетъ, что

a, Посредствующее понятіе должно заимствоваться не извнѣ, отъ чего либо сторонняго, а изъ самого же даннаго сужденія;

в, что оно можетъ и должно быть обнаруживаемо не иначе, какъ въ отдѣльномъ сужденіи;

c, Что оно необходимо должно быть меньше по объему понятій даннаго сужденія, потому самому, что заимствуется изъ даннаго сужденія, какъ часть его;

d, Наконецъ—что посредственныя умозаключенія составляютъ полную и надлежащую форму умозаключеній или силлогизмовъ, а непосредственныя суть только сокращеніе этой формы, и потому каждое непосредственное умозаключеніе можетъ быть обращаемо въ посредственное.

А изъ всѣхъ этихъ положеній явствуетъ далѣе, что

а, Для полноты формы умозаключеній посредственныхъ, потребно не менѣе трехъ сужденій, одного отъ другаго зависящихъ и одного на другомъ основывающихся, и потому неравныхъ по объемамъ понятій, ихъ составляющихъ. Два изъ этихъ сужденій называются въ логикахъ *посылками*, потому-что ими подготовляется и какъ-бы предпосылается матеріалъ или основаніе для вывода слѣдствія, а третье— выводимое изъ нихъ сужденіе называется *заключеніемъ*, въ которомъ и достигается предполагаемая цѣль силлогизма.

б, А какъ въ умозаключеніяхъ, по вышесказанному, дѣлается ни чтó иное, какъ сравниваются между собою объемы понятій; то означенное и всякое возможное число сужденій составляетъ только наружную форму силлогизма, а главное и существенное въ немъ заключается въ понятіяхъ, изъ коихъ составлены эти сужденія. Можно изъ всякихъ сужденій составить силлогизмъ посредственный, который по формѣ можетъ казаться правильнымъ, но по внутреннему содержанію и отношенію понятій будетъ совершенно ложнымъ. Напр. *въ царствѣ растительномъ всякое недѣлимое укрѣплено корнями въ землѣ и потому можетъ жить, только на одномъ мѣстѣ пребывая. Тѣло каждаго человѣка принадлежитъ къ царству растительному. Слѣд. тѣло*

каждаго человѣка укрѣплено корнями въ землѣ и можетъ жить, только на одномъ мѣстѣ пребывая.

По формѣ силлогизмъ этотъ можетъ показаться правильнымъ, но по содержанію и отношенію понятій ложный. По сему для составленія истиннаго силлогизма посредственнаго, недостаточно того только, чтобъ было въ немъ три сужденія, а нужно еще чтобъ эти сужденія состояли изъ такихъ понятій, которыя находились бы въ тѣснѣйшемъ и самомъ естественномъ отношеніи между собою, одно другому было бы подчинено и потому одно изъ другаго вытекало бы необходимо.

Такихъ основныхъ понятій въ силлогизмѣ посредственномъ должно быть три, потому-что въ немъ сравниваются два предмета, съ тою цѣлію, чтобы видѣть, приличествуетъ ли предикатъ одного изъ нихъ другому. Понятія эти называются *терминами* силлогизма. А потому, что посылки должны состоять изъ бо́льшаго и мѐньшаго по объему понятій (такъ какъ одно изъ нихъ должно заимствоваться изъ другаго) и что эти понятія должны сравниваться между собою чрезъ третье посредствующее, эти термины называются *большимъ, меньшимъ и среднимъ.*

Бо́льшій терминъ заключается въ сказуемомъ большей посылки, потому что сказуемое всякаго сужденія, по самому свойству сужденія восходитъ отъ низшаго

къ высшему, обширнѣе своего подлежащаго. Меньшій терминъ, въ коемъ заключается самый предметъ сравненія и подведенія подъ бо́льшій, естественное имѣетъ мѣсто въ подлежащемъ мѐньшей посылки. Средній терминъ, какъ связь бо́льшаго съ мѐньшимъ, заключается и въ подлежащемъ бо́льшей посылки и въ сказуемомъ мѐньшей.

Заключеніе, коимъ рѣшается, приличествуетъ ли извѣстное свойство, т. е. предикатъ бо́льшей посылки сравниваемому съ нимъ предмету, т. е. подлежащему мѐньшей посылки, должно состоять изъ бо́льшаго и мѐньшаго терминовъ, т. е. изъ подлежащаго мѐньшей посылки и сказуемаго бо́льшей; напр. *всѣ люди смертны* (большая посылка); *обоготворенные язычниками герои были люди* (меньшая посылка); *слѣд. Обоготворенные язычниками герои смертны* (заключеніе).

Въ этомъ силлогизмѣ главныя понятія или основные термины всего силлогизма суть: *смертны, люди, герои.* Смертны бо́льшій терминъ, герои — мѐньшій, люди — средній. Посему существенный смыслъ силлогизма здѣсь таковъ: обоготворенные язычниками герои — смертны (а не боги безсмертные), потому, что смертны всѣ люди, къ которымъ и они принадлежатъ по природѣ и свойствамъ своимъ.

Раздѣленіе умозаключеній посредственныхъ.

Какъ сущность силлогизма посредственнаго заключается не въ сужденіяхъ, а въ понятіяхъ, изъ коихъ составились эти сужденія, и какъ понятія не теряютъ своего значенія и взаимнаго отношенія между собою (если только оно есть въ нихъ дѣйствительно), въ какомъ бы порядкѣ и на какихъ бы мѣстахъ они ни были поставлены одно съ другимъ; то вышепоказанный внѣшній порядокъ размѣщенія посылокъ и понятій ихъ въ силлогизмѣ посредственномъ, не составляетъ существенной и неизбѣжной необходимости. Можно ставить посылки и въ обратномъ порядкѣ, т. е. мѣньшую впереди, а бо́льшую на второмъ мѣстѣ, и понятія ихъ можно также ставить на томъ или на другомъ мѣстѣ, и силлогизмъ не потеряетъ отъ этого своего существеннаго смысла и значенія. Напр. скажемъ ли, что всѣ люди смертны, что кругъ ихъ составляется изъ такихъ недѣлимыхъ (Петра, Василія, Ивана, Гавріила и проч.), изъ коихъ ни одного и не было никогда безсмертнаго, или скажемъ, что Ивану или Петру принадлежитъ смертность потому, что каждый изъ нихъ, какъ человѣкъ, принадлежитъ къ числу всѣхъ смертныхъ людей, — во всякомъ случаѣ слѣдствіе будетъ одно и то же: смертность свойственна человѣчеству вообще и въ част-

ности. На семъ основаніи возможны два способа заключенія въ силлогизмахъ посредственныхъ: или отъ общаго къ частному, или отъ частнаго къ общему. Первый способъ умозаключенія называютъ *прямымъ*, а второй *обратнымъ* (*).

Способъ построенія посредств. умозаключенія прямаго.

Главная цѣль всякаго посредственнаго умозаключенія состоитъ въ томъ, чтобъ убѣдиться на очевидной причинѣ и несомнѣнномъ основаніи, приличествуетъ ли извѣстный предикатъ (какое-нибудь свойство, качество, вообще какой-нибудь существенный признакъ) одного предмета или понятія другому, съ нимъ сравниваемому. Въ умозаключеніи прямомъ, въ которомъ дѣлается заключеніе отъ общаго къ частному, сравниваемые предметы содержатся въ среднемъ и мѣньшемъ понятіяхъ, а данный — извѣстный уже предикатъ имѣется на лицо при одномъ среднемъ понятіи. Слѣд. задача здѣсь въ томъ, приличествуетъ ли этотъ данный предикатъ и мѣньшему поня-

* *Примѣч.* Наименованія умозаключеній *прямыми* и *обратными* произошли не отъ чего-нибудь существеннаго, и отъ того привычнаго предположенія, будто намъ естественнѣе заключать отъ общаго къ частному. Но что намъ не менѣе, если даже не болѣе естественно заключать и отъ частнаго къ общему, это доказывается тѣмъ, что въ мірѣ дѣйствительномъ мы находимъ только недѣлимыя; слѣд. однѣ только частности, а общее возможно только

тію также, какъ среднему. Убѣжденія въ этомъ, очевидно, нельзя достигнуть иначе, какъ чрезъ приложеніе къ понятію мѐньшему (или чрезъ наведеніе на понятіе мѐньшее) сказуемаго средняго понятія, какъ существенной части его содержанія. А убѣждающая причина въ томъ, что дѣйствительно прилимчествуетъ это сказуемое и понятію мѐньшему такъ же, какъ среднему, можетъ и должна заключаться не въ другомъ чемъ, какъ въ среднемъ же понятіи, которое, служа понятіемъ посредствующимъ между бо́льшимъ и мѐньшимъ понятіями, служитъ вмѣстѣ и родовымъ признакомъ понятію мѐньшему (если только оно дѣйствительно взято изъ сферы понятія средняго, какъ своего бо́льшаго или цѣлаго). Посему, поставляя мѐньшее понятіе, по таковомъ сличеніи его съ среднимъ, подлежащимъ заключенія, мы съ полною увѣренностію скажемъ (т. е. заключимъ), что сказуемое средняго понятія, какъ существенная часть его содержанія, необходимо принадлежитъ и понятію

въ нашемъ идеальномъ мірѣ — въ нашемъ разумѣніи, и что болѣе или менѣе общія понятія не прирождены намъ, а пріобрѣтаются нами постепенно, по мѣрѣ ознакомленія нашего съ частностями міра дѣйствительнаго. Слѣд. пока человѣкъ не обогатился еще общими понятіями, ему неестественно, потому что невозможно, заключать отъ неизвѣстнаго еще общаго къ мало извѣстному частному. Притомъ же и составленіе болѣе или менѣе общихъ понятій, не можетъ совершаться безъ участія сужденій и умозаключеній.

мѐньшему, какъ взятому изъ сферы средняго понятія которому оно послужило, своими существенными признаками, основаніемъ содержанія.

Доказательная сила прямыхъ умозаключеній.

Оттого-то доказательная сила мышленія въ умозаключеніяхъ сего рода неопровержима и очевидна для разсудка. Онъ развѣ тогда только отказался бы отъ признанія истинности такого заключенія и не видѣлъ бы ее въ полномъ свѣтѣ, когда переставалъ бы слѣдовать врожденнымъ ему законамъ мышленія и когда для него сдѣлалось бы безразличнымъ — утверждать и отрицать одно и то же, объ одномъ и томъ же предметѣ, въ одно и то же время.

Условія ихъ правильности.

Но чтобъ всякій прямой посредственный силлогизмъ дѣйствительно имѣлъ всегда такую силу и очевидность доказательства, должно наблюдать слѣдующія условія правильности въ его построеніи:

I. Поелику вся сила и все значеніе сего рода силлогизмовъ основываются на строгой подчиненности и естественной зависимости одного понятія отъ другаго и одной посылки отъ другой, то первое условіе ихъ правильности состоитъ въ томъ,

чтобъ посылки были въ естественной и необходимой зависимости одна отъ другой; слѣд. чтобъ одна была больше другой и потому одна подходила бы подъ другую, если не всѣмъ содержаніемъ своимъ то, по крайней мѣрѣ, нѣсколькими, или хотя однимъ существеннымъ признакомъ. Напр.

Все сложенное изъ частей удоборазрушаемо.

Это зданіе сложено изъ частей,—

Слѣд. это зданіе удоборазрушаемо.

Хотя здѣсь мѐньшая посылка подходитъ подъ бо́льшую однимъ только признакомъ *сложности*, но силлогизмъ правиленъ потому именно, что мѐньшая посылка этимъ признакомъ входитъ въ сферу всего *вообще сложнаго.*

II. Это впрочемъ, не ведетъ къ тому, чтобы мѐньшая посылка непремѣнно состояла всегда изъ сужденія частнаго. Она можетъ быть и изъ общаго сужденія, только бы подходила подъ бо́льшую; слѣд. то только здѣсь должно быть неизмѣннымъ и непремѣннымъ, чтобъ бо́льшая посылка была общнѣе мѐньшей, какова бы ни была эта мѐньшая, общая или частная, напр. *Всѣ ограниченныя существа имѣютъ недостатки. Всѣ люди суть ограниченныя существа; слѣд. всѣ люди имѣютъ недостатки.* Здѣсь обѣ посылки состоятъ изъ сужденій общихъ; но понятіе: *всѣ ограниченныя существа* обширнѣе понятія: *всѣ люди.* Потому одно другому подчиняется и отъ этого силлогизмъ выходитъ правильный.

III. Хотя въ правильномъ умозаключеніи посредственномъ прямомъ бываетъ два подлежащихъ и два сказуемыхъ (въ посылкахъ), но главныхъ—основныхъ понятій или терминовъ должно быть въ немъ только три, потому-что среднее понятіе необходимо должно повторяться два раза въ подлежащемъ бо́льшей посылки и въ сказуемомъ мѐньшей. А еслибы въ немъ обѣ посылки состояли изъ такихъ общихъ сужденій, изъ коихъ одно не подчинялось бы другому тогда вышло бы четыре главныхъ понятія, потому что не было бы средняго, и изъ нихъ силлогизмъ не могъ бы состояться, напр.

Всѣ страсти порочны.

Всѣ люди смертны.

Изъ этихъ общихъ сужденій нельзя вывести никакого слѣдствія, потому именно, что нѣтъ между ними подчиненія.

IV. Поелику мѐньшая посылка должна подчинять что нибудь бо́льшей; то она должна быть утвердительная: ибо отрицаніемъ исключается одно изъ другаго, а не усвояется одно другому. Напр.

Птицы имѣютъ ноги.

Левъ—не птица.

Слѣдствія отсюда никакого не можетъ быть, кромѣ ложнаго: что *левъ не имѣетъ ногъ*.

V. Но бо̀льшая посылка можетъ быть и отрицательною, хотя бы мѐньшая при ней была утвердительная. Напр.

Никакой страсти не одобряетъ нравственность; честолюбіе есть страсть; слѣд. честолюбія не одобряетъ нравственность.

VI. Посему и заключеніе можетъ быть и утвердительнымъ и отрицательнымъ, смотря по тому, какая бываетъ большая посылка, утвердительная или отрицательная: ибо въ заключеніи должно быть рѣшено то именно, приличествуетъ ли предикатъ (сказуемое) бо̀льшей посылки, т. е. средняго понятія, подводимому подъ него мѐньшему понятію, т. е. подлежащему мѐньшей посылки, а потому и подлежащему заключенія.

VII. А потому, что мѐньшею посылкою опредѣляется, сколько предметовъ подчиняется среднему понятію, всѣ, или нѣкоторые, или одинъ только, заключеніе должно быть общимъ, или частнымъ.

Способъ построенія умозаключенія обратнаго.

Въ посредственномъ умозаключеніи *обратномъ*, заключеніе дѣлается отъ частныхъ предметовъ, составляющихъ объемъ средняго понятія, къ содержанію цѣлаго этого (средняго) понятія, т. е. отъ частнаго къ общему, или отъ частей, одной, нѣсколькихъ или многихъ вмѣстѣ, заключается къ тому цѣлому, коему эти части служатъ необходимыми составными частями.

А какъ содержаніе всякаго общаго понятія слагается изъ существенныхъ признаковъ тѣхъ многихъ предметовъ, кои общими всѣмъ имъ признаками вошли въ область высшаго родоваго ихъ понятія; то, значитъ, въ обратномъ умозаключеніи дѣлается ни что иное, какъ извѣстный существенный признакъ, усматриваемый въ одномъ или нѣсколькихъ предметахъ, усвояется всей области родоваго ихъ понятія, а потому и всѣмъ предметамъ, до послѣдняго недѣлимаго, вошедшимъ въ составъ этого родавого ихъ понятія. Явно, что здѣсь все дѣлается въ противоположномъ порядкѣ тому, что̀ совершается въ умозаключеніи прямомъ, кромѣ того, что бо̀льшее понятіе неизмѣнно должно удерживать тѣ же мѣста, какія оно занимаетъ и въ прямомъ умозаключеніи, т. е. должно быть сказуемымъ въ первой посылкѣ и въ заключеніи. Прочія основныя понятія должны размѣщаться въ такомъ порядкѣ: мѐньшее понятіе должно быть подлежащимъ въ первой и во второй посылкѣ, а среднее понятіе сказуемымъ во второй и подлежащимъ въ заключеніи, напр.

Я сознаю, мыслю и разумѣю. А я принадлежу къ существамъ міра духовнаго; слѣд. всѣ существа міра духовнаго сознаютъ, мыслятъ и разумѣютъ.

Доказательная сила умозаключеній обратныхъ.

Какъ и въ обратномъ умозаключеніи все основывается на существенности и однородности частностей и ихъ общаго, также какъ и въ прямомъ все основывается на существенности и однородности общаго и его частностей; то сила и очевидность доказательства должны быть также неопровержимы и убѣдительны для разсудка и въ обратномъ умозаключеніи, какъ и въ прямомъ. Ибо одинаково ясно и несомнѣнно открывается намъ истина, скажемъ ли, что цѣлое однокачественно, въ извѣстномъ отношеніи, съ своими частями, по однородности съ ними, или скажемъ, что части цѣлаго однокачественны, потому что однородны съ своимъ цѣлымъ.

Условія ихъ правильности.

Но очевидно, что эта убѣдительность и очевидность, какъ въ прямомъ такъ и въ обратномъ умозаключеніяхъ, возможны въ такомъ только случаѣ, если въ силлогистическомъ порядкѣ показанія ихъ, какъ въ формѣ сложной, чрезъ посредство совершаю-

щейся, соблюдена будетъ вся строгость и естественность послѣдовательности и взаимной относительности понятій, долженствующихъ служить основною матеріей для построенія силлогизма. Посему и въ обратномъ умозаключеніи необходимо наблюдать нѣкоторыя условія правильности построенія его. Условія эти слѣдующія:

I. Поелику въ понятіяхъ меньшихъ по объему, а особенно въ понятіяхъ видовыхъ, тѣмъ болѣе въ недѣлимыхъ міра дѣйствительнаго, гораздо болѣе признаковъ, нежели въ понятіи большемъ и обширнѣйшемъ по объему; то, заключая отъ меньшаго къ большему, отъ частей къ цѣлому, должно тщательно наблюдать, чтобы предикатъ, который хотимъ усвоить, чрезъ умозаключеніе обратное, общему понятію, состоялъ изъ такого общаго и существеннаго признака, который равно приличествовалъ бы какъ частному, такъ и общему—былъ бы существенный и родовой, а не случайный или видовой. Напр. *нѣкоторыя рыбы, животныя четвероногія, грибы и деревья окаменѣли; а всѣ эти окаменѣлости принадлежатъ къ царствамъ растительному и животному; слѣд. рано или поздно, все окаменѣетъ въ этихъ царствахъ.* Такое заключеніе было бы ошибочно, потому-что основывалось бы на случайныхъ событіяхъ, а не на чемъ нибудь существенномъ.

II Среднимъ понятіемъ должно быть что нибудь родовое, и притомъ обширнѣе по объему мѐньшаго понятія, а неравное ему, тѣмъ болѣе не должно быть изъ другой сферы предметовъ, нежели къ какой принадлежитъ понятіе меньшее. Напр.

Кукушка летаетъ, Кукушка пьетъ воду; слѣд.

Изъ этихъ сужденій нельзя вывести никакого заключенія; они равны объемами понятій своихъ, потому въ нихъ нѣтъ средняго понятія. А если скажемъ:

кукушка летаетъ и пьетъ воду;

кукушка есть птица;

слѣд. всѣ птицы летаютъ и пьютъ воду; то умозаключеніе выйдетъ правильное.

Примѣч. можно правильно заключать и отъ равнаго къ равному, какъ это бываетъ въ аналогіи; но такой родъ заключенія не относится къ обратнымъ умозаключеніямъ посредственнымъ, а можетъ быть отнесенъ къ умозаключеніямъ непосредственнымъ. Въ обратномъ умозаключеніи посредственномъ заключается отъ бытія или небытія чего либо въ частномъ къ бытію или небытію того же и въ извѣстномъ его общемъ, слѣдовательно не иначе, какъ чрезъ посредство этого извѣстнаго уже общаго; значитъ, это извѣстное уже общее служитъ здѣсь среднимъ понятіемъ; потому подлежащія первой и второй посылокъ непремѣнно должны состоять въ немъ изъ одного и того же понятія или предмета, напр. *Человѣку существенно и неотъемлемо принадлежитъ свобода воли; а человѣкъ относится къ существамъ духовнымъ; слѣд. и всѣ духовныя существа имѣютъ свободную волю.* Аналогія же силится два или нѣсколько частныхъ предметовъ обобщить по усматриваемымъ въ нихъ одинаковымъ признакамъ; слѣд. только ищетъ еще общаго, и слѣд. аналогически нельзя иначе заключать, какъ непосредственно, напр. *Иванъ и Павелъ одинаково задумчивы, несловоохотны и любятъ болѣе уединеніе, нежели сообщество съ людьми; слѣд. оба они должны быть меланхолики.*

III. Отъ утвердительной первой посылки нельзя заключать отрицательно и на оборотъ, но какова первая посылка, таково должно быть и заключеніе.

IV. Въ заключеніи не должно ни увеличивать, ни уменьшать круга и значенія понятій большаго и средняго противъ того, какъ они имѣютъ ихъ въ посылкахъ, т. е. смыслъ заключенія долженъ въ точности соотвѣтствовать смыслу основныхъ понятій въ посылкахъ и долженъ необходимо и естественно вытекать изъ посылокъ, а ни чуть не долженъ быть навязываемъ имъ. Напр. смыслъ заключенія былъ бы насильно навязываемъ посылкамъ, если бы кто сказалъ: *жизнь моя исполнена несчастій и бѣдствій; а*

жизнь человѣческая и всѣ ея состоянія и измѣненія безъ воли Божіей быть не могутъ; слѣд. Богъ не промышляетъ обо мнѣ и не любитъ меня.

Понятіе о соритѣ.

Мышленіе силлогистическое не завершается окончательно доселѣ изложенными формами умозаключеній, употребляемыхъ отдѣльно одно отъ другаго. Важность и значеніе для мышленія умозаключеній состоитъ въ томъ еще, что въ нихъ же самихъ заключается возможность связывать ихъ, чрезъ новыя умозаключенія, изъ нихъ же выводимыя, одно съ другимъ, и такимъ-образомъ вести непрерывный рядъ заключеній, одно изъ другаго выводимыхъ и направляемыхъ къ одной главной цѣли—къ открытію или доказательству одной какой либо истины. Такой непрерывный рядъ заключеній называется *соритомъ*, отъ σωρεύς—вмѣстѣ, въ кучу собираю, или отъ σωρός—куча, множество, полнота.

Способъ построенія сорита.

Въ соритѣ, очевидно, постояннаго числа посылокъ опредѣлить нельзя; ихъ должно быть въ немъ столько, чтобъ чрезъ посредство ихъ можно было дойти, въ естественной постепенности и строгой непрерывной послѣдовательности, до той истины, какую хотимъ открыть или доказать. Посему посылки въ соритѣ должны быть располагаемы такъ, чтобъ онѣ, одна изъ другой вытекая необходимо и послѣдовательно, преемственно служили одна для другой то основаніемъ, то слѣдствіемъ. Предшествующая должна служить основаніемъ для той, которая непосредственно за нею слѣдуетъ, а эта—необходимымъ ея слѣдствіемъ; но, въ свою очередь, бывшая слѣдствіемъ предшествующей, должна обратиться въ основаніе для послѣдующей и т. д. Явно, что умозаключенія (силлогизмы), входящія въ составъ сорита, могутъ быть употребляемы или сокращенно, въ видѣ общихъ положеній или сужденій, какъ подлежащее и сказуемое, или смѣшанно—то̀ въ полномъ, то̀ въ болѣе или менѣе сокращенномъ видѣ.

Виды сорита.

Поелику соритъ слагается изъ многихъ умозаключеній, то и въ немъ, также какъ и во всѣхъ отдѣльныхъ умозаключеніяхъ, можно заключать или отъ общаго къ частному, или отъ частнаго къ общему. Отъ перваго способа заключенія происходящій соритъ называется *поступательнымъ* (progressivus), а отъ втораго *возвратнымъ* (regressivus).

Построеніе сорита поступательнаго.

Въ поступательномъ соритѣ мы нисходимъ отъ высшаго къ низшему, отъ общаго къ частному. Слѣд. здѣсь рѣшается та же задача, какъ и въ умозаключеніи посредственномъ прямомъ, т. е. можно ли, и почему именно можно усвоить низшему то, что́ усвояется высшему или цѣлому. Разница только въ томъ что въ соритѣ задача эта рѣшается чрезъ посредство не одного средняго понятія, а нѣсколькихъ. А увеличеніе числа среднихъ понятій въ соритѣ зависитъ не отъ произвола, а отъ той существенной необходимости, что въ иномъ случаѣ искомая истина не можетъ быть обнаружена чрезъ посредство одного понятія, такъ какъ и въ бытіи дѣйствительномъ извѣстное явленіе или дѣйствіе основывается на многихъ причинахъ, одна отъ другой зависящихъ и одна на другой основывающихся. Посему средними понятіями въ соритѣ поступательномъ должны служить, постепенно, различныя части одного и того же цѣлаго; а потому и осуществленіе въ немъ постепеннаго заключенія должно совершаться не иначе, какъ чрезъ преемственное усвоеніе предиката одного высшаго понятія, другому низшему его по объему. Посему-то и необходимо обращать подлежащее каждой пред-

шествующей посылки въ сказуемое послѣдующей за нею, а въ заключеніи подлежащее послѣдней посылки соединять съ сказуемымъ первой, безъ обращенія одного въ другое; напр.

Кого не страшитъ будущность, тотъ счастливъ;

кому нечего опасаться, того не страшитъ будущность;

у кого совѣсть спокойна, тому нечего опасаться;

кто вѣрно исполняетъ свои обязанности, у того совѣсть спокойна;

слѣд. кто вѣрно исполняетъ свои обязанности, тотъ счастливъ.

Здѣсь, очевидно, рѣшается вопросъ: почему счастливъ тотъ, кто вѣрно исполняетъ свои обязанности? Именно потому, что въ будущемъ нечего ему опасаться, и слѣд. онъ и въ настоящемъ покоенъ и доволенъ въ душѣ своей; а покоенъ въ душѣ своей потому, что совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ его; а совѣсть его спокойна потому, что онъ, вѣрно исполняя свои обязанности, тѣмъ самымъ выполняетъ требованія нравственнаго и положительнаго долга.

Правила для сорита поступательнаго.

Чтобъ въ соритѣ поступательномъ не было сбивчивости и отступленія отъ постепенной послѣдовательности и естественности усвоенія извѣстной при-

надлежности высшаго низшему, должно наблюдать слѣдующія правила:

I. Всѣ положенія, кромѣ послѣдняго, которое можетъ быть частнымъ (потому что и заключается отъ общаго къ частному) должны быть всеобщи, такъ какъ они занимаютъ мѣсто средняго понятія.

II. Всѣ положенія или посылки, кромѣ первой, которая можетъ быть отрицательная, должны быть утвердительныя.

III. Заключеніе по объему понятій должно сообразоваться съ первою посылкою, а по содержанію съ послѣднею.

Построеніе сорита возвратнаго.

Въ соритѣ *возвратномъ* заключеніе дѣлается противоположно тому, какъ это бываетъ въ соритѣ поступательномъ. Въ возвратномъ соритѣ восходимъ отъ низшаго къ высшему, отъ частнаго къ общему, т. е. рѣшаемъ вопросъ: приличествуетъ ли высшему то, что̀ усвояется низшему? Посему сказуемое каждой предшествующей посылки обращается въ подлежащее послѣдующей за нею, а въ заключеніи сказуемое послѣдней посылки соединяется съ подлежащимъ первой, такъ что подлежащее первой посылки остается подлежащимъ же и въ заключеніи, а ска-

зуемое послѣдней посылки остается сказуемымъ и въ заключеніи; напр.

Кто вѣрно исполняетъ свои обязанности, у того совѣсть спокойна;

у кого совѣсть спокойна, тому нечего опасаться;

кому нечего опасаться, того не страшитъ будущность.

кого не страшитъ будущность, тотъ счастливъ;

слѣд. кто вѣрно исполняетъ свои обязанности, тотъ счастливъ.

Правила для сорита возвратнаго.

При составленіи сорита возвратнаго должно наблюдать слѣдующія правила:

I. Всѣ положенія въ немъ, кромѣ перваго, которое можетъ быть частнымъ, должны быть всеобщи, такъ какъ они и здѣсь занимаютъ мѣсто средняго понятія.

II. Всѣ посылки, кромѣ послѣдней, которая можетъ быть отрицательная, должны быть утвердительныя.

III. Заключеніе должно быть общеутвердительное, когда всѣ посылки общеутвердительныя; — общеотрицательное, когда послѣдняя посылка общеотрицательная; — частноутвердительное, когда первая посылка частноутвердительная; — частноотрицательное, когда первая посылка частноутвердительная, а послѣдняя общеотрицательная.

Построеніе соритовъ изъ полныхъ умозаключеній или о полисиллогизмахъ.

Можно построить сориты и безъ сокращенія входящихъ въ составъ ихъ умозаключеній, а употребляя ихъ въ полномъ ихъ видѣ, или мѣшая полныя съ сокращенными.

По общему свойству умозаключеній вообще, и въ сихъ соритахъ можно умозаключать, или низходя отъ высшаго къ низшему—отъ основаній къ послѣдствіямъ, или восходя отъ низшаго къ высшему—отъ слѣдствій къ основаніямъ.

Условія правильности ихъ.

Постоянныхъ правилъ составленія этого рода соритовъ опредѣлить нельзя. Въ нихъ, смотря по удобству и естественной послѣдовательности мыслей, также сообразно съ извѣстною цѣлію силлогистическаго мышленія, можно, а иногда и необходимо, мѣшать поочередно различныя формы умозаключеній и сужденій; за посредственнымъ напр. умозаключеніемъ можетъ слѣдовать непосредственное, за сужденіемъ категорическимъ условное или раздѣлительное и т. д. Связь же одного умозаключенія съ другимъ и одного сужденія съ другимъ, такимъ образомъ сочетаваемыхъ, можетъ осуществляться: или

выводомъ изъ предшествующаго умозаключенія большей, либо мѐньшей посылки, или—на основаніи полученнаго заключенія можно умозаключать далѣе. Такая свободность въ ходѣ и направленіи силлогистическаго мышленія, даетъ ту выгоду мыслителю и по преимуществу сего рода соритовъ, что посредствомъ ихъ можно подробнѣе и многостороннѣе раскрывать, изъяснять или доказывать извѣстную истину, а иногда доходить до истинъ вовсе неизвѣстныхъ и непредполагавшихся, т. е. можно доходить до новыхъ открытій и изобрѣтеній. Должно только наблюдать при этомъ, чтобъ всякая новая посылка и всякое новое умозаключеніе не были заимствованы отвнѣ и произвольно подводимы подъ умозаключенія предшествующія, а были бы послѣдовательно выводимы каждое послѣдующее непосредственно изъ ближайшаго предшествующаго. Въ логикахъ такіе сориты называется полисиллогизмами.

3) О ПАРАЛОГИЗМѢ И СОФИЗМѢ.

Понятія о нихъ.

Всякое уклоненіе отъ существенныхъ условій надлежащаго построенія умозаключеній, въ какой бы ни было формѣ ихъ, производитъ неправильность

или по формѣ, или по содержанію, или и по формѣ и по содержанію вмѣстѣ.

Такія уклоненія и происходящія отъ нихъ неправильности могутъ быть или отъ недоразумѣнія и недальновидности мыслителя, или отъ умышленнаго его намѣренія обмануть другихъ. Перваго рода неправильныя умозаключенія называются *паралогизмами* отъ παραλογίζομαι, ложно считаю, заключаю, или отъ παράλογος неожиданный, нечаянный, неосновательный. Составляемыя же ложно умозаключенія съ сознательнымъ намѣреніемъ обмануть, издавна заклеймены поноснымъ именемъ *софизмовъ*, отъ σόφισμα ломаніе головы надъ чѣмъ, ухищреніе, коварное толкованіе.

Происхожденіе софизмовъ.

Но было время, когда имя *софистъ* принималось за имя почетное, равнозначущее съ именемъ философа, мудреца или ученаго вообще. Такой почетъ и былъ одною изъ главныхъ причинъ того, что многіе старались усвоить себѣ это имя, дающее притомъ выгодное положеніе въ обществѣ. А отъ того философская мантія нерѣдко покрывала собой однихъ честолюбцевъ, корыстолюбцевъ, которые, то по ограниченности своей, то по недостатку добрыхъ нравственныхъ качествъ, не могли прямымъ путемъ до-

стигнуть славы истинныхъ философовъ, старались прославиться блескомъ ложнаго остроумія. Такіе философы-самозванцы дѣлали сильный подрывъ успѣхамъ философіи и всѣхъ наукъ; а то обстоятельство, что они сами занимали мѣста судебныхъ ораторовъ и народныхъ адвокатовъ и были наставниками юношей преимущественно въ искусствѣ благовидно защищать всякое положеніе, спутывать противника и опровергать всѣ его утвержденія,—заставляло ихъ употреблять всякія уловки къ удержанію за собой громкой славы и къ увлеченію толпы слушателей, осыпавшихъ ихъ деньгами и похвалами. Въ сіе то время получили начало свое умышленныя лжеумствованія, по имени изобрѣтателей своихъ названныя софизмами, славились и размножались до тѣхъ поръ, пока честный и безкорыстный любитель мудрости, Сократъ, не вооружился противъ нихъ и не обнаружилъ пустоты и всего хитросплетенія ихъ.

Способъ разрѣшенія софизмовъ.

Во всякомъ софизмѣ поддѣлываются подъ какой нибудь правильный силлогизмъ. Посему при разрѣшеніи какого либо софизма прежде всего должно опредѣлить для себя, къ какой формѣ правильныхъ силлогизмовъ можетъ онъ быть отнесенъ. Когда въ состояніи будемъ дать себѣ отчетъ въ этомъ, тогда

уже легко будетъ видѣть, какія условія правильности несоблюдены въ немъ касательно внѣшней формы и видимаго расположенія частей силлогизма.

Но софисты, по бóльшей части, соблюдая внѣшнюю форму силлогизма, особенно любили играть основными понятіями его, произвольно измѣняя ихъ смыслъ, значеніе и приложеніе къ дѣлу. Посему особенное вниманіе должно обращать на то, въ одинаковомъ ли значеніи употреблены термины, какъ въ посылкахъ, такъ и въ заключеніи, и въ должномъ ли соотношеніи, смыслѣ и объемѣ поставлены тотъ или другой терминъ въ отношеніи къ другимъ. Аристотель изчисляетъ у софистовъ слѣдующіе способы обмана въ этомъ родѣ:

1. Обоюдность словъ и выраженій.

2. Двусмысленность, когда употребляютъ слова, имѣющія нѣсколько значеній, не различая ихъ.

3. Сложеніе того, что должно брать раздѣльно, и раздѣленіе того, что должно брать въ сложности.

4. Измѣненіе ударенія, съ намѣреніемъ дать слову другое значеніе.

5. Фигура рѣченія, когда то произносится въ одинаковомъ смыслѣ, что надлежитъ понимать въ смыслѣ различномъ.

6. Fallatia accidentis, когда что нибудь случайное принимается за существенное, и на оборотъ.

7, Fallatia consequentis, когда заключаютъ изъ какого нибудь положенія о томъ, что не слѣдуетъ изъ него; напр. Мозгъ имѣетъ вліяніе на способность мышленія; слѣд. мозгъ мыслитъ.

8. Заключеніе отъ истиннаго въ извѣстномъ отношеніи къ безусловно истинному (a dicto secundum quid ad dictum simpliciter). Напр, то, что мыслитъ, говоритъ Зенонъ, лучше того, что не мыслитъ. Но міръ есть наилучшее. Слѣд, міръ имѣетъ способность мыслить.

9. Доказываніе того, чего нѣтъ въ вопросѣ (ignoratio elenchi). Этотъ родъ обмана обнимаетъ всѣ тѣ умозаключенія, въ которыхъ навязываютъ противникамъ такія начала, какихъ они не имѣютъ или, по кр. мѣрѣ, принимаютъ ихъ въ другомъ смыслѣ.

10. Доказываніе тѣмъ, что само недоказано (petitio principii). Напр. что есть изящество? то, что изящно.

11. Причина не причина (causa non causa), когда причиною какого либо явленія поставляютъ то, что не можетъ быть причиною онаго. Примѣромъ такихъ софизмовъ можетъ служить остроумная критика баснописца на несправедливый судъ: понеже куръ овца сильнѣе.. и проч.

12. Соединеніе нѣсколькихъ вопросовъ въ одинъ и требованіе на него отвѣта (secundum plures interro-

gationes), напр. Растенія и животныя имѣютъ чувства или нѣтъ?

На основаніи такихъ хитрыхъ оборотовъ и измѣненій словъ и выраженій, софисты составляли такіе софизмы, которые въ то время почитались чудомъ мудрости и признавались неразрѣшимыми. Изъ числа таковыхъ софизмовъ древности извѣстѣйшіе суть:

I. *Лгунъ.* Эпаменидъ, Критянинъ, говоритъ, что всѣ Критяне лгуны. Слѣд. и онъ, какъ Критянинъ, лжетъ. Слѣд. Критяне не лгуны; слѣд. и Эпаменидъ говоритъ правду. Слѣд. всѣ Критяне лгуны. Слѣд. и Эпаменидъ лжетъ и т. д.

II. *Электра.* Электра знаетъ своего брата Ореста, и однакожь не узнаетъ его, когда онъ возврашся въ свое отечество послѣ долговременной отлучки. Слѣд. Электра не знаетъ своего брата.

III. *Закрытый.* Ты знаешь своего отца? Знаю. Знаешь этого покрытаго человѣка? Нѣтъ. Это твой отецъ; слѣд. ты не знаешь своего отца.

IV. *Рогатый.* Чего ты не потерялъ, то имѣешь? Имѣю. Роговъ ты не потерялъ, слѣд. ты ихъ имѣешь

V. *Соритъ или Куча.* Спрашиваютъ: одно зерно составляетъ кучу? Нѣтъ. Два? Нѣтъ. Три? Нѣтъ, и т. д., пока не получится отвѣтъ утвердительный; тогда заключаютъ утвердительно: слѣд. и одно зерно составляетъ кучу.

VI. *Плѣшивый.* Походитъ на соритъ, только въ немъ обратно доказываютъ: тотъ плѣшивъ, у кого одинъ волосъ, два, три и проч. Слѣд. и тотъ плѣшивъ, у кого много волосъ — и другіе.

Софизмы въ практической жизни.

Нельзя удивляться, что въ древнія времена софизмы имѣли такую силу и такое значеніе: въ тѣ времена, законы мыслящаго духа мало еще были изслѣдованы, и потому не легко было замѣтить въ нихъ погрѣшности или намѣренный обманъ и, замѣтивши, опровергнуть ихъ. Но то удивительно, что въ наше время, когда уже законы мышленія болѣе изслѣдованы и точнѣе сознаны, софизмы всякаго рода, если не увеличиваются въ числѣ и приложеніи ихъ противъ временъ древнихъ, по крайней мѣрѣ не уменьшаются, особенно въ дѣйствіяхъ и поступкахъ жизни практической, общественной и частной. Всякій льстецъ, по своимъ корыстнымъ разсчетамъ противъ сознанія своего усвояющій обольщаемому имъ такія свойства, достоинства и заслуги, какихъ тотъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ, есть самый лукавый и самый безсовѣстный софистъ. Непрямодушный дипломатъ, одно понимающій, а другое говорящій и пишущій; неправедный судія, за мзду оправдывающій виновнаго и обвиняющій праваго; всякій

лицемѣръ, старающійся казаться предъ другими не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; всякій торговецъ, берущій двойныя и тройныя цѣны и увѣряющій, что чуть не по своей цѣнѣ отдаетъ,—все это такіе софисты, которые если не превосходятъ софистовъ древнихъ, по крайней мѣрѣ ни въ чемъ не уступятъ самымъ хитрѣйшимъ и лукавѣйшимъ изъ нихъ. Слѣд. какъ въ древнее, такъ и въ настоящее время, нестолько умственныя, сколько нравственныя силы человѣка производили и производятъ, поддерживали и поддерживаютъ софизмы всякаго рода. Потому тѣмъ болѣе они могутъ процвѣтать, усиливаться и распространяться, чѣмъ болѣе гдѣ развратъ вкореняется и господствуетъ и чѣмъ болѣе гдѣ дается свободы и простора страстямъ и порокамъ.

Правила благоразумія касательно софизмовъ сего рода.

Посему не всѣ и не всегда могутъ и должны разоблачать и дѣлать гласными софизмы практической жизни и дѣятельности такого или другаго лица въ частности: это возбраняется и законами гражданскими. Наилучшею логикою для разоблаченія и ниспроверженія такихъ софизмовъ служатъ:

I. Религія и законъ гражданскій.

II. Блюстители и исполнители ихъ, какъ то: пастыри церковные и власти государственныя.

III. Главы семействъ и всѣ старшіе по отношенію къ подчиненнымъ имъ, или правомъ естественнымъ (родственники, друзья, благодѣтели, руководители и проч.), или правомъ частнѣйшей власти и соподчиненности общественной.

IV. Софизмы государственные могутъ и должны быть разрѣшаемы и опровергаемы только верховными властями, чрезъ посредство дипломатическихъ сношеній и переговоровъ, или вооруженною силою.

V. Еслибы всякій и при всякомъ случаѣ сталъ открыто нападать на софизмы въ практической жизни, не будучи на то уполномоченъ, тогда вышло бы: *a*) та невзгода, что общества и цѣлыя государства обратились бы въ школы циниковъ; *b*) многія частныя лица подвергались бы той же участи, какой подвергся древній Сократъ: ибо софисты, какъ рабы страстей и пороковъ, всегда и вездѣ довольно изобрѣтательны и рѣшительны на то, чтобы чувствительно отомстить за наносимый имъ позоръ и за обличенія ихъ лукавства.

Примѣч. О пустыхъ тонкостяхъ въ силлогистическихъ фигурахъ. Мы изложили главныя и существенныя формы умозаключеній, разсуждали, какъ *должно* умозаключать правильно и естественно, для разсудка и сознанія нашего очевидно. Но схоластики, не доволь-

ствуясь *должнымъ*, простирали мысленный взоръ свой и *на возможное* — разсуждали, какъ можно умозаключать и сколько именно можетъ быть способовъ умозаключенія въ возможности, хотя бы способы эти не согласовались во всей точности съ дѣйствительнымъ и должнымъ. Аристотель имѣлъ уже эту замашку; но схоластики чуть не всю умственную дѣятельность свою посвящали на разоблаченіе всѣхъ тонкостей возможнаго въ умозаключеніи, и, расплождая способы или, какъ они назвали, фигуры умозаключеній, доходили до такой мелочности, что собственная ихъ память затруднялась удерживать всѣ ихъ подробности и видоизмѣненія. Это-то собственно и заставило ихъ изобрѣсть наглядные знаки, какъ-бы модели, для такихъ или другихъ способовъ измѣненія сужденій и понятій въ силлогизмахъ, для такой или другой фигуры ихъ. Основныя понятія или термины силлогизмовъ, они обозначили буквами: M, P, S. Подъ буквою M условились постоянно разумѣть среднее понятіе, подъ буквою P бо́льшее, а подъ буквою S мѣньшее. Способы измѣненія мѣстъ въ силлогизмѣ этихъ понятій назвали схемами и изображали эти схемы такъ:

M: P.	P: M.	M: P.	P: M.	S: M.	S: M.	M: S.	M: S.
S: M.	S: M.	M: S.	M: S.	M: P.	P: M.	M: P.	P: M.
S: P.	S: P.	S: P.	S: P.	S: P.	S: P.	S: P.	S: P.

А свойства сужденій, входящихъ въ составъ силлогизма, обозначали гласными буквами: a, e, i, o, положивъ разумѣть постоянно подъ *a* сужденіе общеутвердительное, подъ *e* общеотрицательное, подъ *i* частноутвердительное, подъ *o* частноотрицательное. Извѣстное соединеніе въ силлогизмѣ такихъ или другихъ изъ этихъ сужденій, въ такомъ или другомъ порядкѣ, назвали фигурами силлогизма. А для бо́льшей наглядности и легкости удержанія въ памяти, каждую возможную фигуру обозначили нарочито выдуманными для этого словами, въ которыхъ заключаются такія гласныя, которыя соотвѣтствуютъ свойству разумѣемыхъ подъ ними сужденій, долженствующихъ войти въ такую или другую фигуру силлогизма. Эти схоластическія слова для обозначенія фигуръ силлогистическихъ суть: *Barbara, Celarent, Darii, Ferio, Cesare, Camestres, Festino, Baroco, Darapti, Felapton, Disamis, Datisi, Bocardo, Ferison, Bamalip, Calemes, Dimatis, Fesapo, Fresison.* Изобрѣтая такія фигуры силлогизмовъ, схоластики разсуждали, всѣ ли онѣ даютъ правильный силлогизмъ, или только нѣкоторыя *). Сколь тщетна такая утонченность въ ученіи объ умозаключеніяхъ, очевид-

* Подробнѣйшее раскрытіе всего этого см. въ Лог. Бахмана о силлог. категорич., стран. 229—286. Часть 1.

но всякому. Такія разсужденія могутъ порождаться въ головахъ умствователей тогда только, когда они до того истощатся и обмельчѣютъ, что не въ состояніи бываютъ найти для себя предметы мышленія болѣе интересные и занимательные. Въ такой дѣйствительно сухости и безплодности и находились мыслители во времена схоластическія. Разсказываютъ, что тогда со всею важностію разсуждали и горячо спорили даже о томъ, чѣмъ Каинъ убилъ брата своего Авеля, вилами или полѣномъ, и какими именно вилами или полѣномъ, дубовыми, или осиповыми, или березовыми. Никто, конечно, не усумнится, что въ мышленіи силлогистическомъ возможно видоизмѣнять сочетаніе сужденій и понятій до безконечности разнообразно—и порядочно, для разсудка отчетливо; и безпорядочно, извилисто, запутанно, правильно и неправильно, добросовѣстно и благонамѣренно, и злонамѣренно, съ различными ухищреніями, подобно тому, какъ нитки можно мотать и порядочно, и одинаково, и многоразлично, и даже такъ, что никто не распутаетъ. Но какая польза для науки слѣдить за такою возможно-многообразною дѣятельностію мышленія, а тѣмъ болѣе изучать подобныя изворотливости ея?! Суѣтнѣе нельзя ничего и представить, если припомнимъ, что существенно важныхъ и необходимыхъ для познанія человѣческаго предметовъ

столько находится въ дѣйствительности, что цѣлой жизни человѣческой недостаточно для полнаго и всесторонняго познанія и изученія ихъ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ЛОГИКИ.

Предметъ ея.

При изслѣдованіи природы нашего мышленія мы видѣли, что оно не можетъ быть безпредметнымъ и что предметомъ его должно быть что нибудь дѣйствительное, а не произвольно измышляемое, въ дѣйствительности несуществующее. Посему, производясь по прирожденнымъ намъ законамъ, оно должно по возможности соотвѣтствовать законамъ внутренняго и внѣшняго бытія предметовъ мыслимыхъ, дѣйствительно существующихъ; должно постигать и уяснять для нашего сознанія мыслимый предметъ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней его стороны, т. е. какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны объема его. Точное же соотвѣтствіе мышленія своему предмету, по объему и содержанію, и есть то, что называютъ познаніемъ истины. Посему познаніе истины и должно быть предметомъ практической части логики.

Понятіе объ истинѣ, какъ предметѣ познанія для ума ограниченнаго.

Если же истина возможна для насъ только какъ соглашеніе нашего мышленія съ предметомъ мыслимымъ, дѣйствительно уже существующимъ, слѣд. не нами сотвореннымъ *), то явно, что она есть нѣчто присходящее, усвояемое нами, а не прирождена намъ или развиваема изъ нашего *я* непосредственно. Потому въ познаваніи мы бываемъ не творцами или изобрѣтателями, а только собирателями и истолкователями для себя истины. Истина такъ же самобытно и независимо отъ нашего мышленія и познанія существуетъ въ бытіи, какъ самобытно, неизмѣнно и вѣчно существуетъ мысль Божія, приведшая все въ бытіе: какъ Творецъ отъ вѣчности созерцаетъ то или другое бытіе и все въ совокупности сущее, такъ все и осуществилось и неизмѣнно пребываетъ въ основныхъ началахъ бытія и проявленій своихъ—въ своей

*) Можемъ мы познавать и то, что существуетъ и происходитъ въ нашей личности, но не составляетъ ея самой, каковы напр. внутреннія состоянія, дѣйствія и проявленія тѣлеснаго и духовнаго организма нашего; можемъ познавать и самую личность нашу когда, такъ сказать, отвлекаемъ себя отъ самихъ себя, какъ это бываетъ въ логическомъ познаніи, когда мы познаемъ законы и формы своихъ мыслительныхъ силъ и способностей, чрезъ посредство этихъ же самыхъ силъ и способностей, или, какъ выражают-

неизмѣнной сущности и необходимо основывающихся на ней явленіяхъ и дѣйствіяхъ. Пребывая же отъ вѣчности въ умѣ Божіемъ всецѣло и нераздѣльно, какъ вѣчно неизмѣнное божественное созерцаніе бытія, истина, такъ сказать, раздробилась и ограничилась въ осуществленіи каждаго отдѣльнаго творенія каждаго рода и вида твореній, и потому сдѣлалась доступною и для умовъ ограниченныхъ. Слѣд. познавать истину умомъ ограниченнымъ, значитъ уяснять для своего сознанія и усвоять ему вѣчно неизмѣнную мысль Божію о мірѣ, вообще и въ частностяхъ его, въ его сущностяхъ и проявленіяхъ. Ибо хотя *неиспытани судове Божіи и неизслѣдовани путіе его* (по безпредѣльности существа Божія (Рим. XI, 33) *но невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 20). *Сотворилъ* (бо) *есть* (Богъ) *отъ единыя крове весь языкъ человѣчъ жити по всему лицу земному, уставивъ предъучиненная времена и предѣлы селенія ихъ, взыскати Господа, да понѣ осяжутъ его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян. XVII, 26).

ся философы, когда наше *я* обращаетъ вниманіе на самого себя и так. образомъ само дѣлается предметомъ своего мышленія и познанія; но и въ этомъ случаѣ познаніе наше не изъемлется отъ условія данной, готовой уже предметности, отдѣльной отъ мыслящей и познающей души или отъ самостоятельности нашей личности.

Раздѣленіе практической части Логики.

По такой необъятности предмета и по ограниченности мыслящаго субъекта познаніе истины, очевидно, можетъ быть достигаемо нами неиначе, какъ постепенно. Умъ ограниченный не можетъ созерцать истину вдругъ и непосредственно, во всей ея цѣлости и полнотѣ, какъ созерцаетъ ее умъ безпредѣльный, но долженъ доходить до нея мало по малу, посредствомъ мышленія, которое первоначально состоитъ преимущественно подъ вліяніемъ чувства внѣшняго и внутренняго, извѣщающаго насъ о явленіяхъ природы и духа человѣческаго. Отсюда уже возвышается къ идеямъ ума, открывающимъ послѣднюю причину и конечную цѣль всего сущаго. Такимъ образомъ различаются двѣ главныя степени или два рода познанія: познаніе *опытное* и *умозрительное*. Отсюда два отдѣленія практической части логики.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОБЪ ОПЫТНОМЪ ПОЗНАНІИ.

Виды опытнаго познанія.

Мышленіе въ предѣлахъ опыта также имѣетъ различныя степени по самому предмету и внутренней силѣ его. Ближайшимъ предметомъ его служатъ отдѣльныя явленія природы и жизни человѣческой, въ отношеніи къ которымъ оно обнаруживается наблюденіемъ. Отсюда 1, *наглядное познаніе.* А как познаніе ограничивающееся наблюденіемъ одного лица, составляетъ самую незначительную величину въ сравненіи съ неисчерпаемымъ разнообразіемъ предметовъ, то настоитъ нужда въ обмѣнѣ познаній между людьми, въ которомъ бы эта скудность личной опытности по возможности восполнялась общею опытностію человѣчества. Отсюда 2, *историческое познаніе.* То и другое познанія различаются только размѣрами и способами пріобрѣтенія; предметъ же ихъ одинъ—явленія природы и человѣческаго духа. Когда же по вѣрѣ въ разумный порядокъ сущаго и по самымъ указаніямъ опыта разумъ нашъ старается открыть въ сихъ явленіяхъ общіе силы и законы; то въ этомъ случаѣ дѣятельность его обнаруживается 3, рядомъ *предположительныхъ заключеній,* завершающихъ опытное познаніе — *Наведеніе, Аналогія и Ипотеза.*

1) НАГЛЯДНОЕ ПОЗНАНІЕ.

Источникъ его.

Наглядное познаніе, поколику оно имѣетъ предметомъ своимъ отдѣльныя явленія природы и жизни

человѣческой, возможно для насъ не иначе, какъ чрезъ непосредственное, непостижимое для насъ, соприкосновеніе къ этимъ явленіямъ нашихъ чувствъ, внутренняго или внѣшняго. Ибо высшія наши способности дѣйствуютъ на основаніи уже отвлеченныхъ представленій о предметахъ дѣйствительныхъ, вещественныхъ или духовныхъ, не имѣя возможности непосредственно соприкасаться къ чему бы то ни было дѣйствительному. Слѣд. единственнымъ источникомъ нагляднаго познанія служитъ *воззрѣніе* внѣшняго и внутренняго нашего чувства. Кто не видѣлъ, не слышалъ, не осязалъ, ни какимъ чувствомъ не прикасался къ какому либо предмету, тотъ никогда не будетъ въ состояніи имѣть отчетливое представленіе, а тѣмъ болѣе наглядное познаніе, объ этомъ предметѣ, ни о какихъ либо свойствахъ, качествахъ и принадлежностяхъ его. Слѣпорожденный, напр., сколько бы ни толковали ему о цвѣтахъ, о видахъ и формахъ растущихъ деревьевъ, никогда не возъимѣетъ точнаго представленія ни объ одномъ цвѣтѣ ни объ одномъ растущемъ деревѣ. Никогда невкушавшій сладости чувства благотворительности не пойметъ даже, какъ можно, проливая слезы, быть вполнѣ счастливымъ и довольнымъ въ душѣ своей и не желать перемѣны внутренняго своего состоянія на лучшее.

Характеръ его.

А какъ главными дѣятелями въ произведеніи нагляднаго познанія бываютъ: непосредственность отношенія или соприкосновенія какого либо изъ нашихъ чувствъ, дѣйствительность и отдѣльная особенность предмета или явленія, къ которому непосредственно соприкасается какое либо чувство наше; то отсюда происходятъ слѣдующія характеристическія свойства нагляднаго познанія:

а, Оно можетъ простираться только на внѣшность предметовъ или явленій, и потому ограничивается однѣми частностями; а общность, какъ отвлеченная совокупность многаго въ одно цѣлое, которая, по этому, основывается на внутренней существенности предметовъ, вовсе несвойственна ему.

Примѣч. Можемъ мы впрочемъ созерцать и многое вдругъ; но отъ такого созерцанія тогда только произойдетъ въ насъ наглядное познаніе, если это многое будетъ ни что иное, какъ одно цѣлое, состоящее изъ многихъ неотдѣльныхъ и необходимыхъ его частей, какъ напр. звѣздное небо, дремучій лѣсъ, вооруженная армія. Если же это многое есть совокупленіе не частей одного цѣлаго, а многихъ отдѣльныхъ цѣлыхъ, напр. обширная мѣстность, состоящая изъ полей, лѣсовъ, горъ, рѣкъ, озеръ и проч., тогда

уже произойдетъ въ насъ не познаніе собственно наглядное, а такъ-называемый бѣглый поверхностный, разсѣянный взглядъ способный только погружать созерцателя въ задумчивость и мечтаніе, т. е. въ игру разнородныхъ, несвязныхъ, неясныхъ и неотчетливыхъ мыслей и чувствованій.

б, Какъ познаніе наглядное простирается только на внѣшность отдѣльнаго предмета или явленія, то наглядно можемъ мы познавать только бытіе или бытность предмета, т. е. можемъ только удостовѣряться, что предметъ есть, существуетъ, бытствуетъ, такъ именно или иначе, въ такомъ именно или другомъ видѣ, подъ такими или другими обстоятельствами, но не познаемъ еще, что онъ есть въ существѣ своемъ.

в, Но эта поверхностность и ограниченность нагляднаго познанія вознаграждается для насъ неизмѣняемостію и общностію его для всѣхъ субъектовъ познающихъ. Эта общность и неизмѣняемость нагляднаго познанія, упрочивающая его для насъ, зависятъ отъ того, что субъективный произволъ познающаго вовсе не имѣетъ мѣста въ наглядномъ познаніи, а что оно подлежитъ чистой необходимости: чувства наши, какъ внѣшнее такъ и внутреннее, способны только принимать представляющееся имъ и какъ бы ударяющееся объ нихъ дѣйствительное, такъ именно

какъ оно дѣйствительно представляется имъ; а произвольно вымышлять, измѣнять и разнообразить, или на соображеніяхъ построивать свои воззрѣнія, такъ или иначе, они не могутъ; въ этомъ дарѣ природа отказала имъ; потому какъ что есть въ дѣйствительности, такъ и отражается въ томъ или другомъ чувствѣ нашемъ.

Отъ этихъ частныхъ свойствъ нагляднаго познанія происходитъ то общее его свойство, что оно существеннымъ характеромъ своимъ всегда имѣетъ *очевидность* для насъ, т. е. такое свойство познанія, которое принудитъ насъ признать истинность бытности явленія, безъ всякихъ другихъ доказательствъ и убѣжденій, кромѣ неотразимаго убѣжденія чувства нашего (разумѣется, въ нормальномъ состояніи человѣка).

Увѣренность въ истинѣ чувственнаго воззрѣнія.

Оттого-то такъ легко и скоро рождается въ насъ *увѣренность* въ истинѣ чувственнаго воззрѣнія. Что очевидно для насъ, въ томъ мы безпрекословно увѣряемся и принимаемъ его за истинное потому только, что оно съ очевидностію отразилось въ непосредственномъ воззрѣніи какого либо чувства нашего.

Но что именно понуждетъ насъ съ такою увѣрен-

ностію полагаться на свои чувства и такъ рѣшительно принимать воззрѣнія ихъ за истинныя, когда говорятъ, что чувства наши часто ошибаются и вводятъ насъ въ заблужденія? Природное назначеніе нашихъ чувствъ внутренняго и внѣшяго быть бдительными стражами на всѣхъ концахъ и предѣлахъ нашей природы тѣлесной и духовной, и извѣщать сознаніе наше о всемъ томъ, что прикасается къ той или другой сторонѣ нашей природы и становится въ такое или другое отношеніе къ ней. Так. образомъ, одною стороною своею границча непосредственно съ дѣйствительнымъ бытіемъ, внѣ насъ и въ насъ самихъ существующимъ, а другою съ самосознаніемъ нашимъ, чувства наши находятся въ ближайшемъ и тѣснѣйшемъ отношеніи съ самосознаніемъ, нежели со всѣми прочими силами и способностями нашими. Потому до сознанія нашего доходятъ свѣдѣнія о всемъ бытномъ, приражающемся къ нашимъ чувствамъ, первѣе всего, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, безъ всякихъ измѣненій и преобразованій, потому-что чувствамъ, какъ сказано, несвойственно дѣлать измѣненія въ своихъ воззрѣніяхъ. Притомъ же приращеніе и отраженіе въ нашихъ чувствахъ всего бытнаго, дѣйствительнаго, происходитъ одинаково во всѣхъ субъектахъ познающихъ, потому-что нормальное устройство и приспособленіе нашихъ чувствъ къ бытію дѣйствительному у всѣхъ одинаково, какъ показываетъ физіологія. Потому-то все, что доводится до сознанія нашего тѣмъ или другимъ чувствомъ и что дѣйствительно сознано нами, есть уже не мечта, но существуетъ въ духѣ нашемъ идеально, такъ же дѣйствительно, какъ оно дѣйствительно существуетъ для нашихъ чувствъ въ бытіи дѣйствительномъ— реально. Слѣд. чувствамъ нашимъ несвойственно обманываться и вводить насъ въ заблужденія; обманъ и заблужденія естественно возможны уже въ области разсудочнаго мышленія, которое свободно, по своему усмотрѣнію и по своимъ цѣлямъ, такъ или иначе сочетаетъ чувственно усмотрѣнное въ бытіи дѣйствительномъ и сознанное нами. Так. образомъ увѣренность наша въ истинѣ чувственнаго воззрѣнія, съ одной стороны опираясь на очевидности нагляднаго познанія, а съ другой находясь въ неразрывной и ближайшей связи съ самосознаніемъ нашимъ, какъ средоточіемъ одного дѣйствительнаго, естественно должна быть внѣ всякой возможности подвергаться обольщеніямъ и заблужденіямъ; ибо всѣ дѣятели, ее подготовляющіе какъ то: дѣйствительность бытія предмета или явленія, подлежащаго чувствамъ и непосредственность отношенія къ нему и къ самосознанію нашихъ чувствъ, вращаются, по дѣятельности своей, въ границахъ необходимости и нисколь-

ко непричастны свободѣ измѣненій и преобразованій того, надъ чѣмъ совершается ихъ дѣятельность.

Несомнѣнность увѣренности въ истинѣ чувственнаго воззрѣнія при мысли о единомъ, истинномъ виновникѣ природы и духа человѣческаго.

По тѣсной связи съ самосознаніемъ, увѣренность наша въ истинѣ чувственнаго воззрѣнія можетъ восходить на высшую степень—можетъ дѣлаться совершенно уже несомнѣнною, когда присоединяется къ ней мысль о единомъ, истинномъ Виновникѣ природы и духа человѣческаго. А этой мысли всего ближе и естественнѣе родиться въ насъ при воззрѣніи нашемъ на что либо дѣйствительное, освѣщенномъ и упроченномъ для насъ самосознаніемъ нашимъ. Въ самосознаніи нашемъ, какъ средоточіи одного дѣйствительнаго, заключается корень и сѣмя всего того, что есть въ мышленіи и сознаніи нашемъ человѣческаго — ограниченнаго, и ничего независимаго, тѣмъ болѣе творческаго, въ собственномъ смыслѣ слова. Это говоритъ намъ само же самосознаніе наше. Самый первый актъ его—самое первое его выступленіе —сознаніе своего *я* и *не я*—наводитъ на ту мысль, что все въ насъ и внѣ насъ ограничено, конечно, зависимо. *Я* подъ тѣмъ только условіемъ и можетъ сознавать себя, если противополагаетъ себѣ *не я*, т. е. мы тогда только можемъ сознавать и отличать свою личность

отчетливо, когда противополагаемъ ей что нибудь, внѣ ея существующее. Потому-то раскрытіе самосознанія нашего возможно только среди бытія дѣйствительнаго, отдѣльно отъ насъ существующаго, но съ нами сосуществующаго и какимъ-нибудь образомъ, къ какой либо сторонѣ нашей природы нашей личности вообще соприкасающагося. И потому при раскрытіи самосознанія нашего логически неизбѣжны въ насъ мысли: Я потому *я*, что есть *не я*; *я* потому только существую и дѣйствую, что есть *не я*. Мое *я* потому только мыслитъ и познаетъ, что есть противоположное ему и что самая сущность моего *я* необходимо требуетъ противоположенія себѣ; потому только и дѣйствуетъ, что его зависимость и относительность возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ и сознаніе самого себя и всю дѣятельность его по отношенію ко всему, внѣ его существующему. Что мое *я* сознаетъ себя, тому причиною то, что оно существуетъ совмѣстно съ отдѣльными отъ него бытіями дѣйствительными; слѣд. основаніе самосознанія нашего въ насъ самихъ. А почему мое *я* существуетъ и почему сосуществуютъ ему отдѣльныя отъ него бытія, того оно не сознаетъ; слѣд. причина бытія, какъ моего *я*, такъ и всего отдѣльнаго отъ него, заключается внѣ самосознанія нашего. Так. образомъ въ самой основѣ самосознанія нашего заключается естественное и не-

обходимое основаніе той, прямо разумной и истинной мысли, что необходимо долженъ быть самосущій, разумный, неограниченный и ни отъ чего независимый Виновникъ всякаго бытія внѣ насъ и самаго духа нашего, познающаго все бытное, и что слѣд. воззрѣнія нашихъ чувствъ, какъ отправленія познающаго духа нашего, не суть праздная или случайная игра, безъ цѣли и значенія, но суть явленія дѣйствительныя, въ порядкѣ общаго бытія необходимыя, отъ дѣйствительныхъ силъ и причинъ происходящія. Ибо противное сему несообразно съ разумностію и всѣми свойствами и совершенствами Творца природы и духа нашего, долженствующаго, по назначенію самаго же Творца, познавать сотворенную Имъ природу и самого себя.

Дѣйствительное бытіе внѣшняго міра.

Итакъ все, сказанное о свойствахъ и условіяхъ нагляднаго познанія, неопровержимо доказываетъ вмѣстѣ и дѣйствительность бытія внѣшняго міра. Ибо, если истина возможна для насъ только какъ соглашеніе нашего мышленія съ предметомъ мыслимымъ, если и самое мышленіе наше возможно только подъ условіемъ дѣйствительной, предметности; если и чувственныя воззрѣнія наши возможны также подъ условіемъ только данной, готовой предметности и не-

посредственнаго ея соприкосновенія съ нашими чувствами; то все это логически необходимо ведетъ къ тому заключенію, что дѣйствительно существуетъ внѣ насъ разнообразное бытіе съ разнообразными, по непреложнымъ законамъ своимъ происходящими явленіями и дѣйствіями. Такое очевидное заключеніе дѣлается для насъ тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что и самое чувство общечеловѣческое подтверждаетъ его. По его живому и понудительному дѣйствію всякъ, безъ помощи мышленія и умозаключеній, почелъ бы страннымъ и смѣха достойнымъ, если бы кто, подвергаясь солнечному зною, потѣя и млѣя отъ него, сталъ требовать сторонняго или собственнаго разсудочнаго увѣренія въ томъ, дѣйствительно ли жжетъ его солнце и дѣйствительно ли существуетъ солнце; или: томясь голодомъ и жаждою, потребовалъ бы доказательствъ на то, дѣйствительно ли онъ голоденъ и жажденъ.

Идеализмъ.

Но были мыслители, которые сильно вооружались противъ дѣйствительности всякаго бытія внѣ насъ, или только противъ достаточности и соотвѣтствія нашихъ представленій и познаній вещамъ представляемымъ и познаваемымъ. Это идеалисты.

Идеализмъ проявлялся въ различныхъ видахъ и

представленіяхъ; но главная, отличительная черта его та, что въ немъ или вовсе отвергается всякое дѣйствительное бытіе внѣ насъ и утверждается, что наши представленія и познанія производятся одною самодѣятельностію нашего духа, или внѣшнее бытіе допускается, но отстраняется отъ всякаго участія въ произведеніи въ насъ представленій; слѣд. наши представленія и познанія также приписываются одной, уединенной самодѣятельности нашего духа, или наконецъ познающій духъ нашъ признается только страдательнымъ орудіемъ откровенія въ насъ идей божественныхъ. Слѣд. отъ чистаго скептицизма, во всемъ сомнѣвающагося и ни на чемъ неутверждающагося, идеализмъ отличается тѣмъ, что хочетъ найти нѣчто твердое, постоянное, или въ нашемъ духѣ и его внутреннихъ законахъ, или въ идеяхъ Существа Верховнаго; но никакъ не въ окружающемъ насъ мірѣ, подлежащемъ внѣшнему или внутреннему нашему чувству непосредственно. Такъ *Фихте* училъ, что нѣтъ дѣйствительнаго бытія внѣ насъ; что все, что мы представляемъ, есть произведеніе самодѣятельности нашего духа; наши мысли, наши самоопредѣленія, говоритъ онъ, и суть то, что̀ мы называемъ вещами. *Кантъ* проповѣдывалъ, что̀ познанія наши имѣютъ только подлежательную значимость, только формальное значеніе; ибо для насъ, говоритъ онъ, все

содержаніе посредствуется возбужденіемъ неизвѣстной намъ вещи самой въ себѣ. Наши познанія, продолжаетъ онъ, не потому не имѣютъ предметной достаточности, что неизвѣстно, есть ли вещи внѣ насъ: бытіе внѣшнихъ вещей несомнѣнно; но мы познаемъ ихъ не такъ, какъ онѣ сами въ себѣ, а по нашимъ формамъ; чувственные предметы мы облекаемъ въ наши подлежательныя формы пространства и времени, судимъ о предметахъ по формамъ разсудка—по категоріямъ; идеи разума суть только подлежательныя требованія возможно высшаго единства въ познаніи. *Лейбницъ* допускалъ и Высочайшее Существо, и себя, и предметы внѣ себя; но касательно познанія внѣшнихъ предметовъ утверждалъ, что душа наша сама изъ себя рождаетъ всѣ представленія и образуетъ познанія, совершенно независя отъ впечатлѣнія предметовъ; что существо простое и не можетъ принимать впечатлѣній. *Эккартсгаузенъ* утверждалъ, что истинность чувственныхъ познаній есть только относительная къ свойствамъ и состояніямъ нашихъ чувствъ, т. е. потолику такое или другое познаніе мы можемъ принимать за истинное, поколику такова или инакова наша организація или состояніе чувственныхъ органовъ; съ перемѣною же организаціи должны измѣниться и наши познанія, должна измѣниться для насъ и истина. Для устрицы, говоритъ онъ,

міръ несравненно менѣе и ограниченнѣе, нежели для животныхъ, имѣющихъ болѣе чувствъ, слѣпому напрасно говорили бы о цвѣтахъ и о всѣхъ другихъ красотахъ видимой природы. Для больнаго желтухою вещи всѣ представляются желтыми. Такимъ-то образомъ, продолжаетъ онъ, если бы какой другой родъ существъ или мы сами получили чувства гораздо тончайшія, или получили болѣе чувствъ, нежели пять, или чувства совершенно иныя; то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился бы видъ всѣхъ вещей, измѣнилось бы небо, земля и вся вселенная, явился бы новый міръ, столь же невообразимый для насъ въ нынѣшнемъ состояніи, сколько и нашъ міръ неизвѣстенъ для имѣющихъ иную организацію.

Декартъ, а за нимъ *Малебраншъ* учатъ, что въ человѣкѣ не самъ человѣкъ, а Богъ производитъ представленія, мысли и дѣйствія. Мы все видимъ, говоритъ Малебраншъ, въ Богѣ — въ идеяхъ Его, которыя онъ имѣетъ какъ о высшемъ духовномъ мірѣ, такъ и о мірѣ матеріальномъ. Это основное начало Малебраншева ученія заимствованнаго отъ Декарта, основано на томъ предположеніи, будто разнородныя субстанціи не могутъ дѣйствовать одна на другую. Потому и говоритъ Малебраншъ, согласно съ Декартомъ: дѣйствовать на вещи, столь разнородныя, каковы душа и тѣло, можетъ одна всемогущая сила; она какъ

устроила міръ духовный и матеріальный, такъ и на минуту не оставляетъ ихъ. Это есть продолжающееся твореніе. Божественная сила все исполняетъ своимъ дѣйствіемъ, такъ что безъ нея ни что не могло бы дѣйствовать. Для души она есть какъ бы-міръ духовный, съ которымъ сія существенно имѣетъ сообщеніе. Ибо это понятно, какъ однородное можетъ дѣйствовать на однородное; а душа есть нѣкоторымъ образомъ однородна съ Существомъ Высочайшимъ. Но какъ душа можетъ имѣть сообщеніе и взаимодѣйствіе съ матеріею, это вовсе непонятно. Та же Божественная сила, которая дѣйствуетъ въ душѣ, устроила и міръ матеріальный по своимъ идеямъ, и все, въ немъ существующее, объемлетъ, видитъ и знаетъ. Душа человѣка съ духомъ Божіимъ находится въ сообщеніи и въ немъ только, чрезъ сообщеніе съ Нимъ, все видитъ и познаетъ, болѣе или менѣе совершенно, смотря по степени бóльшей или мѐньшей близости къ Нему. Итакъ имѣть представленія о мірѣ, говоритъ Малебраншъ, значитъ видѣть въ Богѣ идеи о вещахъ чувственныхъ. И какъ Богъ производитъ не только всѣ движенія въ мірѣ матеріальномъ, но и всѣ видоизмѣненія въ душѣ; то онъ же въ каждое мгновеніе, въ которое происходитъ такое, а не другое чувственное явленіе и впечатлѣніе въ тѣлѣ, производитъ въ душѣ такое, а не другое представленіе, и въ каждое мгно-

веніе, когда душа внутреннія свои движенія и желанія хочетъ извести, обнаружить, оплодотворить во внѣшности, Божественною силою производятся въ тѣлѣ и въ мірѣ матеріальномъ движенія, соотвѣтственныя желаніямъ души (systema causarum occasionalium seu systema assistentiae divinae).

Въ какомъ смыслѣ и въ какомъ изъ этихъ направленій ни взять идеализмъ, во всякомъ случаѣ онъ оказывается несообразнымъ съ здравою логикою, вреднымъ по своимъ слѣдствіямъ для науки, вреднымъ и неизчислимо богатымъ странностями въ практической жизни.

Логическая несообразность идеализма.

Если ни что внѣ насъ не существуетъ, какъ утверждаетъ Фихте, а только подлежательно существуютъ для каждаго изъ насъ свои представленія вещей, производимыя самодѣятельностію нашего духа; то эти самородныя, изъ ничего производимыя представленія должны быть: 1, или постоянно въ насъ остающимися, или всякій разъ, какъ производитъ ихъ самодѣятельность духа, смѣняются и вытѣсняются одни другими и такимъ-образомъ навсегда исчезаютъ для насъ; 2, или одинаковы во всѣхъ и въ каждомъ субъектѣ порознь, при каждой возобновляющейся самодѣятельности духа, или различны какъ во всѣхъ

субъектахъ одного отъ другаго, такъ и въ каждомъ субъектѣ, при каждомъ возобновленіи самопроизведенія ихъ.

1. Если, однажды будучи произведены, представленія наши остаются въ духѣ нашемъ навсегда и неизмѣнно; то слѣдуетъ, что духъ нашъ или мыслитъ о своихъ самодѣлковыхъ представленіяхъ, или не мыслитъ. Если мыслитъ, то съ произведеніемъ перваго же представленія своего онъ ограничивается имъ, вторымъ болѣе, и наконецъ скоро долженъ лишиться привиллегіи быть самодѣятельнымъ и неограниченнымъ, и мыслить уже о положительныхъ, данныхъ, хотя и подлежательно, представленіяхъ своихъ. Если же не мыслитъ о производимыхъ самодѣятельно представленіяхъ своихъ, а только производитъ новыя до безконечности; то слѣдуетъ, что самодѣятельность его производится безъ всякой цѣли и безъ всякаго, значенія, для одного празднаго препровожденія времени.

Если же представленія наши не остаются постоянными и неизмѣнными въ самодѣятельно производящемъ ихъ духѣ нашемъ, но при всякой самодѣятельности его смѣняются и вытѣсняются другими, другія третьими и т. д., и такимъ образомъ каждое предшествующее уничтожается съ возрожденіемъ послѣдующаго за нимъ; то представленія эти: а) не могутъ

быть названы дѣятельностію разумною; в) они должны производиться безъ всякихъ опредѣленныхъ законовъ дѣятельности духовной; с) безъ всякой опредѣленной цѣли, и потому d) не имѣютъ никакого значенія и не заключаютъ въ себѣ никакого интереса для самого субъекта, ихъ производящаго, какъ скоро преходящія и невозвратно исчезающія и слѣд. составляютъ не одну праздную игру произвольной, ни начемъ основывающейся и ни къ чему не относящейся самодѣятельности духа.

2. Если субъективный міръ представленій бываетъ одинаковъ во всѣхъ вообще и въ каждомъ порознь субъектѣ, при всякомъ возобновленіи самодѣятельности духа; то слѣдуетъ, что этотъ міръ представленій производится въ насъ по опредѣленнымъ для всѣхъ и неизмѣннымъ законамъ духовной дѣятельности. Если же духъ нашъ подчиненъ опредѣленнымъ законамъ въ его дѣятельности, то онъ ограниченъ въ дѣятельности своей, а потому невсемогущъ, слѣд. изъ ничего и безотносительно представленій производить не можетъ. Да для такой безпредметной дѣятельности, какъ идеалистическія представленія Фихте, и невозможны никакіе законы. Ибо законъ есть ограниченіе чего нибудь въ отношеніи къ чему нибудь; а самодѣятельный духъ Фихте, до произведенія имъ самодѣлковаго представленія, находится чи-

то уединеннымъ, какъ-бы въ пустомъ, ничѣмъ ненаполненномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ ничего даннаго, около чего вращалась бы его самодѣятельность, слѣд. закону и нечего здѣсь ограничивать. Такимъ образомъ допущеніе одинаковости идеалистическихъ представленій во всѣхъ субъектахъ и въ каждомъ порознь есть вмѣстѣ и опровержение ихъ.

Если же эти представленія производятся различно во всѣхъ субъектахъ, и въ каждомъ субъектѣ бываютъ неодинаковы при всякомъ возобновленіи самодѣятельности духа; то слѣдуетъ, что они а) производятся безъ всякихъ опредѣленныхъ законовъ, а потому b) не могутъ и не должны имѣть никакой опредѣленной цѣли. Ибо цѣль есть мѣта, какъ бы опредѣленная точка, къ которой направляется какая либо дѣятельность; а тутъ (въ идеалистической, различно выражающейся самодѣятельности) самое различіе и непостоянство представленій, исключаютъ всякую возможность и всякое понятіе о цѣли, какъ объ одной опредѣленной мѣтѣ или точкѣ. Имѣть же цѣлію самодѣятельности и самопроизведенія представленій самыя представленія, имѣющія еще произойти отъ этой самодѣятельности духа, значило бы мѣтить въ нѣчто несуществующее, въ ничто.

И умѣреннѣйшій, чѣмъ Фихтевъ идеализмъ, допускавшій по крайней мѣрѣ бытіе внѣшняго міра, а

только отвергавшій возможность вліянія внѣшнихъ впечатлѣній на произведеніе въ насъ представленій, не болѣе сообразенъ съ здравою логикою человѣческою.

Если вещи внѣ насъ дѣйствительно существуютъ, но мы представляемъ и познаемъ ихъ не такъ, какъ онѣ сами въ себѣ; то откуда берутся въ насъ эти представленія и познанія? Самодѣятельный, говорятъ, духъ нашъ самъ изъ себя производитъ ихъ по прирожденнымъ ему формамъ, подлежательно. Если такъ, то представленія его и познанія или относятся къ міру дѣйствительному, или не относятся. Если относятся, то они должны изображать собою вещи міра дѣйствительнаго, и слѣд. и соотвѣтствовать имъ. На чемъ же будетъ основываться это ихъ соотвѣтствіе? Очевидно, ни на чемъ болѣе, какъ на признакахъ, свойствахъ и принадлежностяхъ изображаемыхъ ими вещей. Слѣд. самодѣятельный духъ нашъ не самъ изъ себя производитъ представленія, а только вещи дѣйствительныя переводитъ на представленія. Если же наши представленія и познанія, изображая собою вещи дѣйствительныя, не соотвѣтствуютъ ихъ природѣ; то отъ чего зависитъ это несоотвѣтствіе? Если отъ невозможности для насъ представлять и познавать вещи такъ, какъ онѣ есть по природѣ своей; то значитъ, что наша способность представлять и познавать не приспособлена къ міру дѣйствительному дана намъ не впопадъ. А это будетъ значить, что Творецъ или не могъ дать намъ способностей совершенныхъ, или не хотѣлъ. Но та и другая мысль недостойны Творца.

Если же представленія и познанія наши вовсе не относятся къ міру дѣйствительному; то что они изображаютъ собою? Вещи, говоритъ Кантъ и другіе идеалисты сего рода. Какія же вещи, гдѣ существующія? Не говорятъ они ясно, что самодѣятельный духъ сначала творитъ вещи, а потомъ уже производитъ представленія и познанія о нихъ; но по ихъ же системѣ можно допустить это. А когда допустимъ это: то необходимо должны допустить и то, что человѣкъ есть или творецъ міра, или вовсе чуждъ его: какъ первое, такъ и послѣднее — нелѣпо. Такимъ образомъ и сего рода идеализмъ ведетъ къ однимъ противорѣчіямъ и запутанностямъ.

Тотъ же пантеистическій идеализмъ, который представляетъ человѣка только страдательнымъ орудіемъ Откровенія въ немъ идей Божественныхъ, нетолько несообразенъ съ здравою логикою, но идетъ вопреки и общечеловѣческому чувству и смыслу, и всему порядку вещей въ природѣ вещественной и духовной и всѣмъ завѣтнымъ истинамъ и убѣжденіямъ человѣчества, естественнымъ и откровеннымъ. Ибо если человѣкъ

не можетъ самъ собою мыслить и даже представлять вещи, дѣйствующія на его чувства, а самъ Богъ за него и чрезъ него мыслитъ, представляетъ и дѣйствуетъ; то а) человѣкъ есть существо какое-то мертвенное или, по крайней мѣрѣ, только полуживое, неимѣющее ни свободы, ни личности, ни самостоятельности; в) Богъ въ такомъ разѣ, неиначе можетъ быть понимаемъ, какъ соучаствующимъ во всѣхъ такихъ хлопотахъ и суетахъ, но ничего въ полномъ совершенствѣ непроизводящимъ художникомъ; и не только неограничивающимъ человѣческаго произвола, по достоинству ненаграждающимъ добродѣтели и ненаказывающимъ зла нравственнаго, но самъ производящимъ оное.

Вредныя слѣдствія идеализма для науки.

Сколь ни странны всѣ эти несообразности различнаго рода и направленія идеализма,но не слѣдуетъ думать, что философы-идеалисты съ умысломъ вдавались въ такія крайности, по одному суетному желанію отличиться странностями, или по злому намѣренію—заградить для ума человѣческаго прямые пути мышленія и познанія столь близкаго и роднаго намъ бытія дѣйствительнаго. Нѣтъ, все здѣсь зависѣло отъ того, что они брались изъяснить неизъяснимое въ самыхъ первыхъ начаткахъ нашего познанія — въ познаніи

наглядномъ, т. е. хотѣли изъяснить то, какимъ-образомъ невещественная душа мыслитъ и познаетъ вещественное, которое вслѣдствіе нашего мышленія и познаванія, какъ бы переселяется въ нашу душу со всѣми своими свойствами и даже вещественными принадлежностями, и такимъ образомъ какъ бы сливается съ нашимъ духомъ. А этотъ вопросъ совпадаетъ съ тѣмъ неудоборазрѣшимымъ вопросомъ, надъ которымъ столько умовъ и столько вѣковъ трудилось безъ успѣха, именно вопросомъ о связи души съ тѣломъ. Сколь же важны и интересны для насъ эти вопросы,—что истинное, полное и всестороннее рѣшеніе ихъ повело бы къ открытію предъ нами истины во всей ея полнотѣ и наготѣ,—это всякому очевидно. Слѣд. философы-идеалисты трудились въ пользу науки — чтобъ оказать ей услугу въ вѣковыхъ ея трудахъ и усиліяхъ. Но какого достоинства оказывается эта ихъ услуга? Изъ самыхъ началъ, на которыхъ они построяли свои системы, можно уже видѣть, что идеализмъ способенъ не пособлять наукѣ, а только подавлять и искоренять ее до основанія: онъ идетъ путемъ, совершенно противоположнымъ тому, какой единственно естественъ и надеженъ для нашего мышленія и познанія, слѣд. и для всякой науки. Мы видѣли выше и послѣ увидимъ, что первое и самое существенное

условіе для возможности осуществленія мышленія и ознанія нашего то, чтобъ была для нихъ предметность внѣшняя, или и внутри насъ, но предметность дѣйствительная, положительная, опредѣленная, съ признаками и явленіями дѣйствительными и постоянными, къ нашимъ чувствамъ, внѣшнему или внутреннему, дѣйствительно прикасающимися, и потому дающими намъ возможность созерцать и наблюдать ихъ, повторять и повѣрять свои воззрѣнія и наблюденія, а иногда и сличать ихъ, для повѣрки и пополненія, съ воззрѣніями и наблюденіями другихъ. Но идеализмъ этого-то важнаго условія и чуждается; слѣд. онъ хочетъ воздвигать зданіе безъ фундамента и даже безъ грунта; хочетъ писать портретъ въ одной пустой рамкѣ, безъ холста и красокъ, на пустомъ пространствѣ, сухою кистью, и даже безъ всякаго возможнаго оригинала, предлежательнаго или подлежательнаго, подлиннаго или хотя бы то вымышленнаго. Что же почерпнетъ изъ него наука? Съ чѣмъ будетъ сличать и чрезъ что̀ повѣрять такое или другое его положеніе, такой или другой его выводъ? Какой извлечетъ результатъ, какое и къ чему сдѣлаетъ приложеніе изъ самыхъ, положимъ, строгихъ и въ логическомъ развитіи своемъ послѣдовательныхъ системъ идеалистическихъ? Притомъ же извѣстно, что наше мышленіе, и относясь къ одному опредѣленному

предмету, и производясь по однимъ опредѣленнымъ законамъ въ различныхъ субъектахъ различно можетъ видоизмѣняться, по различію личныхъ взглядовъ, направленій, расположеній и предрасположеній душевныхъ, по степени образованія и проч. Но тутъ есть возможность каждому повѣрить весь ходъ умственной работы мыслителя, потому-что онъ мыслитъ о предметѣ опредѣленномъ, для всѣхъ одинаково существующемъ предлежательно. Что же произошло бы съ нашимъ мышленіемъ и зависящимъ отъ него познаніемъ, если бы, такъ сказать, не приковать ихъ къ одной опредѣленной и неизмѣнной, для всѣхъ общей дѣйствительности! Управляясь свободою, какъ неотъемлемою принадлежностію своею, мышленіе, въ такомъ случаѣ, могло бы разнообразиться и видоизмѣняться до безконечности, въ одномъ субъектѣ такъ, въ другомъ иначе. А при такомъ порядкѣ вещей нечего и думать объ усовершенствованіяхъ и практическихъ приложеніяхъ науки: безъ дѣйствительной предметности и безъ одной общей и опредѣленной цѣли нельзя и вообразить какой либо практики или какихъ нибудь усовершенствованій. Съ другой стороны, труженикъ науки можетъ трудиться для нея съ усердіемъ и ревностію тогда только, когда предметъ ея первоначально заинтересуетъ его своею очевидною для чувства истинностію, а потомъ разумнымъ убѣж-

деніемъ, что выводы ея могутъ имѣть приложеніе къ нуждамъ и интересамъ практической жизни человѣчества. Что же заинтересуетъ его въ идеализмѣ, гдѣ все безцвѣтно и безжизненно, гдѣ нѣтъ ничего дѣйствительнаго, постояннаго, для всѣхъ общаго, а все только кажущееся, призрачное, потому ни на что въ дѣйствительной жизни негодное? Такимъ образомъ идеализмъ можетъ производить только всеобщее охлажденіе къ наукѣ и отвращеніе отъ нея.

Вредъ и странность идеализма въ практической жизни.

Состояніе науки или вообще господствующее въ умахъ направленіе мыслей и чувствованій, господствующія теоретическія убѣжденія и вѣрованія не могутъ оставаться безъ вліянія на практическую жизнь человѣка, на всѣ его дѣйствія, поступки и отношенія. Ибо поступки, дѣйствія и отношенія человѣка бываютъ слѣдствіемъ не однихъ инстинктивныхъ влеченій, какъ у животныхъ, но болѣе или менѣе осуществляютъ собою его мысли; вѣрованія и убѣжденія, его постоянныя или мимолетныя понятія о самомъ себѣ, объ отношеніяхъ къ нему и значеніи для него всего окружающаго его. Если смотрѣть на идеализмъ съ этой стороны, то онъ представляется не пустымъ чѣмъ нибудь, немогущимъ имѣть никакого значенія для жизни практической, но безмѣрно вред-

нымъ для нея во всѣхъ отношеніяхъ, страннымъ и чудовищнымъ въ приложеніи его ко всѣмъ дѣйствіямъ и поступкамъ человѣка, частнымъ и общественнымъ, нравственнымъ и религіознымъ. Ибо если ничто внѣ насъ не существуетъ, или существуетъ, но недоступно для нашего мышленія и познанія, для всякого взаимодѣйствія съ силами и способностями нашими,—или же соотношенія и взаимнодѣйствія наши съ нимъ возможны только чрезъ посредство самаго Бога, то изъ первыхъ двухъ положеній само собою явствуетъ, что человѣкъ только самъ по себѣ и для себя можетъ и долженъ существовать и дѣйствовать, независимо и неограниченно; а изъ послѣдняго, —что онъ самъ по себѣ не можетъ ни дѣйствовать, ни мыслить, ни чувствовать, ни производить какое либо дѣйствіе или движеніе. Если же человѣкъ только самъ по себѣ и для себя можетъ и долженъ существовать и дѣйствовать независимо и неограниченно; то первое практическое приложеніе необходимо вытекаетъ отсюда-то, что эгоизмъ, независимость и неподчиненность ничему стороннему, внѣшнему суть первыя и существеннѣйшія условія совершенства и достоинства человѣка. А это прямо ведетъ къ тому, что для него не могутъ, не должны существовать никакія обязанности и отношенія; одна только развѣ обязанность была бы естественна для

него и неоскорбительна для его личности но чаще засматриваться на свое всетворящее я, любоваться имъ и благоговѣть предъ нимъ безпредѣльно. Слѣд. и религія возможна для него въ одномъ развѣ самоублаженіи и безпредѣльномъ благоговѣніи предъ своимъ *я*. Подвиги и услуги для общаго блага человѣчества, самоотверженія и пожертвованія, возвышенныя чувствованія дружбы, любви и благожеланія, не могутъ имѣть мѣста въ немъ, потому-что все это безъ внѣшней дѣйствительности не может имѣть никакого значенія и приложенія, и потому было бы даже неестественно. Такимъ образомъ идеалистъ, съ убѣжденіемъ отвергающій всякое внѣшнее бытіе, или допускающій его, но отвергающій всякую возможность соотношенія нашего съ нимъ, необходимо въ этомъ отношеніи долженъ быть безбожнымъ и безнравственнымъ и для общества ни къ чему негоднымъ и даже зловреднымъ членомъ. Въ жизни частной, въ ежедневныхъ отношеніяхъ и связяхъ, онъ долженъ быть не только вреднымъ и тягостнымъ для себя и для другихъ, но страннымъ и смѣшнымъ до уродливости. Ибо если ничто внѣ его не существуетъ, или существуя, не можетъ имѣть къ нему дѣйствительнаго отношенія; то нечего ему и заботиться о потребностяхъ и нуждахъ житейскихъ. Потому, предлагаютъ ли ему готовую даже пищу, онъ не долженъ и прикасаться къ ней, если хочетъ быть вѣрнымъ убѣжденіямъ, потому-что она есть только подлежательное представленіе его духа. Угрожаетъ ли паденіемъ обветшавшее его жилище, ему не слѣдуетъ заботиться о поддержаніи и исправленіи его, какъ несуществующаго дѣйствительно. Требуетъ ли заботъ и попеченій страждущее отъ голода и холода семейство его, и это одна идеальность, которой ничто внѣшнее не соотвѣтствуетъ. Относится ли кто съ рѣчью къ нему, на нее онъ можетъ и не отвѣчать членораздѣльно, а только развѣ въ духѣ своемъ, идеально, подлежательно можетъ бесѣдовать съ нимъ. Кратко сказать: еслибы собрать цѣлое общество идеалистовъ сего рода и они во всемъ были бы вѣрны своему идеализму, то вся ихъ жизнь была бы одною непрерывною, повсемѣстною и самою смѣшною комедіей, а иногда и поразительною трагедіей.

Если же человѣкъ самъ собою не можетъ ни мыслить, ни чувствовать, ни дѣйствовать, а все это производитъ и осуществляетъ въ немъ самъ Богъ непосредственно, въ угожденіе его желаніямъ (потому-что идеалисты сего рода, по смыслу ихъ идеализма, могутъ сами собою желать); то въ приложеніи къ практической жизни это ученіе должно имѣть такой смыслъ: что человѣкъ безотвѣтенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, мысляхъ и чувствованіяхъ.

Слѣд. никакой законъ не лежитъ на немъ. А коль скоро человѣкъ не подлежитъ никакому закону и никакой отвѣтственности, а между тѣмъ онъ не чуждъ дѣйствительныхъ отношеній къ міру дѣйствительному, желанія воли его могутъ производиться въ немъ самомъ непосредственно и Богомъ должны приводиться въ дѣйствіе и исполненіе непремѣнно, то явно, что этого рода идеализмъ зловреднѣе для жизни практической всѣхъ родовъ идеализма. Ибо всякій идеализмъ, отвергающій внѣшнее бытіе, или только возможность соотношеній съ нимъ человѣка, держась строгой логической послѣдовательности, можетъ и долженъ всего чуждаться и утопать только въ эгоизмѣ и самообольщеніяхъ; а этотъ идеализмъ, вслѣдствіе той же послѣдовательности въ теоретическомъ развитіи своемъ, въ приложеніи къ практикѣ позволяетъ послѣдователямъ своимъ смѣло предаваться всѣмъ дѣйствительнымъ и возможнымъ излишествамъ, наслажденіямъ и пресыщеніямъ, всѣмъ злодѣяніямъ и своевольствамъ, безъ всякой мѣры и безъ всякихъ границъ, потому-что свойство желаній человѣка, ничѣмъ неограничиваемыхъ и необуздываемыхъ — безконечно желать и стремиться и ничѣмъ не удовлетворяться.

Но обратимся отъ несбыточныхъ и шаткихъ мечтаній идеалистическихъ къ твердой и несомнѣнной

для насъ дѣйствительности, и присмотримся къ наглядному познанію, — которое всегда служило камнемъ преткновенія для всѣхъ идеалистовъ, въ какой формѣ оно можетъ и должно осуществляться и развиваться въ насъ, сообразно съ законами познающаго нашего духа и съ природою предметовъ познаваемыхъ.

Форма нагляднаго познанія.

Въ наглядномъ познаніи, какъ сказано, мы имѣемъ дѣло съ однѣми частностями, и притомъ съ одною внѣшностію частныхъ, отдѣльныхъ предметовъ или явленій бытія дѣйствительнаго. А эта внѣшняя частность бываетъ болѣе или менѣе сложна въ своихъ явленіяхъ, по отношеніямъ и связи съ другими частностями, и потому болѣе или менѣе преходяща и измѣняема. Поэтому, чтобы уловить ее и отчетливо усвоить сознанію нашему, какъ опредѣленное познаніе, нужно внимательно присматриваться къ ней, примѣчать, различать, отдѣлять, сравнивать, ограничивать, — однимъ словомъ — наблюдать. Такимъ образомъ *общая форма всякаго нагляднаго познанія*, въ какихъ бы — то ни было пріемахъ, степеняхъ и размѣрахъ, *есть наблюденіе*, которое, поэтому, и состоитъ главнымъ образомъ въ обращеніи нашего внима-

нія на отдѣльное опредѣленное, явленіе или предметъ въ явленіи.

Явно, что понимаемое такимъ образомъ наблюденіе необходимо уже и въ самой первой степени нагляднаго познанія—въ чувственномъ воззрѣніи. Но воззрѣніе и наблюденіе различаются между собою слѣдующими чертами:

1. Чувственнымъ воззрѣніемъ мы познаемъ только бытіе явленія или предмета приразившагося къ какому либо чувству нашему; а наблюденіемъ познаемъ и то, каково это явленіе или этотъ предметъ и отъ чего происходитъ, съ какими видимыми свойствами, качествами и принадлежностями и въ какомъ находится отношеніи къ другимъ явленіямъ или предметамъ.

2. Воззрѣніе можетъ касаться одного только недѣлимаго предмета или явленія; а наблюденіе и многихъ вмѣстѣ, но неиначе, какъ по предварительнымъ воззрѣніямъ и на основаніи ихъ.

3. Воззрѣніе служитъ къ увѣренности въ дѣйствительности бытія предмета или явленія; а наблюденіе и къ раскрытію въ сознаніи и многостороннему уразумѣнію этого предмета или явленія, или и многихъ вмѣстѣ.

4. Хотя и для воззрѣнія потребно вниманіе къ явленію или предмету, но въ образованіи своемъ оно всецѣло подлежитъ закону необходимости, такъ что

если мы обращеніемъ хотя поверхностнаго вниманія къ предмету, допустили, чтобы онъ подѣйствовалъ на чувство, то уже невластны бываемъ отвратить образованіе въ насъ воззрѣнія и впечатлѣнія; а наблюденіе можетъ быть только по произволу и преднамѣренному устремленію на предметъ вниманія нашего, такъ что только отъ бóльшей или мѐньшей внимательности нашей, и слѣд. отъ бóльшаго или мѐньшаго произвола нашего, можетъ зависѣть бóльшая или мѐньшая степень совершенства нашего познанія чрезъ наблюденіе.

5. Воззрѣніе, подлежа необходимости и всецѣло завися отъ внезапности и случайности приравенія къ чувствамъ явленія или предмета, чуждо бываетъ предположенія цѣлей и намѣреній; а наблюденіе иначе и не можетъ быть въ насъ, какъ съ извѣстною, опредѣленною цѣлію, съ такимъ именно, а не другимъ намѣреніемъ.

Возможность неправильныхъ наблюденій.

Но въ этомъ самомъ превосходствѣ, особенно въ свободности и цѣлесообразности наблюденія заключается и слабая сторона его и потому возможность въ немъ ошибаться и заблуждаться. По своему произволу и по своимъ цѣлямъ и намѣреніямъ мы можемъ наблюдать по выбору предметы или явленія; усмот-

рѣнныя чувствомъ, такія или другія съ такой или другой ихъ стороны, въ такомъ или другомъ приложеніи, можемъ даже искать предмета еще неусмотрѣннаго, чтобъ наблюдать его для предположенной уже нами или другими назначенной намъ цѣли. А съ произволомъ и преднамѣреніями близко граничатъ: предрасположеніе, предзанятыя мысли и намѣренія, предубѣженія и проч. слѣд. и направленіе замѣчаемыхъ чрезъ наблюденіе признаковъ къ такому результату или смыслу, какой мы напередъ уже желаемъ получить, а не къ такому, къ какому должны были бы привесть сами замѣчаемые признаки наблюдаемаго предмета; слѣд. возможны въ наблюденіи натяжки и произвольныя усвоенія предмету того, что̀ намъ хочется видѣть въ немъ а не того, что̀ въ немъ дѣйствительно есть и проявляется.

Условія правильности наблюденій.

Посему, чтобы наблюденіе было набюденіемъ, а не самораспоряженіемъ и, такъ сказать, самотвореніемъ въ царствѣ готовой дѣйствительности, насильнымъ навязываніемъ наблюдаемому предмету мнимо только, а не дѣйствительно находящихся въ немъ признаковъ, надлежитъ имѣть въ виду нѣкоторыя необходимыя условія правильности наблюденій, какъ *въ*

отношеніи къ предмету наблюдаемому, такъ и *въ отношеніи къ лицу* наблюдающему.

Въ отношеніи къ предмету должно соблюдать слѣдующія условія:

1. Всякій предметъ должно наблюдать въ его особенности, отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Это условіе важно и необходимо потому, что всякій предметъ существуетъ и проявляется такъ, а не иначе потому, что въ самой его природѣ есть основаніе и законы такого именно, а не другаго бытія; такихъ именно, а не другихъ дѣйствій и проявленій въ немъ. Слѣд. не присмотрѣвшись къ тому, что̀ есть существеннаго въ предметѣ и къ какимъ собственно проявленіямъ и дѣйствіямъ онъ самъ по себѣ, по своей природѣ способенъ, мы будемъ почитать за обнаруженіе его собственно природы и такія проявленія и дѣйствія въ немъ, которыя происходятъ только отъ вліянія на него другихъ предметовъ и разныхъ обстоятельствъ внѣшнихъ.

2. Но какъ неоспоримо и то, что всякій предметъ, имѣя самъ въ себѣ основаніе и законы бытія и дѣйствій своихъ, весьма много зависитъ въ проявленіи ихъ отъ предметовъ, явленій и обстоятельствъ внѣшнихъ, съ которыми онъ поставленъ бываетъ въ такія или другія отношенія, такою или другою стороною своею, и отъ вліянія ихъ на него можетъ разнооб-

разно видоизмѣняться въ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, а иногда и превратно дѣйствовать, то необходимо наблюдать всякій предметъ и въ связи съ другими предметами и явленіями, близкими къ нему или отдаленными, но имѣющими на него вліяніе.

Со стороны лица наблюдающаго условія правильности наблюденія слѣдующія:

1. Какъ единственными орудіями для наблюденія служатъ чувства наши; то первая потребность для правильности наблюденія состоитъ въ нормальномъ и здоровомъ состояніи чувственныхъ органовъ. Посему если наблюдатель имѣетъ какіе либо случайные или постоянные недостатки въ чувственныхъ органахъ, то долженъ постараться предварительно устранить въ себѣ эти недостатки, если можно; если же не можно, то повозможности пособить имъ дознанными искусственными средствами.

2. Между чувственными органами и предметомъ наблюдаемымъ, всегда бываетъ что нибудь третье, посредствующее, напр. разстояніе пространства, количество и качество свѣта или освѣщенія, состояніе атмосферы, влажность или сухость ея; иногда необходимыя для точнаго и подлиннаго обнаруженія предмета или какихъ нибудь свойствъ его, искусственныя также орудія для вооруженія чувственныхъ органовъ, и проч. Так. образомъ и при здоровомъ и совершенно нормальномъ состояніи чувственныхъ органовъ, возможны погрѣшности въ наблюденіи, если эти и подобныя посредства находятся въ неблагопріятномъ для наблюденія положеніи или состояніи. Посему наблюдателю надлежитъ заботиться о чистотѣ и безпрепятственности всѣхъ возможныхъ посредствъ между чувственными его органами и предметомъ наблюдаемымъ.

3. Успѣшность или неуспѣшность наблюденія много можетъ зависѣть отъ степени силы и продолжительности впечатлѣнія предмета на наши чувства. Слишкомъ сильныя и продолжительныя впечатлѣнія чрезъ мѣру потрясаютъ и утомляютъ наши чувства и всю нервную систему, и тѣмъ самымъ препятствуютъ спокойному, постепенному, здравому, внимательному и потому успѣшному наблюденію; а слишкомъ слабыя и скоротечныя, могутъ остаться незамѣченными, или не точно и невполнѣ замѣченными. Посему наилучшими минутами для успѣшности наблюденія должно почитать тѣ, когда сила впечатлѣній и ихъ продолжительность бываютъ сообразны съ удобопріемлемостію ихъ нашими чувствами и, по отчетливости и ясности ихъ воспріятія, удобны къ переданію ихъ въ сознаніе и утвержденію въ немъ.

4. Но какъ мы легко можемъ ошибаться въ осуществленіи въ насъ этого условія, по разнымъ психо-

логическимъ причинамъ, по особенной напр. расположенности или нерасположенности нашей къ наблюдаемому предмету, по сильному увлеченію предполагаемою нами истиною, по сходству однихъ впечатлѣній съ другими, или просто—по общей слабости и недальновидности человѣческой; то необходимо, въ этомъ случаѣ, повѣрять самихъ себя чрезъ повѣрку одного органа другимъ, гдѣ это можно и должно.

5. Но самое точное соблюденіе всѣхъ показанныхъ условій не приведетъ къ вѣрности наблюденія, если наблюдатель будетъ пользоваться ими безъ особеннаго вниманія къ предмету наблюдаемому. Въ нашей внимательности можетъ быть одно изъ двухъ: или она можетъ быть обращаема на предметъ всецѣло и исключительно, или не всецѣло. Если не вся полнота вниманія обращается на предметъ наблюдаемый; то—или оно обращается въ тоже время и на другіе предметы (т. е. наблюдатель бываетъ въ разсѣянности), или находится въ состояніи равнодушія, дремоты и вялости, что̀ возможно тогда, когда предметъ наблюдается неохотно и безъ участія. Отъ чего бы ни происходила неполнота вниманія, во всякомъ случаѣ она должна повесть къ пропускамъ и недосмотрамъ, слѣд. къ неполнотѣ, неточности и неправильности наблюденія. Посему при наблюденіи

необходимо сосредоточивать все вниманіе на предметѣ наблюдаемомъ, отвлекая его отъ всего посторонняго.

6. Но и вниманіе не отвратитъ погрѣшностей въ наблюденіи, если духъ наблюдателя помраченъ какими нибудь неспокойными движеніями внутренними, или ослѣпленъ предубѣжденіями. Посему, приступая къ наблюденію, надобно стараться, чтобъ духъ былъ спокоенъ, ясенъ и свободенъ отъ какихъ бы то ни было предзанятыхъ мнѣній.

7. Необходимо дѣлать повтореніе наблюденій, какъ для того, чтобы увѣриться, не вкралась ли какая погрѣшность, или неточность, или какой нибудь пропускъ чего либо важнаго и существеннаго, такъ и для того, чтобы замѣченное тверже запечатлѣлось въ памяти и въ яснѣйшемъ видѣ могло быть доведено до сознанія.

Опыты, какъ пособія наблюденій.

Но природа такъ глубока въ свойствахъ и разнообразна въ явленіяхъ и видоизмѣненіяхъ своихъ, что однихъ простыхъ наблюденій недостаточно для того, чтобъ познать всѣ ея тайны и уразумѣть законы и основанія всѣхъ ея безчисленныхъ и многоразличныхъ дѣйствій и проявленій». Въ ней,—говоритъ Бахманъ,—все живетъ и движется; многія силы ра-

ботаютъ вдругъ, и дѣйствуютъ частію гармонически для произведенія цѣльнаго эффекта, частію противоположно; подавляютъ одна другую, ограничиваютъ; нерѣдко силы, образующія какое либо недѣлимое, стѣсняются въ столь малое пространство, что остается небольшая сфера для дѣйствованія каждой изъ нихъ; многія явленія такъ сокровенны, что нельзя замѣтить ихъ. Посему нужно искусство и умѣнье со стороны человѣка, чтобы разоблачать въ ней сокровенное, сокращать и подводить подъ одинъ обзоръ безчисленно многое, разлагать и различать совокупившееся въ ней различное и разнородное, подводить подъ зрѣніе невидимое, взвѣшивать невѣсомое и неосязаемое». Такого искусства человѣкъ достигъ наконецъ вѣковыми усиліями и безчисленно многими пожертвованіями, и это искусство состоитъ въ нарочито приготовляемыхъ и примѣнительно къ различнымъ обстоятельствамъ и условіямъ употребляемыхъ пріемахъ, называемыхъ *опытами* (experimenta).

Итакъ опыты суть искусственныя дѣйствія, посредствомъ которыхъ, при помощи извѣстныхъ приготовленій, мы производимъ опредѣленныя явленія, съ тою цѣлію, чтобъ открыть дѣйствующіе въ нихъ законы.

Значеніе опытовъ въ упрощеніи, уясненіи и размѣреніи наблюдаемыхъ дѣйствій природы.

Поэтому опыты весьма важны для наукъ. Кромѣ того, что они занимательны и поучительны и часто доставляютъ глазамъ увеселительное зрѣлище, а духу успокоеніе и подкрѣпленіе, они имѣютъ большое значеніе въ отношеніи къ упрощенію, уясненію и размѣренію наблюдаемыхъ дѣйствій природы. Хотя природа дѣйствуетъ въ опытахъ такъ же, какъ и въ естественномъ своемъ положеніи; однако опыты проще, и потому яснѣе для насъ. Въ нихъ природа какъ-бы анатомируется. Помощію ихъ можно многосложное дѣйствіе природы разлагать на простые, какъ-бы элементарные опыты, и отыскивать основныя силы и начала ея дѣйствій и проявленій; все постороннее можетъ быть удалено, и такимъ образомъ можно довольствоваться небольшимъ количествомъ матеріи, при чемъ не только сберегается не мало времени, пространства и издержекъ, но и сила оказываетъ свое дѣйствіе рѣшительнѣе, и результатъ бываетъ вѣрнѣе. Въ опытахъ можно производить явленія новыя, по крайней мѣрѣ такія, о которыхъ неизвѣстно навѣрное, встрѣчаются ли они гдѣ нибудь въ природѣ. Субстанціи, кои можетъ быть никогда не соединялись непосредственно въ природѣ, мы можемъ въ опытахъ

соединять, принуждать ихъ дѣйствовать одну на другую и обнаруживать свои свойства. Можемъ производить опыты сообразнѣе съ предположенною цѣлію, распространять ихъ, перемѣнять, повторять. Так. образомъ опыты суть вопросы, предлагаемые природѣ, на которые она должна непремѣнно какъ нибудь отвѣчать, утвердительно или отрицательно.

Условія успѣшности опытовъ.

Но сколь важны опыты, столь же часто и затруднительны. Общія условія, которыя, для полученія успѣха, должны быть выполнены частію прежде, а частію впродолженіи опытовъ, суть слѣдующія:

1. Должно имѣть достаточныя свѣдѣнія какъ въ той наукѣ, къ области коей принадлежитъ опытъ, такъ и въ наукахъ вспомогательныхъ.

2. Для сокращенія времени, трудовъ и издержекъ нужно быть знакому съ опытами прежде насъ произведенными и съ ихъ результатами.

3. Должно умѣть производить опыты; въ противномъ случаѣ они могутъ быть не только безуспѣшны, но даже опасны для самаго производителя ихъ, особенно если въ нихъ употребляются вещества возгораемыя, или силы, дѣйствующія противоположно одна другой.

4. Предварительно должно какъ можно точнѣе

опредѣлить смыслъ задачи, на которую ожидаемъ рѣшенія отъ опыта; иначе мы будемъ идти на удачу, ощупью, и не мы будемъ управлять опытомъ, а нами будутъ управлять явленія и обстоятельства, иногда случайныя, къ существу дѣла неотносящіяся.

5. Должно имѣть исправный снарядъ, чтобъ онъ дѣйствовалъ исправно и безопасно для насъ самихъ.

6. Приступая къ опыту и производя его, надлежитъ имѣть духъ спокойный и свободный отъ всѣхъ суевѣрій, предразсудковъ и предубѣжденій; надлежитъ сдѣлать его, такъ сказать, зеркаломъ, способнымъ принимать и отражать свѣтъ, изливающійся изъ природы, во всей его чистотѣ.

7. Во время произведенія опыта должно тщательно замѣчать всѣ обстоятельства, и самыя малѣйшія (ибо въ природѣ ничего нѣтъ незначительнаго), и тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ деликатнѣе снарядъ, посредствомъ котораго производится опытъ, и чѣмъ меньше количество матеріи, надъ которою онъ производится.

8. Получаемый результатъ должно сличать съ предложенною задачей, чтобъ не удаляться отъ цѣли произведенія опыта, и повторять опытъ сперва, если нужно, при тѣхъ же обстоятельствахъ и отношеніяхъ, потомъ—съ перемѣною нѣкоторыхъ, соприкосновенныхъ, наконецъ важнѣйшихъ, чтобъ такимъ образомъ отличить существенное отъ несущественнаго.

9. Поелику при опытѣ необходимо и наблюденіе, то все, что нужно для хорошаго наблюденія, нужно и для опытовъ. Посему надобно имѣть здоровыя чувства, а если они слабы, должно вооружить ихъ искусственными орудіями; предметъ должно разсматривать съ надлежащей точки зрѣнія, въ надлежащемъ разстояніи, съ различныхъ сторонъ и т. д.

10. При произведеніи и повтореніи опытовъ должно имѣть терпѣніе; переходы отъ одного опыта къ другому должны быть непрерывные; въ заключеніяхъ о силѣ и значеніи явленій не должно быть ни суетливости, ни торопливости, ни поспѣшности, ни пристрастія къ любимымъ мыслямъ и теоріямъ.

11. Наконецъ, по совершеніи опыта и по снесеніи всѣхъ замѣченныхъ въ немъ явленій и обстоятельствъ, должно умѣть объяснить для себя, чему опытъ научаетъ и что доказываетъ.

Приложеніе сихъ условій къ наблюденію внутренней жизни человѣка; трудность самонаблюденія и особенности его.

Прилагая всѣ изчисленныя условія правильности наблюденій и опытовъ къ наблюденіямъ и опытамъ внутреннимъ, для открытія законовъ явленій психическихъ, нельзя не замѣтить, что здѣсь все это затруднительнѣе. У души нельзя ничего выпытать по-

мощію искусственныхъ снарядовъ; явленія психическія скорѣе ускользаютъ отъ наблюденія; непосредственный, уединенный взглядъ на самого себя часто бываетъ затемняемъ самолюбіемъ и суетностію; одни и тѣже обстоятельства и условія въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ часто производятъ неодинаковыя, а иногда и совершенно противоположныя явленія и измѣненія внутреннія. Впрочемъ затрудненіе не есть еще совершенная невозможность. Строго и безпристрастно слѣдя за измѣненіями собственнаго самосознанія во всѣхъ способностяхъ, стремленіяхъ и побужденіяхъ души, сличая все это съ проявленіями въ душахъ другихъ, подобныхъ намъ, въ ихъ различныхъ положеніяхъ, обстоятельствахъ и состояніяхъ, на различныхъ степеняхъ ихъ развитія и образованія, умственнаго и нравственнаго, гражданскаго и религіознаго, можно доходить до открытія постояннаго и неизмѣннаго въ природѣ нашей души, слѣд. до существенныхъ, коренныхъ законовъ всѣхъ ея проявленій и дѣйствій.

2) ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНІЕ.

Понятіе о свидѣтельствѣ и вѣрѣ исторической.

Путемъ наглядности, чрезъ личныя непосредственныя наблюденія и искусственные опыты, многое мо-

кемъ мы познавать въ обширной области бытія дѣйствительнаго, но не все можемъ познавать глубоко и многосторонно, но не до самой сущности и невсесторонно. Потому хотя эти познанія могутъ быть въ насъ живѣе, отчетливѣе и убѣдительнѣе всякихъ другихъ познаній, но не могутъ быть вполнѣ удовлетворительными для нашего духа, стремящагося обнять въ единствѣ сознанія все сущее, вполнѣ и всесторонно. Причина тому заключается въ самомъ способѣ и условіяхъ наглядно-опытнаго познанія. Тутъ мы должны все по одиначкѣ пересматривать, наблюдать и подвергать опыту; потому цѣлой жизни нашей, каждаго порознь, не достанетъ на то, чтобъ познать такимъ образомъ хотя то, что ближайшимъ и непосредственнѣйшимъ образомъ окружаетъ насъ и находится во всегдашнемъ отношеніи съ нами. Сколько же должно остаться неизвѣстнымъ для насъ, то по пространственной, либо временной отдаленности отъ насъ, то по невозможности какой нибудь съ нашей стороны, то даже по той простой причинѣ, что мы часто, безъ постороннихъ руководствъ и указаній, и не подозрѣваемъ существованія многаго такого, что вблизи насъ и съ чѣмъ мы имѣемъ иногда постоянное и самое близкое и необходимое отношеніе! Потому-то необходимы для насъ стороннія пособія въ познаваніи. И этого пособія не

можетъ подать намъ ни внѣшняя земная, ни небесную твердь наполняющая природа,—только существа чувствующія и разумныя, способныя и сами вѣдать и сознательно разумѣвать, и другимъ сообщать свои вѣдѣнія и сознательныя разумѣнія. Такія-то, со стороны сообщаемыя намъ свѣдѣнія и цѣлыя систематическія познанія, называются вообще *свидѣтельствами*, а наше довѣрчивое, безпрекословное принятіе и усвоеніе ихъ, называется *вѣрою историческою*.

Основаніе исторической вѣры въ природѣ человѣка.

Такимъ образомъ историческая вѣра или довѣрчивость имѣетъ основаніе въ самой природѣ человѣка. Мы видѣли, что и въ чувственно-наглядномъ наблюденіи, и въ искусственныхъ опытахъ мы бываемъ поставляемы въ естественную необходимость обращаться къ таковымъ же опытамъ и наблюденіямъ другихъ, или для убѣжденія въ вѣрности своихъ наблюденій и опытовъ, или для расширенія, совершенствованія и точнѣйшаго приложенія ихъ къ дѣлу, и тогда только успокоиваемся духомъ, когда убѣждаемся, что наши опыты и наблюденія согласны съ опытами и наблюденіями другихъ. Слѣд. основаніе исторической вѣры глубоко лежитъ, съ одной стороны, въ самой уже ограниченности и недально-

видности нашей природы, а съ другой — въ неистребимой потребности и неодолимомъ желаніи расширить сферу своего познанія и, по возможности, распространить ее на совокупность всего существующаго. Потому-то дитя, вслѣдствіе именно своей умственной бѣдности и ограниченности, обращается со множествомъ вопросовъ къ взрослымъ и, не колеблясь ни минуты, все сказанное ими принимаетъ за столь же истинное и вѣрное, какъ бы оно дошло до всего этого собственнымъ опытомъ или размышленіемъ. Потому-то и взрослые негодуютъ, когда имъ лгутъ и обманываютъ ихъ. Оттого-то ложь, какъ-бы по общему единодушному согласію всего рода человѣческаго, вездѣ и всегда была наказываема всеобщимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ, такъ что даже тѣ презираютъ обманщиковъ и лжецовъ, которые извлекаютъ отъ нихъ выгоду для себя. Въ соотвѣтственность своей довѣрчивости мы имѣемъ непреодолимое влеченіе и свои познанія, чувствованія, желанія, мысли и убѣжденія сообщать другимъ; и это влеченіе простирается иногда до того, что высказываемъ не рѣдко и то, о чемъ желали бы умолчать. Всматриваясь ближе и глубже, мы убѣждаемся, что вѣра или взаимное довѣріе другъ къ другу наиболѣе соединяетъ людей въ общества и дѣлаетъ ихъ жизнь пріятною, спокойною и удобною,

и что безъ этого взаимнаго довѣрія не могли бы не только усовершенствоваться, но даже существовать ни науки, ни искусства, ни самыя обыкновенныя и повседневно необходимыя въ общежитіи ремесла и разныя, такъ называемыя, ходячія умѣнья для общежитейской услуги. Ибо кто сталъ бы научаться чему либо отъ другихъ, еслибы не довѣрялъ, что соглашающійся научить его и самъ знаетъ и умѣетъ то, чему берется научить, и имѣетъ непритворное желаніе и доброхотство научить его не превратно, а такъ, какъ что должно знать и умѣть?

Отличіе вѣры исторической отъ религіозной.

Какъ вѣра замѣняетъ въ насъ знаніе и главнымъ образомъ относится къ способности познавательной*; то тотъ же кругъ предметности долженъ служить источникомъ и всякой вѣры, какой служитъ источникомъ для всякаго человѣческаго познанія, т. е. Богъ, міръ и человѣкъ. Слѣд. и религіозная вѣра основывается въ человѣкѣ на тѣхъ же началахъ, какъ и вѣра историческая, т. е. на потребности знать, возвышать и расширять свои познанія, и на невоз-

* А къ сердцу или способности чувствовательной естественно относится потому уже, что всякій предметъ познанія первоначально начинаетъ быть познаваемъ чрезъ непосредственное соприкосновеніе къ чувствамъ, внутреннему или внѣшнему. См. о чувственно-наглядномъ познаніи.

можности, по ограниченности познающихъ силъ человѣка, познать все сущее до послѣднихъ началъ и основаній, вполнѣ и всесторонно. Посему историческая вѣра отличается отъ религіозной не самыми предметами, а только сторонами взгляда на нихъ, на свойства и предѣлы ихъ бытія, дѣйствій и отношеній ихъ между собою. Такъ напр. по вѣрѣ исторической мы можемъ усвоить себѣ истины, удобныя къ повѣркѣ ихъ собственнымъ нашимъ опытомъ или размышленіемъ (разумѣется, и согласныя съ здравымъ смысломъ), что Богъ, какъ разумная причина бытія міра, необходимо существуетъ и промышляетъ о мірѣ; что кромѣ души человѣческой должно быть много степеней духовныхъ существъ, совершеннѣйшихъ человѣка; что луна свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ и должна быть населена какими нибудь живыми существами, и проч. Но что Богъ Троиченъ въ лицахъ, при нераздѣльномъ единствѣ существа своего; что мы пріобщаясь плоти и крови пострадавшаго за насъ Богочеловѣка, пріобщаемся чрезъ то естеству Божію, и проч., въ этихъ священныхъ истинахъ мы можемъ убѣждаться только по вѣрѣ религіозной, какъ потому, что онѣ превышаютъ обыкновенные способы естественнаго уразумѣнія нашего, такъ и потому, что онѣ свидѣтельствуются не по-

добнымъ намъ человѣкомъ, а самимъ Богомъ, непогрѣшительнымъ, всегда истиннымъ, благимъ и всевѣдущимъ. Посему

1. Основываясь на потребности знанія, вѣра историческая ограничивается тою стороннностію предметовъ общечеловѣческаго познанія, которая доступна для ограниченныхъ силъ познающаго духа нашего; потому кругъ ея слагается изъ того, что происходитъ или должно происходить по естественнымъ законамъ бытія и что необходимо или случайно бываетъ или должно быть по умозаключеніямъ естественнаго разума. А вѣра религіозная устремляетъ взоръ ограниченнаго разума и за предѣлы опыта, за предѣлы пространства и времени, превыше посылокъ, на которыхъ утверждаются естественныя умозаключенія наши.

2. Основываясь на ограниченности нашего духа и потому на невозможности для него познать все до послѣднихъ основаній, историческая вѣра съ одной стороны *отличается* отъ вѣры религіозной, а съ другой *сходствуетъ* съ нею. *Отличается:* а) тѣмъ, что, довѣряя свидѣтельству подобныхъ намъ людей, мы довѣряемъ вмѣстѣ и собственнымъ познавательнымъ силамъ, имѣемъ въ нихъ, такъ сказать, опору своей вѣры, потому что онѣ общи всему человѣчеству и по существу своему одинаковы во всѣхъ;

слѣд. что свидѣтельствуетъ одинъ, то возможно познать и повѣрить другому. А по вѣрѣ религіозной убѣждаемся и въ томъ, что недоступно нашему разуму и даже несогласно съ его умозаключеніями, но что возможно для разума безпредѣльнаго и согласно съ природою существа всесовершеннаго, всеблагаго, но непостижимаго въ существѣ своемъ; слѣд. въ исторической вѣрѣ недостатокъ самоубѣжденія случайный, временный, относительный, а въ религіозной невозможность его (самоубѣжденія) существенная и неодолимая для насъ въ настоящемъ нашемъ состояніи. б) Тѣмъ, что въ кругъ вѣры религіозной, какъ свидѣтельства ума безпредѣльнаго и всевѣдущаго, и притомъ всемъ видимымъ и невидимымъ управляющаго для наилучшихъ цѣлей, могутъ входить и доступныя и недоступныя для нашего разумѣнія истины или стороны предметовъ нашего познанія; а въ кругъ вѣры исторической могутъ входить однѣ только истины удобопостижимыя для человѣческаго разумѣнія: ибо свидѣтель ея — человѣкъ самъ себя превзойти не можетъ, т. е. не можетъ свидѣтельствовать о томъ, чего онъ самъ не позналъ какимъ либо возможнымъ для него способомъ и что неудобовмѣстимо въ умѣ ограниченномъ и неудобопорождаемо изъ него. Наконецъ в) тѣмъ, что вѣра религіозная содержаніемъ своимъ всегда имѣетъ

такія стороны предметовъ нашего познанія, которыя имѣютъ отношеніе къ существеннѣйшимъ и важнѣйшимъ цѣлямъ нашего бытія, какъ временнаго, такъ и вѣчнаго. Потому вѣрованіе или невѣрованіе, признаніе или непризнаніе истинъ вѣры религіозной не могутъ быть безразличными для человѣка, но необходимо должны сопровождаться существенно важными и неизбѣжными, счастливыми или гибельными послѣдствіями для его духовной жизни, временной и вѣчной. Но вѣра историческая не имѣетъ такой важности для человѣка, потому что стороны предметовъ общечеловѣческаго знанія, о которыхъ въ ней свидѣтельствуется, могутъ имѣть отношеніе и приложеніе только къ временной нашей жизни или служатъ только удовлетвореніемъ естественному стремленію духа нашего къ расширенію и бо́льшему и бо́льшему обобщенію своихъ познаній для общей цѣли любомудрія человѣческаго — для расширенія и обобщенія взгляда на все бытіе въ совокупности. Но бо́льшая или мѐньшая степень достиженія этой общечеловѣческой цѣли, очевидно, не дѣлаетъ существенной разности въ нравственномъ достоинствѣ человѣка: милліоны людей отживаютъ свой вѣкъ съ ограниченными теоретическими и практическими познаніями естественными, и между тѣмъ въ нравственномъ отношеніи бываютъ не ниже, а иногда еще

выше самыхъ многосвѣдущихъ собратій своихъ. Можетъ, конечно, и историческая вѣра или невѣріе имѣть важныя послѣдствія для человѣка. Не маловажно, напр. при совершенномъ невѣдѣніи окружающихъ насъ предметовъ природы, не полагаться на опытнѣйшихъ насъ людей и не довѣрять дознанному ими способу употребленія вещей. Въ такомъ случаѣ на каждомъ шагу можетъ угрожать намъ смерть или различныя затрудненія, опасности и бѣдствія; но все это не то, что невѣдѣніе и невѣріе въ истины религіозныя: и самая смерть отъ невѣдѣнія или невѣрія историческаго не повлечетъ за собою такихъ важныхъ послѣдствій, какъ одно невѣріе, а тѣмъ болѣе упорное отверженіе какой либо истины религіи или какого либо таинства ея.

Сходствуетъ вѣра историческая съ религіозною: а) необъятностію и незаконченностію своего содержанія и б) непостижимостію для насъ многаго изъ того, что можетъ быть предметомъ ея свидѣтельства.

а. Какъ кругъ всякой вѣры по предметности тождественъ съ кругомъ общечеловѣческаго познанія; то какъ религіозная, такъ и историческая вѣра необъятны и незакончаемы по предметному содержанію своему. Существеннѣйшую часть содержанія вѣры религіозной составляетъ міръ духовный и пре-

имущественно существо Безконечное и Его отношенія къ міру конечному. Слѣд. умъ ограниченный, по самой ограниченности своей, не только въ настоящей, но и въ будущей жизни, чрезъ всю нескончаемую вѣчность, не изчерпаетъ познаніемъ Существа Безконечнаго; иначе онъ самъ сдѣлался бы безконечнымъ и неограниченнымъ, еслибы вполнѣ и всесторонно позналъ Существо Безконечное. Поэтому вѣра религіозная не упразднится для насъ и въ будущей жизни, чрезъ всю вѣчность. Необъятна также по предметному содержанію своему и потому незакончаема и вѣра историческая; ибо неизчерпаема область и естественнаго познанія, доступнаго для ума человѣческаго. Тысячелѣтія проходятъ, а родъ человѣческій, при всей общительности познаній всѣхъ вѣковъ и народовъ, слѣд. и при полномъ ходѣ принятія и усвоенія всѣхъ богатствъ познаній и открытій и по вѣрѣ исторической, и въ половину, а можетъ быть и сотой доли не позналъ изъ всего того, что можно познавать уму ограниченному въ предметахъ познанія естественнаго. Пройдутъ еще тысячелѣтія, матеріалы познаній и открытій усугубятся и удесятерятся по всѣмъ отраслямъ наукъ и всякаго рода знаній, способы сообщенія ихъ, быстрѣйшаго, можетъ быть, легчайшаго и удобнѣйшаго, чѣмъ посредствомъ телеграфовъ, усовершатся до не-

вѣроятности,—но вѣра историческая не упразднится въ родѣ человѣческомъ; все еще будетъ много сторонъ въ предметахъ познанія человѣческаго, непознанныхъ ни однимъ человѣкомъ въ мірѣ, слѣд. и до скончанія міра умы проницательнѣйшіе будутъ открывать и познавать новое и неслыханное дотолѣ, въ обширной области познанія общечеловѣческаго, а менѣе проницательные или менѣе трудолюбивые и досужные будутъ имѣть такимъ образомъ новыя истины, или новыя стороны, отношенія и приложенія ихъ, для усвоенія отъ нихъ вѣрою.

б. Кромѣ того, что всякій предметъ познанія имѣетъ множество сторонъ для постепеннаго познаванія человѣческаго, по множеству въ каждомъ изъ нихъ общихъ и частныхъ свойствъ, качествъ, принадлежностей и отношеній, въ каждомъ изъ нихъ есть много и такого, что вовсе непостижимо, таинственно и недоступно для ума человѣческаго, такъ же точно, какъ и въ области вѣры религіозной. Напр. и въ предметахъ, постоянно насъ окружающихъ и самыхъ обыкновенныхъ, мы познаемъ только явленія и только по явленіямъ заключаемъ объ ихъ свойствахъ, качествахъ, отношеніяхъ и проч.; слѣд. и самыхъ этихъ свойствъ, качествъ и отношеній ихъ вполнѣ и всесторонно не постигаемъ; а сущность вещей, на которой основывается ихъ бы-

тіе, свойства, дѣйствія, отношенія и проч., вовсе недоступны для насъ, въ такой же мѣрѣ, какъ многое недоступно для насъ и въ предметахъ вѣры религіозной. Да еслибы по какому чуду и открылась возможность нашему уму постигать въ природѣ непостижимое для него теперь, то и тогда не было бы конца нашей вѣрѣ, и тогда она не упразднилась бы для насъ. Ибо самое свойство нашихъ мыслительныхъ и познавательныхъ способностей, самый механизмъ ихъ устройства и приложенія въ дѣйствіямъ таковъ, что вѣра составляетъ существенную, необходимую и неотъемлемую ихъ принадлежность. На чемъ основываются наши, такъ называемыя, самостоятельныя и независимыя познанія и убѣжденія, наши самопознанія? Не изъ себя самого непосредственно и безотносительно рождаетъ ихъ духъ нашъ и принимаетъ и усвояетъ ихъ отвнѣ, по довѣрію къ свидѣтельству чувствъ, внутренняго или внѣшняго, и къ дѣятельности прочихъ низшихъ способностей. Слѣд. довѣрчивое усвоеніе свидѣтельства есть круговая порука одной способности для другой, другой для третьей и т. д. Одни только чувства наши входятъ въ непосредственное отношеніе и соприкосновеніе съ познаваемою предметностію; но въ чувствахъ не совершается еще познаніе, въ собственномъ смыслѣ, а только подготовляется. Слѣд. еслибы по-

дорвалось довѣріе сознанія къ истинности свидѣтельства однихъ чувствъ, и тогда всѣ познанія наши рушились бы; тогда самыя строгія и послѣдовательныя сужденія и умозаключенія, и самыя врожденныя идеи, съ ихъ полугласными свидѣтельствами о сверхчувственномъ, не произвели бы въ чуждомъ довѣрчивости духѣ нашемъ убѣжденія въ ихъ истинности.

Характеръ историческаго познанія — достовѣрность.

И такъ изъ всего сказаннаго нами о познаніи историческомъ явствуетъ, что это познаніе, при всей своей естественности и необходимости для духа нашего, не можетъ производить въ немъ убѣжденія всецѣлаго; окончательнаго, вполнѣ и всесторонно удовлетворяющаго его любознательности. Съ одной стороны отсутствіе самовоззрѣнія нашего на свидѣтельствуемыя намъ событія, иногда случайность и чуждая систематической общности частность ихъ, разнородность ихъ по содержанію и разнохарактерность взглядовъ свидѣтелей на свидѣтельствуемыя имъ событія, естественно даютъ мѣсто въ духѣ нашемъ недоразумѣніямъ и тѣсно граничащимъ съ ними сомнѣніямъ; но, съ другой стороны, незаглушимая въ насъ довѣрчивость къ общечеловѣческой возможности постигать и къ расположенности добросовѣстно, по крайнему разумѣнію, сообщать другимъ дознаваемую

истину, въ совокупности производятъ то, что духъ нашъ какъ-бы виситъ между двумя равномѣрными сферами, къ которымъ онъ одинаково тяготѣетъ и влечется—между недостаткомъ увѣренности и избыткомъ довѣрія и доброхотной, симпатической преклонности. Отъ того и происходитъ въ насъ та высшая степень увѣренности, какая возможна въ духѣ нашемъ безъ его самодѣятельнаго собственными силами дознанія—*достовѣрность*, которая, поэтому, и составляетъ существенный характеръ всякаго историческаго познанія.

Условія достовѣрности свидѣтельства.

Но и эта степень увѣренности не безусловна. Принимать что либо по вѣрѣ не значитъ принимать слѣпо и безразлично: и при совершенной непостижимости свидѣтельствуемаго, мы можемъ принять его и усвоить тогда только, когда видимъ, или подразумѣваемъ, или только предполагаемъ хотя слабыя какія нибудь основанія или признаки истинности того, что намъ свидѣтельствуется, равно и того, что свидѣтельствующій также на какихъ основаніяхъ, а не наобумъ свидѣтельствуетъ намъ. Посему всякое стороннее свидѣтельство можетъ быть принято и усвоено нами съ достовѣрностію не иначе, какъ *со*

стороны предмета свидѣтельствуемаго, такъ и *со стороны лица* свидѣтельствующаго.

1. *Со стороны предмета* существенное условіе достовѣрности свидѣтельства есть его возможность, Физическая или Логическая, смотря по свойству его.

Если предметъ свидѣтельствуемый относится къ природѣ вещественной или вообще дѣйствительной, то свидѣтельство о немъ можетъ быть для насъ достовѣрнымъ, когда то, что о немъ свидѣтельствуется, будетъ согласно съ законами бытія и проявленій природы дѣйствительной; въ противномъ случаѣ оно будетъ явленіе физически-невозможное и потому свидѣтельство о немъ не будетъ имѣть для насъ достовѣрности.

Логически-невозможно то, что противорѣчитъ законамъ и формамъ отвлеченнаго нашего мышленія, т. е. не можетъ быть приведено въ естественную и необходимую связь и послѣдовательность съ извѣстными уже намъ и общепринятыми истинами и понятіями. Еслибъ напр. свидѣтельствовалось, что есть люди, которые могутъ дѣлать правильное заключеніе изъ двухъ посылокъ, между коими нѣтъ никакой связи; то такое свидѣтельство заключало бы въ себѣ логическую невозможность.

Замѣчаніе о чудесахъ. Но при этомъ надобно замѣтить, что не все то, что намъ кажется возможнымъ или

невозможнымъ, должно быть принимаемо за достовѣрное или недостовѣрное, безъ всякихъ ограниченій. Возможность обширнѣе дѣйствительности; но въ субъективномъ отношеніи (въ отношеніи къ нашей уразумѣваемости) она опирается на дѣйствительности, такъ, что чѣмъ глубже, обширнѣе и многостороннѣе мы постигаемъ дѣйствительное, тѣмъ обширнѣе становится для насъ кругъ возможнаго. Часто намъ кажется то и другое возможнымъ, а на дѣлѣ—эта кажущаяся возможность оказывается рѣшительною невозможностію, и наоборотъ. Такія ошибки наши происходятъ отъ незнанія или неточнаго и превратнаго разумѣнія средствъ и условій къ совершенію того, что казалось намъ возможнымъ или невозможнымъ. Кто напр. не видѣлъ и не слышалъ, что въ пять или десять минутъ письменно сообщаютъ свои мысли другимъ за нѣсколько сотъ и тысячъ верстъ находящимся, тому покажется это совершенно невозможнымъ; но кто знакомъ съ способами и средствами такого быстраго сообщенія (посредствомъ напр. телеграфовъ) и въ совершенствѣ изучилъ и выразумѣлъ эти способы и средства, тому не покажется невозможнымъ и гораздо быстрѣйшее сообщеніе мыслей. Если же такія ошибки случаются съ нами въ отношеніи къ чему нибудь не совсѣмъ необыкновенному, а иногда и очень обыкновенному; то тѣмъ болѣе онѣ возмож-

ны въ отношеніи къ тому, что не легко постигается и самыми проницательными умами, а тѣмъ болѣе въ отношеніи къ тому, что далеко переходитъ за границы человѣческаго разумѣнія. Потому-то сильно, ошибаются, и противъ здраваго человѣческаго смысла, и противъ точности разумѣнія возможнаго и невозможнаго, и противъ всеобщей—міровой истины, тѣ, которые не вѣрятъ въ сверхъ естественныя чудеса, потому только, что они не вмѣщаются въ тѣсномъ кругѣ ихъ разумѣнія, равно и тѣ, которые и самыя обыкновенныя дѣйствія и явленія природы почитаютъ чудесами, потому же одному, что не постигаютъ причинъ и законовъ, отъ коихъ они зависятъ. Во избѣжаніе той и другой крайности, должно положить себѣ за правило: не измѣрять возможности и невозможности чего бы то ни было однимъ личнымъ своимъ разумѣніемъ, помня: а) что и весь родъ человѣческій въ совокупности не всѣ еще постигъ законы, начала и причины всѣхъ дѣйствій, явленій и видоизмѣненій въ природѣ и во всемъ бытіи ограниченномъ, тѣмъ болѣе каждое недѣлимое въ родѣ человѣческомъ не можетъ и не должно измѣрять неизмѣримыхъ предѣловъ возможнаго скуднымъ мѣриломъ своего личнаго разумѣнія; б) что возможность простирается и за предѣлы общечеловѣческаго разумѣнія и совпадаетъ въ неизмѣримую область Безпредѣльнаго и Всемогущаго, для котораго возможно и то, что выше законовъ всякаго ограниченнаго бытія и дѣйствія; и в) что чудо должно признавать то только, что дѣйствительно совершается по дѣйствіямъ сверхъестественнымъ, а еще вѣрнѣе то, на что есть прямое указаніе въ какихъ либо вѣрныхъ источникахъ и очевидныхъ признакахъ, а преимущественно въ свидѣтельствѣ самого же Безпредѣльнаго и Всемогущаго, что это дѣйствительно есть чудо, по Его благоусмотрѣнію совершенное для важныхъ цѣлей Его премудраго промышленія о мірѣ нравственномъ.

2. *Со стороны лица* свидѣтельствующаго условія достовѣрности суть слѣдующія:

а) Если ему самому хорошо извѣстно сообщаемое имъ дѣло и

б) Если онъ точно передаетъ его.

Удостовѣриться въ соблюденіи того и другаго условія въ свидѣтельствѣ можно чрезъ *внутреннія и внѣшнія* средства, какія гдѣ возможны и годны, смотря по свойству предмета и по содержанію свидѣтельствуемаго.

Къ внутреннимъ средствамъ такого рода удостовѣренія относится внутреннее психологическое изслѣдованіе и возможно точное уразумѣніе.

а) Тона, характера, направленія и выраженія свидѣтельства, будь оно письменное, частное, изустное,

въ общемъ народномъ преданіи, или въ какихъ либо вещественныхъ памятникахъ или знакахъ вообще. Истина или ложь сами себя изобличаютъ предъ внимательнымъ и разумнымъ наблюдателемъ. Если свидѣтель невполнѣ, неточно и неопредѣленно усвоилъ и выразумѣлъ то, о чемъ свидѣтельствуетъ; то быть не можетъ, чтобъ эта неточность, неполнота и неопредѣленность не отразились и въ его свидѣтельствованіи другимъ, въ бо́льшей или мѐньшей мѣрѣ, съ той или другой стороны; тонъ его свидѣтельства будетъ нерѣшительный, ходъ и направленіе разсказа сбивчивы, иногда темны и запутанны: одно обстоятельство свидѣтельствуемаго событія будетъ противорѣчить другому, или одно будетъ ослаблять или затемнять собою другія. Если свидѣтельство передается не письменно или словесно вообще, а въ какихъ нибудь вещественныхъ знакахъ, напр. въ живописи, архитектурѣ, на монетахъ, памятникахъ и т. п.; то и въ такомъ случаѣ неполнота, неточность и неопредѣленность знанія дѣла со стороны свидѣтеля, болѣе или менѣе отпечатлѣются или въ хронологической, или въ исторической несообразности, или въ противорѣчіи современному характеру, современнымъ нравамъ, обычаямъ, образу жизни и проч. тѣхъ лицъ, народовъ, обществъ, царствъ, или внѣшнихъ какихъ обстоятельствъ, о которыхъ передается свидѣтельство.

б) Если въ свидѣтельствѣ не оказывается явныхъ признаковъ ненадлежащаго знанія дѣла и неточности въ передачѣ его; то надлежитъ еще обратить вниманіе на то, — не одно ли искусство, сообразительность, многосторонняя образованность или природная смышленость свидѣтеля пособили ему поддѣлаться подъ истину, т. е. надлежитъ удостовѣриться въ искренности и добросовѣстности свидѣтеля. Безъ искренности и добросовѣстности свидѣтель тѣмъ легче и успѣшнѣе можетъ ввесть въ заблужденіе и обманъ, чѣмъ онъ способнѣе и многосвѣдущѣе. Но увѣриться въ искренности весьма трудно, потому что свойство это теряется въ изгибахъ сердца, куда не силенъ проникнуть взоръ наблюдателя. Потому съ бо́льшею или мѐньшею вѣроятностію можно заключать объ искренности свидѣтеля только:

По внѣшнимъ обстоятельствамъ и условіямъ, окружавшимъ его и предметъ его свидѣтельства, какъ при усвоеніи онаго самимъ, такъ и при свидѣтельствованіи другимъ.

Главнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ и условій, какъ *внѣшнихъ средствъ* къ открытію искренности свидѣтеля и достовѣрности его свидѣтельства, суть слѣдующія:

а) Искренность или лукавство, какъ проявленія свободныхъ движеній духа человѣческаго, бываютъ

въ немъ или постоянными, въ навыкъ обратившимися, или случайными, отъ случайныхъ обстоятельствъ зависящими расположеніями души, т. е. показываютъ въ немъ или благонравіе, или испорченность нрава, или просто — легкомысліе и разсѣянность, или же какую нибудь дѣйствительную или мнимую необходимость прибѣгать къ двоедушію. Посему, чтобъ сколько нибудь приблизительнѣе къ истинѣ судить объ искренности свидѣтеля, должно пріобрѣтать, сколько можно, вѣрное познаніе о лицѣ и всей жизни его: о его происхожденіи, воспитаніи, о томъ, какое онъ занималъ мѣсто въ обществѣ, въ какихъ обстоятельствахъ провелъ жизнь, не принадлежалъ ли къ какой партіи или тайному обществу, не былъ ли самъ прикосновененъ, съ благопріятной для него стороны, къ свидѣтельствуемому имъ дѣлу, не имѣлъ ли въ виду пользы или опасности для себя отъ такого или другаго смысла своего свидѣтельства, не имѣлъ ли причины враждовать или благопріятствовать лицу или предмету, противъ котораго или въ пользу котораго свидѣтельствуетъ и проч. Познаніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, изъ коихъ тѣ или другія непремѣнно окружаютъ всякаго свидѣтеля, съ положительной или отрицательной стороны, болѣе или менѣе прольетъ свѣта на степень искренности, на смыслъ и все внутреннее достоинство его свидѣтельства.

б) Еслибы полученныя отъ таковыхъ изслѣдованій данныя и располагали къ признанію искренности въ свидѣтелѣ; то все-еще нельзя рѣшиться признать его свидѣтельство достовѣрнымъ безусловно. И самый искренній свидѣтель, и самый усердный ревнитель правды можетъ погрѣшать въ своихъ показаніяхъ, если обстоятельства, окружавшія предметъ свидѣтельства, не благопріятствовали точности и вѣрности познанія и усвоенія его. Посему надлежитъ еще тщательно изслѣдовать, при какихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ внѣшнихъ свидѣтель усвоялъ себѣ то, о чемъ свидѣтельствуетъ. Если напр. свидѣтельствуемое относится къ частнымъ домашнимъ или политическимъ событіямъ; то надлежитъ дознать, могъ ли свидѣтель получать изъ вѣрнѣйшихъ и ближайшихъ источниковъ свѣдѣнія, какъ о главномъ и существенномъ, такъ и о всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ этихъ событій, или онъ находился въ такихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, что могъ только по наслышкѣ знать объ нихъ, можетъ быть со стороны участниковъ и совершителей этихъ событій принимаемы были мѣры, чтобъ они оставались втайнѣ и т. п.

*

Подлинность свидѣтелства.

Когда представляется свидѣтельство изъ глубокой древности, письменное или въ какихъ нибудь вещественныхъ знакахъ; то прежде всего надлежитъ удостовѣриться въ его подлинности, т. е. дѣйствительно ли оно принадлежитъ тому лицу или той эпохѣ, которымъ усвояется, въ такомъ ли оно видѣ дошло до насъ, въ какомъ осуществилось первоначально, и такъ ли мы понимаемъ его, какъ понималъ его самъ авторъ или вообще тотъ, отъ кого оно произошло первоначально. Трудная обязанность удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ здраваго смысла и разумной, на правдѣ и истинѣ почивающей любознательности, лежитъ на *Критикѣ* и *Герменевтикѣ*.

Что же собственно лежитъ на обязанности Критики и что на обязанности Герменевтики и въ чемъ собственно должна состоять та и другая?

Выводъ понятія о Критикѣ, ея задачѣ и главныхъ пріемахъ.

Слову *Критика,* какъ въ лексиконахъ и словаряхъ, такъ и въ практической жизни, часто даютъ значенія: порицать, охуждать, злословить, язвить, пересуждать, осуждать. Но это не собственныя ея значенія. Прямое словопроизводство ея должно быть отъ

роднаго ей языка греческаго, на которомъ: κριτήριον
значитъ орудія для испытыванія сужденія, нить, правило, осёлокъ, судилище; κριτής рѣшитель: κριτικός—
способный, склонный къ сужденію, умѣющій судить,
искусный въ сужденіи, строго и безпристрастно разбирающій сочиненія; κριτός—дѣленный, различенный, отобранный, выбранный, слѣд. самый лучшій.
По этимъ значеніямъ Критика будетъ нелегкомысленная какая нибудь, необдуманная, поверхностная,
часто злая и завистливая игра остроуміемъ, которымъ такъ часто злоупотребляютъ люди въ отношеніи къ людямъ, а иногда и къ самымъ священнымъ
предметамъ, но то добросовѣстное, прямодушное, благонамѣренное и всестороннее обсужденіе, которое истину и всякое совершенство, какъ честные и многоцѣнные камни ограждаетъ очищаетъ отъ всякаго засоренія и всякихъ наносовъ и наростовъ нечистыхъ,—
та всепроникающая и всепостигающая оцѣнка, которую
самъ Богъ освятилъ Своимъ всемогущимъ Словомъ,
когда, созерцая являвшіяся по тому же всемогущему
Его Слову части вселенной и всю въ совокупности
вселенную, видѣлъ яко *добро! се добра зѣло!* (Быт. I).

Вотъ истинный образецъ и истинное назначеніе
Критики! Сколь можешь дальновидно, глубоко, основательно, добросовѣстно, по крайнему разумѣнію
своему обсуди, оцѣни, укажи: Какъ что есть, для

чего годно, почему такъ, а не иначе есть и такъ, и такъ ли должно быть, на томъ ли мѣстѣ должно быть, для такого ли назначенія и сообразно ли съ своимъ назначеніемъ. Но этотъ образецъ, можетъ быть, не по силамъ нашему подражанію? Посмотримъ. Творецъ съ любовію и благословеніями одобрялъ Свои творенія потому, что они вполнѣ соотвѣтствовали Его предвѣчной идеѣ о нихъ, Его предвѣчному созерцанію ихъ въ своемъ Vпостасномъ Словѣ. А при возсозданіи этихъ зѣло добрыхъ, но разстроившихся Его твореній, усматривая источникъ ихъ разстройства и причину ихъ растлѣнія, взывалъ, не обинуясь: *Порожденія эхиднова! гробы повапленные! маловѣры! лицемѣры! Вси страждущіи и обремененніи* недугомъ уклоненія отъ вѣчной божественной идеи совершенства вашего, *пріидите ко мнѣ и Азъ упокою вы*—направлю васъ на путь предвѣчнаго плана божественнаго домостроительства о васъ, подкрѣпивъ васъ новою силою и новымъ духомъ! Но измѣряющій и оцѣнивающій и совершающій все по предвѣчнымъ и неизмѣннымъ планамъ и идеямъ Своимъ благоволилъ и насъ уподобить Себѣ—и намъ даровалъ Онъ, какъ неотъемлемую принадлежность уподобленной Ему души нашей, идеи: о Богѣ, вселенной и самой душѣ нашей, идеи истины, добра и изящества; соотвѣтственно тому даровалъ намъ: и сердце, способное любить

все изящное, доброе и совершенное, и волю, способную и направленную къ добру, и разумъ, вмѣстилище осіявающихъ и оживляющихъ его идей, способный и расположенный къ истинѣ, наконецъ всѣ эти прирожденные намъ дары освѣтилъ, подкрѣпилъ и упрочилъ положительнымъ откровеннымъ ученіемъ Своимъ. Въ этомъ-то богоподобномъ устройствѣ души нашей и заключается наше κριτήριον, прирожденное намъ орудіе для испытанія и оцѣнки всѣхъ предметовъ, произведеній и явленій, естественныхъ и искусственныхъ, чужихъ и нашихъ собственныхъ: это нашъ осёлокъ, которымъ мы можемъ пробовать и постигать доброту, правильность и изящество во всемъ; это нити, по которымъ можемъ доходить до святилища истины; судилище, въ которомъ можемъ рѣшать, каково что, почему и для чего есть и должно быть, сообразно ли съ тѣмъ, для чего должно быть.

Изъ всего этого вытекаетъ такое краткое заключеніе: Критика вообще, въ собственномъ смыслѣ понимаемая, есть благонамѣренная, безпристрастная, добросовѣстная, на любви къ истинѣ, добру и изяществу основанная, любовію и ревностію къ совершенству управляемая, здравая, разумная, всесторонняя оцѣнка всякаго рода произведеній, дѣйствій и проявленій, искусственныхъ и естественныхъ, какъ

въ природѣ вещественной, такъ разумной и свободно-нравственной. Потому

Задача Критики.

Существенною задачею Критики должно быть: являющееся недостаточнымъ и искаженнымъ возвесть къ идеѣ свойственнаго ему совершенства и правильности, указавъ и усвоивъ ему его родное — нормальное, безъ ущерба, прибавленій и измѣненій; сомнительное, но достойное вниманія по своему содержанію и приложенію, оправдать и привесть въ ясность, или обличить и опровергнуть, какъ недостойное того источника или лица, которому усвояется; совершенное, по точной мѣрѣ его совершенства, одобрить указавъ, въ чемъ именно заключается его совершенство, на чемъ основывается и въ какой мѣрѣ осуществилось, примѣнительно къ идеѣ о немъ или къ его назначенію и цѣли. Въ такомъ смыслѣ понимается Критика, еслибы коснулась самыхъ, положимъ, мелочныхъ принадлежностей, отношеній и поступковъ человѣка, напр. внѣшняго убранства, образа частной домашней жизни, походки, взглядовъ и т. п., то и въ такомъ случаѣ будетъ выражать не другое что, какъ ту высокую нравственную истину, что человѣкъ вездѣ, во всемъ и всегда долженъ быть тѣмъ, чѣмъ Богъ создалъ его и чѣмъ онъ долженъ быть по своему званію, назначенію, по лежащимъ на немъ обязанностямъ и отношеніямъ; что онъ всегда и вездѣ долженъ сообразоваться съ разумомъ, смысломъ и чувствомъ общечеловѣческимъ, — осуществленіемъ всего своего человѣка, внутренняго и внѣшняго, не долженъ тревожить и возмущать здраваго смысла, чувства и вкуса окружающихъ его, но долженъ собою способствовать другимъ къ вѣрнѣйшему уразумѣнію, опредѣленію и установленію истинной идеи человѣка вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ, дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Главные пріемы Критики.

Изъ этой общей и существенной задачи Критики, вытекаютъ и ея главные пріемы, именно: что́ ни имѣла бы Критика своею цѣлію — одобрить ли совершенное, или исправить поврежденное и недостаточное, обличить подлогъ, или оправдать и уяснить сомнительное и неустановившееся, во всякомъ случаѣ ей необходимо: или чрезъ анализъ подробностей и частностей критикуемаго восходить къ идеѣ его совершенства, къ началамъ, причинамъ, или даже внѣшнимъ обстоятельствамъ, послужившимъ первоначальными побужденіями къ произведенію или осуществленію его, напечатлѣвшимъ на немъ такой или другой характеръ, такую или другую физіономію,

давшимъ ему такое или другое направленіе, или чрезъ синтезъ низходить отъ идеи, началъ и причинъ до сличенія съ ними частностей и подробностей.

Въ первомъ случаѣ (въ анализѣ) ей свойственны: а) Дознаніе и изслѣдованіе, какое гдѣ прилично и годно, теоретическое напр., опытное, историческое и хронологичекое, археологическое, археографическое, филологическое и проч. Отсюда б) Умозаключенія и доводы, которые показывали бы основанія, на которыхъ то или другое утверждается или отрицается.

Во второмъ случаѣ (въ синтезѣ) естественными пріемами Критики должны быть:

а) Сличеніе,

б) Приложеніе,

в) Повѣрка.

Задача и главные пріемы Герменевтики.

Герменевтика, какъ вспомогательная часть Критики, должна способствовать къ точнѣйшему уразумѣнію внутренняго смысла признаннаго Критикою за подлинное какого либо творенія, чтобъ можно было увѣриться, что мы съ словами сего творенія, какъ въ отдѣльности взятыми, такъ и въ общей ихъ связи, соединяемъ тотъ самый смыслъ, какой соединялъ съ ними при сочиненіи самъ авторъ. Отсюда главными пріемами Герменевтики должны быть:

а. Разложеніе цѣлаго на части, чтобъ ближе, непосредственнѣе и подробнѣе присмотрѣться къ каждой части и точнѣе выразумѣть содержаніе и смыслъ ея.

б. Подробный и всесторонній разборъ каждой мысли и каждаго слова, филологическій, грамматическій, синтаксическій и проч.

в. Сличеніе и обзоръ частей сочиненія въ цѣломъ его составѣ, какъ для того, чтобы отчетливѣе выразумѣть главную мысль и общій планъ сочиненія, а потому связь и взаимное отношеніе мыслей и ихъ смыслъ въ контекстѣ, такъ и для того, чтобъ увѣриться, по духу, направленію, выраженію и расположенію мыслей и по плану всего сочиненія, все ли въ немъ принадлежитъ подлинному его автору, или есть въ немъ что нибудь привносное, чуждое ему.

г. Съ тою же цѣлію должно сличать герменевтически разбираемое сочиненіе и съ другими сочиненіями того же автора, если есть признанныя уже Критикою несомнѣнно, подлинными, и притомъ неповрежденными и ни въ чемъ неизмѣненными.

Свидѣтельства непосредственныя.

Если свидѣтель сообщаетъ что либо на томъ основаніи, что самъ видѣлъ, слышалъ, или даже принималъ непосредственное участіе въ томъ, о чемъ свидѣтельствуетъ; то такія свидѣтельства называют-

ся *непосредственными*. Но и эти свидѣтельства не должны быть принимаемы за достовѣрныя безусловно.

Условія ихъ достовѣрности.

Главнѣйшія условія ихъ достовѣрности суть слѣдующія:

а) Если свидѣтель не имѣетъ достаточныя природныя способности къ уразумѣнію, вѣрному и точному усвоенію того, о чемъ свидѣтельствуетъ; посему тупоумные и слабоумные люди, равно и маловозрастные, не могутъ быть, и нигдѣ не принимаются, достаточными свидѣтелями вообще, а особенно въ такихъ случаяхъ, когда предметъ свидѣтельства многосложенъ и требуетъ, для уразумѣнія и усвоенія его, основательныхъ и тонкихъ умственныхъ соображеній, хорошей и вѣрной памяти, здраваго смысла, вѣрнаго взгляда на вещи и проч.

б) Если свидѣтель имѣетъ столько внимательности и терпѣливой наблюдательности, что могъ замѣтить и достаточно выразумѣть всѣ подробности сообщаемаго имъ дѣла, ибо и способный и въ нормальномъ состояніи находящійся, но разсѣянный, легкомысленный, нетерпѣливый, лѣнивый и невнимательный человѣкъ, и существенное въ предметѣ замѣчаетъ только поверхностно, отрывочно и неотчетливо.

в) Если свидѣтель достаточно знакомъ съ предметомъ своего свидѣтельства и со всѣмъ тѣмъ, что относится къ его существу, свойствамъ, видоизмѣненіямъ и проч. Посему люди простые и необразованные не могутъ быть надежными свидѣтелями въ такихъ случаяхъ, когда предметъ свидѣтельства превышаетъ ихъ разумѣніе; равно и люди съ одностороннимъ образованіемъ, или и достаточно образованные, но незнающіе какой либо отдѣльной науки, напр. минералогіи, химіи, медицины, не могутъ дать вѣрнаго свидѣтельства о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ этимъ наукамъ, потому что не знаютъ въ точности ни законовъ, ни причинъ, ни условій того, почему что и какъ происходитъ и видоизмѣняется въ этихъ предметахъ.

г) Если свидѣтель, какъ впродолженіи наблюденія событія, такъ и при сообщеніи его другимъ, находился въ благопріятномъ для того расположеніи духа, не былъ напр. возмущаемъ какими нибудь внутренними волненіями, не увлекался предрасположеніями, пристрастіемъ и нерасположенностію и недоброхотствомъ къ свидѣтельствуемому предмету или лицу.

д) Если, при наблюденіи имъ видѣннаго, находился на такомъ разстояніи, что могъ безпрепятственно, ясно, точно и подробно все видѣть и наблюдать.

е) Если не было между нимъ и предметомъ наблюдаемымъ какихъ нибудь посредствующихъ предметовъ или причинъ, могшихъ закрывать или затемнять что либо въ наблюдаемомъ предметѣ, напр. сгущенія атмосферы, тумана, темноты ночной и проч.

ж) Если наблюденія свои описываетъ или изустно передаетъ, спустя недолгое время; ибо по истеченіи долгаго времени легко можно опустить какія нибудь обстоятельства, различныя принять за одно, представить ихъ не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ на самомъ дѣлѣ они слѣдовали одно за другимъ.

з) Если сообщаетъ свое свидѣтельство на языкѣ, совершенно ему извѣстномъ: ибо незнающій въ совершенствѣ языка можетъ и вѣрную мысль передать неточно, недостаточно, а иногда и вовсе превратно.

Значеніе непосредственныхъ свидѣтельствъ.

Непосредственный свидѣтель, соединяющій въ себѣ всѣ вышеизложенныя качества—могущій выдержать всѣ эти испытательныя условія, есть свидѣтель *совершенный, классическій*, и достовѣрность его свидѣтельства такъ же велика, какъ еслибъ мы сами видѣли или слышали все то, что въ немъ сообщается Ибо неестественно не довѣрять тому, что не подаетъ ни какого повода къ сомнѣнію, а напротивъ, носитъ на себѣ всѣ признаки правды. По крайней мѣрѣ, съ

полнымъ довѣріемъ принимающій такія свидѣтельства не погрѣшаетъ противъ общихъ всему человѣчеству требованій и законовъ усвоенія истины, дознаваемой другими, и слѣд. не унижаетъ собою умственнаго и нравственнаго достоинства человѣка, ибо дѣлаетъ съ своей стороны все возможное и должное.

Рядъ свидѣтельствъ.

Множество свидѣтельствъ объ одномъ и томъ же происшествіи, нисходящихъ преемственно чрезъ цѣлый рядъ временъ и усвояемыхъ отъ ближайшихъ отдаленнѣйшими свидѣтелями преемственно, непремѣнно должно произвести одно изъ двухъ: или увеличить достовѣрность свидѣтельствуемаго происшествія, или уменьшить. Ибо многіе свидѣтели объ одномъ и томъ же могутъ быть ими согласны между собою, или не согласны, какъ потому, что они могли быть или подъ одинаковыми условіями усвоенія сообщаемаго ими дѣла, или подъ различными, такъ и потому, что могли свидѣтельствовать съ различными цѣлями и по различнымъ побужденіямъ и видамъ.

Сличеніе свидѣтельствъ.

Отсюда открывается необходимость сличать такія свидѣтельства одно съ другимъ и повѣрять ихъ одно другимъ. Сличенія эти главнымъ образомъ должны состоять въ слѣдующемъ:

а. По различнымъ возможнымъ признакамъ и изъ различныхъ источниковъ, по роду и содержанію свидѣтельствъ, прежде всего должно удостовѣриться, кто изъ многихъ свидѣтелей современенъ свидѣтельствуемому событію и кто несовременен; кто ближайшій ко временамъ онаго и кто отдаленнѣйшій. Это важно въ томъ отношеніи, что иногда по одной современности или несовременности разсказываемаго происшествія, можно удостовѣриться въ его возможности или невозможности, подлинности или подложности и т. п.; а съ другой стороны, зная достовѣрно, отъ кого первоначально произошло свидѣтельство, вѣрнѣе можно оцѣнить и другія отдаленнѣйшія свидѣтельства о томъ же событіи.

б. Еслибы въ ряду свидѣтелей многіе оказались непосредственными или очевидцами, то должно обращать вниманіе на то, согласны ли ихъ свидѣтельства, или несогласны.

Если согласны, то достовѣрность ихъ тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ менѣе вѣроятности, что они могли сговориться одинаково свидѣтельствовать. Такъ напр. если бы о какомъ нибудь политическомъ или религіозномъ событіи одинаково свидѣтельствовали многія лица, обитающія въ разныхъ частахъ свѣта, говорящія различными языками, исповѣдующія различную

вѣру, неимѣющія между собою никакихъ отношеній и связей, несоставляющія какой либо единомысленной партіи или секты, то достовѣрность ихъ свидѣтельства не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Если же свидѣтельства многихъ очевидцевъ не согласны между собою; то чрезъ сличеніе ихъ должно удостовѣриться, какого рода это несогласіе — умалчиваетъ ли только одинъ о томъ, о чемъ другой свидѣтельствуетъ, или говоритъ то же, но со многими измѣненіями, или же прямо противорѣчатъ одинъ другому. Одно умалчиваніе о чемъ либо важномъ или неважномъ въ событіи не должно еще вести къ тому заключенію, что то или другое свидѣтельство непремѣнно ложно; ибо оно могло произойти или отъ того, что одинъ свидѣтель не могъ замѣтить, по какимъ либо причинамъ, всего того, что другой замѣтилъ, или одинъ считалъ маловажнымъ то, о чемъ другой говоритъ, какъ о важномъ; или не сказалъ потому, что это несообразно съ цѣлью его разсказа, или же по плану разсказа и зависящему отъ него теченію мыслей опущенное не могло войти въ разсказъ по закону послѣдовательности мыслей, и проч. Прямое же противорѣчіе несравненно болѣе подрываетъ достовѣрность свидѣтельства. Но и его можно иногда согласить тѣмъ, что одинъ свидѣтель-очевидецъ не съ той стороны смотрѣлъ на событіе, съ какой смо-

трѣлъ на него другой, не на такомъ разстояніи, какъ другой, не при такихъ условіяхъ усвоенія, не съ одинаковыми, или совершенно съ инаковыми средствами наблюдалъ происшествіе или явленіе, нежели другой, и т. п. Напр. солнечное затмѣніе для находившагося на одной точкѣ земнаго шара казалось полнѣйшимъ, нежели для находившагося на другой точкѣ; для вооруженнаго искусственными орудіями наблюденія опять могли показаться иначе и съ большимъ количествомъ признаковъ, нежели для созерцавшаго оное невооруженными глазами. Ходъ битвы военной подробнѣе и отчетливѣе могъ наблюдать находившійся въ сторонѣ, на благопріятномъ для наблюденія мѣстѣ, нежели тотъ, кто самъ участвовалъ въ этой битвѣ, или находился на мѣстѣ, не столь благопріятномъ для наблюденія.

в) Что касается свидѣтельствъ посредственныхъ, несовременныхъ сообщаемому ими происшествію, то съ перваго взгляда кажется, что они не имѣютъ никакой важности; потому что въ нихъ только повторяется то, чтó заключается въ свидѣтельствѣ первоначальномъ, непосредственномъ. Но это отчасти только справедливо въ томъ отношеніи, когда уцѣлѣло свидѣтельство непосредственное, со всѣми условіями полноты, подлинности, неповрежденности и достовѣрности его, и потому не требующее пополненій, под-

твержденій и уясненій. Между тѣмъ случается, что первоначальное свидѣтельство или вовсе затеряно, или дошло до насъ неполнымъ, въ темныхъ отрывкахъ, такъ что нужно уже собирать свѣдѣнія о давно минувшемъ событіи по частямъ, изъ разныхъ источниковъ; бываетъ и такъ, что давноминувшее событіе съ теченіемъ времени разъясняется болѣе и познается полнѣе, нежели какъ оно извѣстно было современникамъ и самимъ очевидцамъ. Въ такомъ случаѣ свидѣтельства посредственныя и самыя даже отдаленнѣйшія, имѣютъ весьма большую важность, иногда даже важнѣе бываютъ современныхъ, непосредственныхъ. Только нужно, въ подобномъ случаѣ, имѣть большую проницательность и тонкую сообразительность и быть хорошо знакому со всею исторіе и всѣми историческими древностями, чтобы съ успѣхомъ и безошибочно пользоваться такими свидѣтельствами,—однимъ словомъ: нужно быть хорошимъ историческимъ критикомъ.

Трудность исторической Критики.

Отсюда уже видно, съ какими затрудненіями часто бываетъ сопряжена историческая критика разновременныхъ и разнохарактерныхъ свидѣтельствъ о древнихъ событіяхъ.

Она должна имѣть дѣло или съ произведеніями,

дѣятельности духовно-нравственныхъ существъ, или съ явленіями и дѣйствіями природы вещественной и животно-неразумной. Но извѣстно, что всѣ эти дѣятельности могутъ происходить не по однимъ только неизмѣннымъ законамъ однообразія и постоянства, но и по неопредѣлимой a priori, непредвидимой, безпорядочной случайности, слѣд. историческій критикъ часто можетъ не имѣть никакой мѣры, никакого критерія для сравненія и опредѣленія достовѣрности и дѣйствительности свидѣтельствуемаго событія временъ отдаленныхъ. Критикъ напр. произведенія умозрительнаго или эстетическаго имѣетъ мѣру сравненія и оцѣнки въ идеяхъ совершенства такихъ произведеній — въ идеяхъ истины и изящества, хотя не во всѣхъ одинаково развивающихся, но всѣмъ равно прирожденныхъ. Но съ чѣмъ историческій критикъ будетъ сравнивать и какою мѣрою опредѣлять достовѣрность свидѣтельствуемаго событія въ области свободно-нравственныхъ дѣйствій или случайныхъ происшествій и явленій природы неодушевленной и животно-неразумной? По своей свободности, удобоизмѣняемости и удобопримѣняемости, смотря по обстоятельствамъ, способа дѣятельности своихъ силъ и способностей, существа свободно-нравственныя, ограниченныя, могутъ проявлять свою дѣятельность многоразлично — благонамѣренно и злонамѣренно,

правильно и неправильно, сообразно съ извѣстными цѣлями и несообразно, и даже вовсе безъ цѣли и безъ всякаго намѣренія. Въ природѣ неодушевленной и животно-неразумной возможны также дѣйствія и явленія правильныя и неправильныя, прямыя и косвенныя, полныя и опредѣленныя, или половинчатыя, смѣшанныя и запутанныя, смотря по тому, какія обстоятельства способствовали или препятствовали осуществленію ихъ, сколько и въ какой мѣрѣ примѣшивалось участіе стороннихъ силъ, причинъ и законовъ природы, и т. п. Если ко всему этому присовокупить еще разногласіе многихъ свидѣтелей о какомъ либо изъ таковыхъ событій, то выходитъ, что во всей области умственныхъ занятій человѣческихъ ни на комъ не лежитъ бóльшій и необъятнѣйшій трудъ, никому не могутъ встрѣчаться многочисленнѣйшія и болѣе неодолимыя затрудненія, какъ историческому критику, весьма во многихъ случаяхъ.

Пособія исторической Критики.

Впрочемъ никто изъ занимающихся наукою не можетъ имѣть и пособій многочисленнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ, какъ историческій критикъ. Потому же самому, что ему должно опредѣлять достовѣрность дѣйствій и событій или въ области дѣятельности свободно-нравственныхъ существъ, или въ природѣ ве-

щественной и животно-неразумной; пособіями для него могутъ служить: и всѣдознанные человѣчествомъ законы, причины, побужденія и условія естественнаго и противоестественнаго проявленія и осуществленія бытія и дѣйствій всего существующаго,—и истины, правила и понятія откровенныя,—и всѣ науки—теоретическія и практическія, главныя и вспомогательныя,—и всѣ учрежденія и постановленія всѣхъ государствъ и народовъ,—и всѣ свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ, о степени просвѣщенія и образованности, объ образѣ домашней и общественной жизни народовъ, царствъ, областей, обществъ, сословій, орденовъ, партій и проч.. и проч., смотря по роду предметовъ свидѣтельства и по времени произшествія свидѣтельствуемаго событія. Такъ напр. науки теоретическія убѣдятъ историческаго критика въ естественности или неестественности свидѣтельствуемаго событія; Географія, Естественная Исторія, Статистика и прочія описательныя науки—въ возможности его, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, отношеніямъ и условіямъ страны или государства, по мѣстнымъ естественнымъ произведеніямъ этой страны или государства, по климату въ нихъ и проч.; Хронологія при пособіи, многихъ другихъ свѣдѣній и источниковъ, укажетъ ему сообразность или несообразность свидѣтельствуемаго съ временными мѣстными условіями; Всеобщая и

частная Исторія царствъ и народовъ, раскроетъ предъ нимъ, согласно ли свидѣтельствуемое событіе съ общимъ ходомъ дѣлъ въ современную его происшествію эпоху, естественно ли ему было вытекать изъ нихъ или самому быть причиною ихъ, согласно ли оно съ характеромъ, вѣрованіями, направленіемъ, состояніемъ и прочими обстоятельствами и отношеніями того народа, между которымъ оно указывается происходившимъ; кратко сказать: все существующее и существовавшее на землѣ, во всѣхъ царствахъ природы и во всѣхъ осуществившихся многоразличныхъ дѣяніяхъ и произведеніяхъ человѣческихъ, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и художествъ, можетъ служить историческому критику ключомъ къ болѣе или менѣе удовлетворительной разгадкѣ какого либо древняго событія. Антикварію напр. и кусокъ кирпича древнихъ временъ, и обломокъ статуи, и развалины неизвѣстнаго никому зданія, и найденная кость какого нибудь животнаго, и полустертая, неполная и неясная надпись, служатъ иногда вѣрными путеводителями къ разъясненію какихъ нибудь важныхъ историческихъ событій, которыя дотолѣ казались неправдоподобными или вовсе небывалыми, а иногда къ разгадкѣ и самому послѣдовательному соединенію и обоб-

щенію цѣлаго ряда происшествій, дотолѣ казавших-ся неимѣющими одно съ другимъ никакой связи и никакого отношенія.

Крайность исторической Критики.

Но иногда самое это богатство и разнообразіе пособій можетъ служить новымъ источникомъ затрудненій для историческаго критика и вводить его въ крайности, несообразныя съ существомъ дѣла и съ цѣлію его разслѣдованій.

Самыми обыкновенными крайностями въ этомъ случаѣ всегда бывали и могутъ быть:

а. Поспѣшность въ заключеніяхъ, когда критикъ, не имѣя терпѣнія или навыка довесть анализъ разслѣдованій и разборовъ до послѣднихъ предѣловъ возможности и дѣйствительности, останавливается на томъ, что̀ на первомъ шагу и съ перваго взгляда показалось ему правдоподобнымъ.

б. Излишняя мнительность и робкая нерѣшительность ни на что положительное, когда критикъ, и прозирая истину сквозь большее количество достовѣрныхъ, нежели сомнительныхъ признаковъ, не рѣшается приподнять закрывающую ее завѣсу и произнесть рѣшительный свой судъ, или потому, что никто еще до него не рѣшался на это, или потому, что прозрѣваемая имъ истина пугаетъ его огромностію

своихъ приложеній и послѣдствій, могущихъ неблагопріятствовать издавна овладѣвающему имъ авторитету.

в. Излишняя подробность въ изслѣдованіяхъ и наведеніяхъ, дробленіяхъ и разложеніяхъ, доходящая до малозначущихъ или ничего незначущихъ мелочей.

г. Неестественная натяжка въ заключеніяхъ, когда критикъ не изъ усматриваемыхъ обстоятельствъ изслѣдываемаго дѣла и прикосновенныхъ къ нимъ условій обстоятельно и точно выводитъ заключенія, а эти обстоятельства и условія подводитъ подъ предположенныя напередъ или предзанятыя теоріи изъясненія и оцѣнки данныхъ событій, и т. д.

3) О ВЫСОЧАЙШЕМЪ СВИДѢТЕЛЬСТВѢ ИСТИНЫ ВЪ БОЖЕСТВЕННОМЪ ОТКРОВЕНІИ.

Понятіе объ истинномъ Откровеніи Божественномъ.

Въ дополненіе къ свидѣтельствамъ человѣческимъ, часто столь труднымъ къ усвоенію и не всегда достаточнымъ для полнаго удостовѣренія въ истинѣ и обыкновенныхъ — земныхъ событій, самъ Богъ принимаетъ участіе въ сообщеніи человѣку и утвержденіи въ немъ истинъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ для него, ни одному изъ обыкновенныхъ свидѣтелей недоступ-

ныхъ, по ихъ сверхъестественности и таинственности. Этотъ необыкновенный родъ свидѣтельства есть Божественное Откровеніе. Оно есть сверхъестественное сообщеніе человѣку, самимъ Богомъ непосредственное или чрезъ посредство имъ же самимъ избираемыхъ и руководимыхъ людей, какихъ либо истинъ, относящихся къ таинственному, естественному и сверхъестественному, союзу и отношеніямъ Бога къ человѣку,—относящихся, т. е. къ религіи, или и къ обыкновеннымъ земнымъ предметамъ, но имѣющимъ необходимое вліяніе на нравственно-религіозное достоинство и значеніе человѣка.

Необходимость Божественнаго Откровенія.

Сколь необходимо для человѣка сверхъестественное Откровеніе такихъ истинъ, это явствуетъ: *а.* изъ необычайной важности для человѣка истины вообще и въ особенности правильныхъ и возможно достаточныхъ и удовлетворителныхъ для него понятій о Существѣ Безконечномъ и объ отношеніяхъ Его къ конечному; *б*, изъ невозможности для человѣка собственными силами и средствами постигать эти истины правильно и вполнѣ удовлетворительно, и потому *в*, изъ необходимости повѣрять и восполнять доступныя для ограниченнаго разума теоретическія и практическія истины въ области естественнаго Бого-

познанія, и такимъ образомъ возводить умъ къ непостижимымъ тайнамъ Божественнымъ, безъ принятія которыхъ полное удовлетвореніе существеннымъ потребностямъ духа человѣческаго невозможно.

а. Истина, и въ отношеніи къ предметамъ конечнымъ и самымъ обыкновеннымъ въ житейскомъ быту человѣка, такъ важна, существенно необходима для него, что съ нею только и чрезъ нея онъ можетъ находить для себя прочное счастіе и довольство, съ нею только и чрезъ нея можетъ поддерживать и совершенствовать жизнь и здоровье свое, обрѣтать для себя истинныя удовольствія и радости, успѣвать во всемъ и владычествовать надъ всемъ; а безъ нея—на каждомъ шагу для него опасности, бѣдствія, неудачи, потери и самая смерть. Ибо міръ и человѣкъ такъ устроены и приспособлены одинъ къ другому что человѣку необходимо познавать окружающіе его предметы, чтобы правильно и безвредно удовлетворять и малѣйшимъ своимъ нуждамъ и потребностямъ, тѣлеснымъ и душевнымъ. А въ отношеніи къ Существу Безконечному, какъ началу, зиждущей, животворящей, всеуправляющей и всесовершающей силѣ безъ истины человѣкъ то же, что дерево безъ корня или потокъ воды безъ источника, т. е. всецѣло и невозвратно погибшій: ибо отношеніе человѣка къ Существу Безконечному еще тѣснѣе, существеннѣе и

необходимѣе, нежели къ міру конечному. *О немъ бо живемъ, движемся и есмы.*

б. Но тутъ-то въ познаніи Существа Безконечнаго, особенно и нужна человѣку помощь сверхъестественная. Тысячелѣтніе опыты доказали, что умъ человѣческій, самъ по себѣ, слабъ и немощенъ на то, чтобы правильно, точно и вполнѣ удовлетворительно познать Существо Безконечное и Его отношенія къ міру конечному, духовному и вещественному. Отъ начала міра и доселѣ не было ни одного народа безъ всякой естественной религіи, но и не было ни у одного народа религіи, какъ слѣдствія естественнаго Богопознанія, правильной и вполнѣ достойной Существа Верховнаго. Иначе и быть не могло и не можетъ: ибо и ограниченный духовный міръ, высшій души человѣческой, мы можемъ познавать только посредствомъ аналогическихъ умозаключеній отъ свойствъ нашей души, слѣд. неточно и недостаточно; а природа Существа Безконечнаго и того менѣе удобопримѣнима къ свойствамъ и условіямъ нашего ограниченнаго, частичнаго мышленія и познаванія. Два естественныхъ средства есть у насъ для познанія Существа Безконечнаго; врожденная намъ идея о Немъ и тотъ же способъ аналогическихъ умозаключеній отъ коренныхъ свойствъ души нашей. Но какъ то, такъ и другое средства далеко недостаточны для точнаго,

всесторонняго и вполнѣ удовлетворительнаго познанія Безконечнаго, если даже и того не брать въ разсчетъ, что человѣкъ находится въ поврежденномъ состояніи.

Врожденная идея о Существѣ Безконечномъ не есть въ насъ какое либо опредѣленное знаніе, ни даже опредѣленное понятіе, о есть какъ бы сѣмя, въ насъ посѣянное, какъ-бы инстинктивное только и потому неясное и неотчетливое во всей полнотѣ своего содержанія чувство,—есть только потребность ума, побуждающая низшія способности къ сниcканію такого познанія и такихъ понятій; слѣд. требуетъ еще гармонической дѣятельности всѣхъ силъ душевныхъ чтобы постепенно развить и уяснить ее въ себѣ. Но потому уже самому, что она есть идея о безконечномъ, положенная въ ограниченномъ духѣ нашемъ для развитія ея ограниченными его силами, никогда не можетъ быть изчерпана вполнѣ; иначе безконечное перестало бы быть безконечнымъ, еслибъ было вполнѣ познано умомъ ограниченнымъ. Притомъ не было еще въ родѣ человѣческомъ такого совершеннаго субъекта, въ которомъ бы всѣ душевныя способности и силы дѣйствовали въ строгомъ равновѣсіи, въ самой точной и совершенной гармоніи; напротивъ, въ одномъ имѣетъ перевѣсъ чувственная, а въ другомъ духовная сторона познавательной способности,

въ одномъ преобладаетъ воображеніе и фантазія, а въ другомъ разсудокъ. Потому и развитіе идеи о Безконечномъ, у однихъ народовъ было болѣе чувственное, а у другихъ болѣе разсудочное—холодное и безплодное. Отсюда-то произошло такое множество и разнообразіе религій языческихъ, изъ коихъ одна другой несовершеннѣе и недостаточнѣе.

И аналогическія заключенія отъ коренныхъ свойствъ души нашей къ свойствамъ и природѣ Существа Безконечнаго не могутъ также доводить до познаній о Немъ всесторонно достаточныхъ и удовлетворительныхъ для духа нашего. Въ душѣ нашей мы найдемъ, и то неполно и невсегда вѣрно, только то, что̀ свойственно ограниченному, и въ такой только мѣрѣ, какъ свойственно ограниченному. Слѣд. заключая, по этому способу, положительно, и сотой доли не познаемъ въ Безконечномъ того, что̀ заключается въ Его природѣ и свойствахъ; а чрезъ отрицательныя умозаключенія дойдемъ только до того положительнаго, крайняго заключенія, что природа и свойства Безконечнаго несравненно выше, неизмѣримо святѣе, совершеннѣе и проч., нежели свойства и природа души нашей; слѣд. неболѣе познаемъ Безконечное и отрицательнымъ путемъ умозаключеній, какъ и положительнымъ. Притомъ правила умозаключенія отъ низшаго къ высшему, отъ частнаго къ общему позво-

ляютъ умозаключать только отъ существеннѣйшаго и самаго общаго; до необходимости, какъ частямъ, такъ и цѣлому, какъ низшему, такъ и высшему. Но извѣстно, что и въ логическихъ (отвлеченныхъ) понятіяхъ и существеннаго можетъ быть много такого, что̀ необходимо принадлежитъ только одному какому нибудь, общему или частному, а другому изъ нихъ не принадлежитъ, или принадлежитъ только условно напр. самому высшему понятію: *бытіе вообще* свойственъ только признакъ *существованія;* а частнѣйшему понятію: *бытіе напр. чувственно-духовное* необходимо принадлежатъ уже признаки: не только *существованія*, но и *дѣйствованія*, и *взаимодѣйствія*, и *видоизмѣненія*, и *увеличенія*, и *умаленія*, и *совершенствованія*, и *пониженія* въ степени какъ бытія, такъ и дѣйствованія. Въ умозаключеніяхъ же отъ дѣйствительнаго къ дѣйствительному тѣмъ болѣе возможны различія, постепенности и проч. въ бытіи, дѣйствіяхъ и проявленіяхъ. Слѣд. умозаключая отъ свойствъ и природы души нашей, какъ низшаго дѣйствительнаго, къ природѣ и свойствамъ Существа Безконечнаго, какъ дѣйствительнаго всеобщаго превыше всякой логической общности, по ограниченности и недальновидности ума нашего и по невозможности наглядно сличать природу ограниченной души нашей съ природою Духа безконечнаго, легко можно приписать

Существу Безконечному много такого, что́ вовсе несвойственно ему. А по степени развития и образованія, по различію природныхъ или пріобрѣтенныхъ свойствъ и наклонностей душевныхъ въ каждомъ субъектѣ мыслящемъ, тѣмъ болѣе возможны разнообразіе и степени совершенства и достоинства въ аналогическихъ усвоеніяхъ чего либо Безконечному Существу отъ свойствъ и природы души ограниченной, равно и въ самой ограниченной душѣ можетъ быть мнимо-усматриваемо многое такое, что́ ей вовсе несвойственно и никогда въ ней не бывало. Это и случалось на самомъ дѣлѣ съ Мистиками, Θеософами, Пантеистами, идеалистами, раскольниками, еретиками и т. п. Что же касается разумносвободныхъ дѣйствій и намѣреній, какъ существъ конечныхъ, такъ и Существа Безконечнаго, то здѣсь всего болѣе возможны для ума ограниченнаго, невсевѣдущаго, безчисленныя и самыя грубыя и ни съ чѣмъ несообразныя погрѣшности и заблужденія въ умозаключеніяхъ: ибо проявленія разумносвободныхъ дѣйствій и намѣреній не подлежатъ какимъ либо неизмѣннымъ до необходимости или по крайней мѣрѣ вполнѣ яснымъ законамъ, а въ Существѣ Безконечномъ и вовсе непостижимы и необъятны для насъ. Потому-то въ религіяхъ языческихъ и въ теоріяхъ о мірозданіи и міроправленіи такое множество нелѣпыхъ ученій о дѣйствіяхъ,

желаніяхъ и намѣреніяхъ боговъ, о началѣ и происхожденіи міра, зла и добра въ мірѣ, о цѣли его сотворенія, о намѣреніяхъ Верховнаго Существа касательно явленій, происшествій и переворотовъ въ мірѣ и во всей вселенной, и т. д. Здѣсь уже и врожденная идея о Существѣ Безконечномъ не сильна удержать управляемый ею разсудокъ и смыслъ отъ заблужденій и погрѣшностей, какъ бы она ни была свѣтла и оживлена и до какой бы степени ни была развита естественными путями и средствами ея совершенствованія въ дѣйствительныхъ обнаруженіяхъ. Ибо ей дано только живо и незаглушимо чуять и ощущать необходимость бытія и безмѣрность совершенствъ Существа Безконечнаго; но какія цѣли и какіе планы и средства имѣетъ и должно имѣть Оно касательно міроправленія вообще и промышленія своего о томъ или другомъ изъ его твореній въ частности, это уже не дано ей и не можетъ входить въ кругъ ея созерцаній, тонкихъ и чуткихъ ощущеній.

в. Такимъ-образомъ, если мы и въ отношеніи къ опытнымъ — осязательнымъ предметамъ, скорѣе и рѣшительнѣе убѣждаемся въ вѣрности дознаваемой нами истины, когда встрѣчаемъ подтвержденіе оной и другими (какъ это видѣли мы, разсуждая о наглядномъ, опытномъ и историческомъ познаніи); то ничуть не должно казаться удивительнымъ или не-

естественнымъ, когда человѣкъ дознавая, самъ собою предметы сверхъопытные, а тѣмъ болѣе относящіеся къ главнымъ, основнымъ вопросамъ религіи, какъ таинственнаго союза и неудобоизъяснимыхъ отношеній безконечнаго къ конечному, колеблется въ самопризнаніи за вѣрныя и безошибочныя дознаваемыхъ имъ истинъ и понятій, мѣняетъ свои мысли объ одномъ и томъ же и весьма часто противорѣчитъ самъ себѣ. Еще древніе замѣтили это свойство ума человѣческаго—это бременящее и неустаивающееся броженіе и колебаніе мыслей, эту невосполняющуюся недостаточность самоувѣренности не только умовъ частныхъ въ собственныхъ мнѣніяхъ, но и всѣхъ умовъ человѣческихъ одного въ другомъ, гдѣ дѣло идетъ о предметахъ Божественныхъ. Такъ Цицеронъ, перебравши разныя мнѣнія философовъ о душѣ человѣческой, говоритъ: harum sententiarum quid vera sit, Deus aliquis viderit, quid verisimillima, magna quidstio est *. А нѣкоторые открыто исповѣдывали не только слабость ума человѣческаго въ отношеніи къ предметамъ Божественнымъ, но и потребность въ небесной помощи. Такъ Ямвлихъ

* Tuscul. questl ib. 1, § 23; то же говоритъ онъ касательно нашихъ познаній о Богѣ—lib. 1. de natura deorum, и о безсмертіи души Tuscul. Quest lib 1, c. 11. Подобное объ этомъ говоритъ и Сенека—Epist. 102.

(in vita Pythagoris, cap. 28) говоритъ: quid Deo grata sunt, scire difficile est, nisi quis vel Deum ipsum, vel cum qui Deum audit, audiverit *. Все это показываетъ, что Божественное Откровеніе необходимо, какъ для повѣрки и восполненія доступныхъ для ограниченнаго разума теоретическихъ и практическихъ истинъ въ области естественнаго Богопознанія, такъ и для возведенія ума къ непостижимымъ тайнамъ Божественнымъ, безъ принятія которыхъ полное удовлетвореніе существеннымъ потребностямъ духа человѣческаго невозможно.

Признаки истиннаго Откровенія.

Какъ Откровеніе дается Богомъ по любви Его къ человѣку и по крайней необходимости въономъ для человѣка, притомъ о предметахъ весьма важныхъ для временнаго и вѣчнаго, душевнаго и тѣлеснаго благосостоянія человѣка; то необходимо предполагать, что истинное Откровеніе самимъ Богомъ должно быть ограждено отъ всякой возможности сомнѣній, недоразумѣній, обоюдностей въ смыслѣ и т. п., однимъ словомъ—должно имѣть ясные, очевидные и несомнѣнные признаки Божественнаго происхожденія своего.

* Подоб. говорятъ: Мелессъ Самосатскій—apud Diogen. Laërt. lib IX, § 24.; Сократъ v. Xenoph. memorab. lib. IV. et Platon. dialog. Alcibiades; Платонъ-in Epimende; Цицеронъ Quest Tuscul. lib III, и др.

А какъ всякая вещь во вселенной имѣетъ бытіе и свойства внутреннія и внѣшнія, и наша познавательная способность примѣнена къ этому порядку, такъ что тогда только и удовлетворяется и успокоивается, когда познаетъ предметъ съ внѣшней и внутренней его стороны; то необходимо также предполагать, что истинное Откровеніе должно имѣть достаточные къ убѣжденію человѣка въ Божественномъ происхожденіи своемъ признаки *внутренніе* и *внѣшніе*.

Внутренніе.

Внутренніе признаки должны быть заимствуемы изъ самаго содержанія Откровенія, т. е. изъ тѣхъ предметовъ, которые составляютъ матерію его, и изъ ученія или мыслей объ этихъ предметахъ.

Что касается предметовъ откровеннаго ученія, то нельзя съ точностію опредѣлить, какіе именно должны входить въ кругъ его. Существенная область Откровенія есть религія; а религія имѣетъ исключительною цѣлію своею: поставить человѣка въ правильныя и возможно совершеннѣйшія и ближайшія отношенія къ Существу Верховному, давъ ему на то достаточныя теоретическія и практическія условія и средства, — преподавъ ему правильныя и возможно точныя и полныя понятія какъ о существѣ Верховномъ, такъ и о человѣкѣ, и, на основаніи

такихъ понятій и примѣнительно къ нимъ, указавъ и раскрывъ необходимо вытекающія изъ нихъ правила дѣятельности для человѣка, обязанности и отношенія его къ Существу Верховному, къ посредствующимъ между нимъ и человѣкомъ существамъ духовнымъ, къ подобнымъ ему людямъ и къ міру вещественному, какъ потому, что онъ есть твореніе Божіе, такъ и потому, что человѣкъ поставленъ въ необходимыя и тѣснѣйшія отношенія съ нимъ по физическимъ и духовнымъ потребностямъ и нуждамъ. Слѣд. Откровенію естественно касаться всего міра и всѣхъ предметовъ въ мірѣ, какъ духовномъ, такъ и вещественномъ, какъ положительно, такъ и отрицательно, какъ въ прямомъ, такъ и въ таинственномъ смыслѣ, какъ со сторонъ постижимыхъ, такъ и непостижимыхъ для человѣка, если это необходимо по существу и цѣлямъ истиннаго Откровенія. При всемъ томъ нельзя опредѣлить a priori, какіе именно предметы и какъ должны входить въ кругъ ученія откровеннаго; это зависитъ отъ одной воли, премудрости и благоусмотрѣнія Верховнаго Существа, сообщающаго человѣку Откровеніе.

Касательно же мыслей или ученія въ Откровеніи о какихъ бы то ни было предметахъ, главнѣйшими признаками Божественнаго происхожденія Откровенія могутъ и должны быть слѣдующіе:

1. Потому самому, что истинное Откровеніе сообщается не человѣкомъ, а Богомъ Премудрымъ и Всевѣдущимъ, для того, чтобъ пособить немощи естественнаго ума человѣческаго, необходимо предполагать, что въ немъ заключаются:

а, Истины возвышенныя, т. е. что предметы раскрываются въ немъ съ такихъ сторонъ, въ такихъ отношеніяхъ и приложеніяхъ, какихъ человѣкъ самъ по себѣ не видѣлъ и не постигалъ, или по самой ихъ непостижимости, или потому, что современное направленіе духа, ученій и вѣрованій народныхъ, преобладаніе господствующихъ наклонностей, страстей и усилій, закрываютъ ихъ отъ умовъ человѣческихъ, по стихіямъ мудрствующихъ, и представляютъ ихъ даже неестественными и противорѣчащими мнимо-всеобщимъ требованіямъ ума, воли и сердца человѣческихъ.

б, Ученіе истиннѣйшее и совершеннѣйшее, т. е. такое, которое не только не противорѣчитъ здравому смыслу человѣческому, но возбуждаетъ, оживляетъ и услаждаетъ всѣ силы и способности души, удовлетворяя всѣмъ высшимъ требованіямъ и стремленіямъ духа, убѣждая умъ и сердце и при самой даже непостижимости его для разсудка.

в, Въ изложеніи его такая ясность и опредѣленность, какія только возможны по свойствамъ открываемыхъ предметовъ или сторонъ ихъ, такая приспособительность къ понятіямъ человѣка, какая только можетъ быть допущена, безъ ущерба истинѣ, и такой тонъ, изъ котораго прямо видно было бы, что здѣсь вѣщаетъ Богъ, а не человѣкъ.

2. Потому, что Откровеніе Божественное сообщается человѣку для цѣли практической, т. е. чтобъ и Богопознанію научить его собственно для того, чтобы яснѣе и по возможности приблизительнѣе къ его сознанію раскрыть ему истинный способъ Богопочтенія,—необходимо предполагать, что въ истинномъ Откровеніи заключаются:

а, Законы нравственности совершеннѣйшіе, духовнѣйшіе, всю природу человѣка обнимающіе, и потому вполнѣ достаточные къ содѣланію человѣка способнымъ и достойнымъ быть въ тѣснѣйшемъ союзѣ и единеніи съ Существомъ Верховнымъ—источникомъ чистоты и святости. Потому

б, Основывающіяся на нихъ правила жизни и дѣятельности и всѣхъ отношеній человѣка будутъ соотвѣтствовать не требованіямъ плоти и корыстнымъ цѣлямъ бытія земнаго, но высшимъ требованіямъ духа, чистѣйшимъ и безкорыстнымъ побужденіямъ и движеніямъ сердца, безъ фанатизма религіознаго, безъ исключительныхъ раздѣленій въ приложеніяхъ дѣятельной любви, но ко всему человѣчеству безъ

исключенія, ко всему міру духовно—нравственному, ко всему тому, что̀ благо, праведно и свято само въ себѣ.

в, Въ обрядахъ и постановленіяхъ проповѣдуемой Откровеніемъ религіи ничего не будетъ несообразнаго съ святостію и величіемъ Существа Верховнаго, съ достоинствомъ природы человѣческой и съ существенными требованіями прирожденнаго человѣку чувства религіознаго. Потому и самые наружные обряды, и самыя вещественныя принадлежности Богопочтенія въ такой религіи будутъ проникнуты и оживлены святостію, величіемъ и глубиною смысла, возбуждающими одно чистое благоговѣніе, заставляющими забывать земное—суетное, и возносящими умъ, сердце и волю къ вышечувственному, духовному, святому.

Необходимо предполагать, что истинное Откровеніе будетъ запечатлѣно и внѣшними признаками Божественнаго происхожденія своего, какъ доступнѣйшими и очевиднѣйшими и потому убѣдительнѣйшими для всѣхъ безъ исключенія, и для тѣхъ, которые, по недостатку умственнаго и нравственнаго образованія своего, не могутъ замѣчать и постигать внутренніе признаки Божественности Откровенія.

Къ таковымъ признакамъ надобно отнесть: 1) *достоинство лицъ,* служившихъ органами при сообщеніи Богомъ Откровенія, и 2, *чудесныя событія,* коими ознаменовано его возвѣщеніе и распространеніе:

1. Лица, выдающія себя за провозвѣстниковъ непосредственнаго Откровенія имъ воли Божіей, естественно относятся къ непосредственнымъ свидѣтелямъ истины вообще; потому и въ отношеніи къ нимъ необходимы всѣ тѣ условія достовѣрности, какія изложены нами о свидѣтеляхъ непосредственныхъ. Но въ нихъ, какъ Божественныхъ посланникахъ, должны быть и особенныя черты, показывающія Божественность ихъ избранія. Эти отличительныя черты должны отпечатлѣваться въ ихъ характерѣ и дѣйствіяхъ, такъ какъ и во всякомъ случаѣ характеръ и способъ дѣйствованія человѣка образуются вслѣдствіе тѣхъ истинъ, мыслей и чувствованій, какія движутъ и занимаютъ его, и по степени важности и интереса тѣхъ цѣлей и намѣреній, къ какимъ онъ стремится. Посему

а, Въ характерѣ лицъ, выдающихъ себя за проповѣдниковъ Божественнаго Откровенія, неестественны: самообольщеніе, фанатическое увлеченіе мечтами воображенія и фантазіи, стремленіе къ какимъ нибудь земнымъ, корыстнымъ цѣлямъ, къ могуществу, славѣ и т. п.; но естественна высочайшая нравственная чистота и святость, безкорыстіе, самоотверженіе, пламенная любовь къ Богу и ближнимъ, до

забвенія о самихъ себѣ, о своей безопасности и своихъ выгодахъ земныхъ.

б. Въ способѣ распространенія Божественнаго Откровенія неестественны: хитрость, обманъ, насиліе, кровопролитіе, какъ было напр. въ распространеніи магометанства; но естественна одна проповѣдь, растворенная кротостію и любовію, одни дѣла милосердія и человѣколюбія.

2, Къ чудеснымъ событіямъ, какъ внѣшнимъ признакамъ Божественности Откровенія, относятся *чудеса* и *пророчества*.

Чудеса суть событія въ природѣ сверхъестественныя, т. е. такія, которыя превышаютъ силы и законы самой природы и могутъ быть совершаемы въ ней только силою Божественною, непосредственно или чрезъ посредство людей, удостоившихся быть орудіями чудотвореній Божіихъ, или чрезъ посредство какихъ бы то ни было сотворенныхъ существъ.

Что чудеса не только умѣстны, но и необходимы при сообщеніи и распространеніи Божественнаго Откровенія, это явствуетъ:

а. Изъ понятія о Богѣ, какъ виновникѣ Откровенія, какъ благомъ и попечительномъ наставникѣ, руководителѣ и воспитателѣ человѣка. Если Богъ находитъ нужнымъ сообщить человѣку сверхъестественное Откровеніе, то, безъ всякаго сомнѣнія, захо-

четъ сообщить его съ полнымъ успѣхомъ, потому употребитъ и мѣры къ тому достаточнѣйшія, сильнѣйшія и рѣшительныя. А чудеса и заключаютъ въ себѣ, въ высшей степени, всѣ эти условія успѣшности. По нимъ человѣкъ всегда можетъ узнать истинное Откровеніе и убѣдиться что здѣсь неоспоримо, дѣйствуетъ самъ Богъ, хотя бы они были совершаемы и людьми или другими сотворенными существами: ибо никакое сотворенное существо не можетъ само собою совершать истинныхъ чудесъ, какъ событій въ природѣ, превышающихъ силы и законы природы; а Богъ, какъ безпредѣльная святость и истина, не можетъ даровать силы чудотвореній какимъ либо обманщикамъ для обольщенія людей.

б, Изъ того, что по однимъ внутреннимъ признакамъ не всѣ могутъ уразумѣвать святость и истинность Откровенія и убѣждаться въ божественности происхожденія его. Люди простые, необразованные неспособны судить о достоинствѣ внутреннихъ признаковъ Откровенія; и многіе образованные, будучи различны въ степеняхъ своего образованія, руководясь разными началами, и не всегда чуждые какихъ либо предразсудковъ, не могутъ понять и оцѣнить превосходство откровеннаго ученія, и неизбѣжно будутъ разногласить между собою, колебаться, недоумѣвать, не имѣть возможности сказать о немъ что

либо непререкаемое. Притомъ Откровеніе, по самому существу своего предмета, можетъ имѣть въ себѣ тайны, т. е. истины совершенно непостижимыя для человѣческаго разума, но необходимыя въ дѣлѣ откровенной религіи. О Божественномъ происхожденіи такихъ истинъ для разума человѣческаго нѣтъ никакой возможности судить по внутреннему ихъ достоинству. Но чудеса, дѣйствуя непосредственно на чувства и здравый смыслъ, рѣшительно убѣждаютъ всѣхъ и каждаго, какъ въ истинахъ постижимыхъ, такъ и непостижимыхъ для ограниченнаго разума.

Пророчества суть ясныя и опредѣленныя предсказанія о будущихъ событіяхъ совершенно случайныхъ, слѣд. недоступныхъ соображеніямъ ограниченнаго ума, а довѣдомыхъ только одному уму безконечному. Значитъ, и пророчества, когда они изрекаются человѣкомъ или вообще существомъ сотвореннымъ, какъ превышающія силы и законы этихъ существъ, суть тѣ же чудеса въ собственномъ смыслѣ или особый видъ чудесъ. Потому и пророчества такъ же, какъ и чудеса, умѣстны и необходимы въ сверхъестественномъ Откровеніи, и такъ же общегодны для убѣжденія въ божественности происхожденія его всѣхъ людей вообще и во всякихъ истинахъ и предметахъ Откровенія, постижимыхъ и непостижимыхъ для человѣка.

Нужное предостереженіе для разума: не дѣлать заключенія отъ непостижимости къ невозможности и проч.

Самый способъ сообщенія истиннаго Откровенія, т. е. то, что оно сообщается примѣнительно къ пріемлемости и убѣжденію человѣка, показываетъ, что Богъ не насильно навязываетъ Откровеніе свое, хотя оно и необходимо для человѣка, но хочетъ, чтобъ человѣкъ усвоялъ его, какъ свойственно существу разумно-свободному, съ разумнымъ, по возможности, убѣжденіемъ и сознательнымъ уразумѣніемъ. Слѣд. и въ отношеніи къ сверхъестественному свидѣтельству истины не только умѣстны и позволительны, но и необходимы тѣ же способы, пріемы и условія удостовѣренія и самоубѣжденія, какія употребляются въ отношеніи къ свидѣтельствамъ человѣческимъ, непосредственнымъ. Умѣстны и позволительны потому, что Богъ съ тою цѣлію и даруетъ Откровеніе свое, чтобы пособить человѣку въ познаніи и уразумѣніи необходимыхъ для него истинъ Божественныхъ; необходимы потому, что бываютъ и ложныя откровенія, чудеса и пророчества отъ людей, какъ показываетъ всеобщая и библейская исторія, и отъ злыхъ духовъ, какъ показываютъ жизнеописанія святыхъ.

Но при этомъ должно замѣтить, что въ отноше-

нiи къ истинамъ откровеннымъ наши удостовѣренiя и самоубѣжденiя должны имѣть другой характеръ и тонъ, другое направленiе и другiе размѣры, нежели въ отношенiи къ свидѣтельствамъ человѣческимъ. Касательно Откровенiя должно считать достаточнымъ удостовѣренiемъ и крайнею мѣрою убѣжденiя для насъ и то одно, если дойдемъ до несомнѣнности въ томъ, возможномъ для насъ, убѣжденiи, что выдаваемое за Божественное Откровенiе дѣйствительно происходитъ отъ Бога; что оно передается намъ въ цѣлости, безъ поврежденiй и измѣненiй существенныхъ, какъ внѣшняго состава своего, такъ и внутренняго смысла; что лица, выдающiя себя за посланниковъ Божiихъ, дѣйствительно имѣютъ всѣ признаки истиннаго Богоизбранiя и проч. Что же касается существа главнѣйшихъ предметовъ и истинъ Откровенiя, то силиться вполнѣ и всесторонно уразумѣть ихъ умомъ ограниченнымъ значило бы то же, что силиться горстiю вычерпать море. Потому какъ тотъ былъ бы смѣшонъ, кто сталъ бы утверждать, что море есть призракъ, потому что онъ не можетъ вычерпать его горстiю; такъ смѣшонъ и непослѣдователенъ въ заключенiяхъ своихъ былъ бы и тотъ, кто позволилъ бы себѣ дѣлать заключенiе о невозможности и недѣйствительности чего либо въ Откровенiи по тому одному, что это что либо для него

непостижимо. Притомъ извѣстно психологически, что степень прiемлемости и уразумѣнiя для насъ и естественныхъ истинъ и предметовъ весьма много, а иногда главнымъ и единственнымъ образомъ, зависитъ отъ бо́льшаго или мѐньшаго сродненiя нашего съ этими истинами и предметами, и потому отъ симпатическаго склоненiя и какъ-бы тяготѣнiя къ нимъ всѣхъ нашихъ силъ и способностей душевныхъ. Привыкшiй напр. къ жизни разсѣянной, праздной, къ забавамъ и удовольствiямъ мiрскимъ, соскучится въ обществѣ людей трудолюбивыхъ, ведущихъ жизнь уединенную, непозволяющихъ себѣ никакихъ излишествъ ни въ чемъ; неразвившiй въ себѣ вкуса къ изящному въ живописи или музыкѣ не оцѣнитъ ихъ по достоинству и не найдетъ въ нихъ для себя того высокаго удовольствiя, какимъ наслаждаются глубоко и отчетливо постигающiе этого рода изящество и изощрившiе свой вкусъ къ нему. То же можетъ быть и бываетъ дѣйствительно и вразсужденiи вещей Божественныхъ: несблизившiйся и несроднившiйся съ ними всею душею и всемъ существомъ своимъ не только не уразумѣетъ ихъ, но даже не замѣтитъ ихъ проявленiя въ мiрѣ и въ себѣ самомъ, не ощутитъ ихъ вѣянiя небеснаго, ихъ сладости премiрной. *Вкусите*, и тогда только *увидите, яко благъ Господь*, говоритъ царепророкъ Давидъ (Пс. 33, 9). Если же и

свойства Божіи могутъ быть видимы, ощутимы и постигаемы человѣкомъ только тогда, когда онъ живо принимаетъ ихъ дѣйствія и проявленія свыкшимся и сроднившимся съ ними сердцемъ своимъ; то тѣмъ болѣе самъ Богъ въ существѣ своемъ не можетъ быть не только постигаемъ, но хотя бы сколько нибудь проразумѣваемъ, безъ нравственнаго — сердечнаго сближенія съ Нимъ человѣка и безъ непосредственнаго дѣйствія Его въ человѣкѣ. *Духъ бо, одинъ* Духъ Божій *вся испытуетъ, и глубины Божія. Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ? такожде и Божія никто же вѣсть, точію духъ Божій....... Душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ я же Духа Божія: юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется. Духовный же востязуетъ убо вся.* 1 Кор. 2, 10—16.

4) ВѢРОЯТНЫЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ОТЪ ЯВЛЕНІЙ КЪ СУЩНОСТИ.

Понятіе о нихъ и отличіе ихъ отъ прочихъ способовъ умозаключенія и отъ всѣхъ видовъ опытнаго познанія.

Изъ опытныхъ познаній такъ же естественно и необходимо, какъ изъ сѣмени, брошеннаго въ землю, происходитъ новый родъ дознанія истины, по-

рождаемый и развиваемый опытомъ, но въ основномъ характерѣ своемъ отличный отъ всѣхъ видовъ его,—это заключенія по однѣмъ вѣроятностямъ отъ явленій къ сущности.

Потому-что всякое явленіе есть часть видоизмѣненія дѣйствій и проявленій сущности, къ которой заключается по вѣроятностямъ, этотъ способъ дознанія истины примыкаетъ нѣкоторымъ образомъ къ обратнымъ умозаключеніямъ посредственнымъ, въ которыхъ также заключеніе дѣлается отъ меньшаго къ бо̀льшему, по признакамъ самымъ существеннымъ и потому необходимо общимъ какъ частямъ, такъ и цѣлому ихъ; но отличается отъ нихъ тѣмъ, что заключенія въ немъ дѣлаются не къ извѣстному уже общему, какъ въ обратныхъ умозаключеніяхъ, а къ неизвѣстному на однѣхъ, еще неоправданныхъ догадкахъ и предположеніяхъ, которыя съ тѣмъ и полагаются въ основаніе мышленія по нимъ, чтобъ оправдать, или отвергнуть ихъ. Слѣд. эти догадки и предположенія занимаютъ здѣсь мѣсто среднихъ понятій, и слѣд. этотъ способъ заключенія есть ни что̀ иное, какъ попытки разсудка—отъ извѣстнаго частнаго вдругъ вознестись къ неизвѣстному общему, минуя утомительный и иногда нескончаемый рядъ аналитическихъ изслѣдованій необозримаго множества частностей и ихъ подробностей. Такимъ образомъ

и отъ всѣхъ видовъ опытнаго познанія этотъ способъ заключенія отличается *во-первыхъ* тѣмъ, что опережаетъ ихъ, съ тѣмъ однакожь, чтобъ послѣ воспользоваться ими, а *во-вторыхъ* тѣмъ, что онъ силится осуществить себя неиначе, какъ въ формѣ умозаключенія, между-тѣмъ какъ всѣ виды опыта, какъ опыта—какъ усмотрѣнія и наблюденія отдѣльныхъ явленій и потому одной внѣшности предметовъ, довольствуются и однѣми низшими формами мышленія—воззрѣніями, представленіями, понятіями и сужденіями; а умозаключенія въ нихъ о недоступныхъ для нихъ законахъ, послѣдствіяхъ, цѣляхъ и общемъ значеніи явленій принадлежатъ уже не опыту собственно, а другимъ пріемамъ мышленія, возвышающимся надъ частностію опытныхъ наблюденій, между прочимъ и сему способу заключеній по вѣроятностямъ.

Надобность въ нихъ.

Такимъ образомъ нужда и естественность вѣроятныхъ заключеній сами собою открываются: а. Изъ ограниченности человѣческаго опыта и б. Изъ самаго свойства познавательной нашей способности.

а. Самый полный и всесторонній опытъ, самое точное и подробное наблюденіе, касаясь отдѣльныхъ явленій и потому только внѣшней стороны бытія

дѣйствительнаго, по частямъ, сообщаютъ намъ отрывочныя свѣдѣнія только о томъ, какъ что есть и бываетъ, и притомъ въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ; но, почему что́ такъ есть и бываетъ, такъ ли всегда и вездѣ бываетъ, и такъ ли только можетъ и должно быть необходимо, этого никакіе опыты и никакія наблюденія, сами по себѣ рѣшить не могутъ: это уже выходитъ изъ круга свойственной имъ дѣятельности. Слѣд. опыты и наблюденія не могутъ доводить до истинъ всеобщихъ и необходимыхъ. Между-тѣмъ

б. Всеобщность и единство, какъ существенная потребность нашего духа, составляютъ необходимую принадлежность всякаго знанія: тогда только и бываетъ въ насъ знаніе, въ собственномъ смыслѣ, когда мы, многое и различное въ бытіи дѣйствительномъ переводя въ идеальное бытіе въ сознаніи нашемъ, подводимъ подъ одинъ общій взглядъ, сознавая оное, какъ одно неразрывное цѣлое. Напротивъ того, разнообразная множественность, несознанная въ формѣ единства мыслящаго человѣка, тяготитъ и безпокоитъ, а не привыкшаго къ точному, сосредоточенному мышленію хотя, какъ говорятъ, пріятно развлекаетъ, но все же развлекаетъ, а не сосредоточиваетъ въ центрѣ его сознанія, и потому дѣлаетъ его не господиномъ своихъ мыслей, чувствованій

желаній и предметовъ ихъ содержанія, а игрушкою перемѣнчивости и непостоянства ихъ проявленій и видоизмѣненій. Весьма удачно на языкѣ житейскомъ, выражаютъ это неестественное состояніе человѣческой разумности, когда говорятъ: я потерялъ голову отъ такихъ-то развлеченій, мыслей, увеселеній и проч.; то-то и то-то вскружило мнѣ голову; отъ того-то я самъ не свой, самого себя не помню, и т. п. Дѣйствительно, тотъ какъ потерянъ, кто въ судилищѣ самосознанія своего не можетъ дать себѣ отчета, что, какъ, почему и для чего дѣйствуетъ на него или подлежитъ его воздѣйствію, въ какой связи и въ какихъ отношеніяхъ находится между собою и съ его мыслящимъ и познающимъ духомъ разнообразная множественность, вторгающаяся, необъединенною идеально, въ область его сознанія.

Основаніе ихъ.

Итакъ побужденіе возноситься, въ вѣроятныхъ заключеніяхъ, отъ явленій къ неизвѣстной ихъ сущности очевидно и естественно духу нашему: оно имѣетъ корень свой въ общей потребности разумно-сознательной природы нашей—всякую множественность и всякое разнообразіе сводить къ формѣ единства въ сознаніи, чтобъ можно было уразумѣть ихъ смыслъ и значеніе. Но не такъ очевидно основаніе, на

которомъ утверждается разсудокъ нашъ, когда рѣшается на такія, повидимому, шаткія и опрометчивыя заключенія. Впрочемъ стоитъ только всмотрѣться внимательнѣе, чтобъ увѣриться, что и этотъ, кажущійся шаткимъ и опрометчивымъ, способъ заключенія имѣетъ твердое основаніе не только въ глубинѣ нашего духа, но и въ самомъ опытѣ.

Правда, что въ опытѣ не даны единство, всеобщность, цѣлое; но въ немъ есть болѣе или менѣе ясные намеки и указанія на нихъ среди самыхъ частностей, особенностей, и разнообразно измѣняющейся множественности. Хотя мы видимъ, что каждое недѣлимое въ бытіи дѣйствительномъ существуетъ, дѣйствуетъ и видоизмѣняется только свойственнымъ ему образомъ, по своему; но тутъ же видимъ, что и многія другія недѣлимыя и даже цѣлыя группы ихъ существуютъ, дѣйствуютъ и видоизмѣняются такимъ же или подобнымъ образомъ. Напр. и человѣкъ существуетъ тѣлесно и возрастаетъ потому только, что питается различными веществами, стихіями и элементами сторонними; и всякое животное, и всякое растеніе, и всякій злакъ существуютъ и возрастаютъ потому же только, что питаются различными веществами, стихіями и элементами сторонними. Отсюда естественно раждается въ насъ мысль, что въ этихъ многихъ недѣлимыхъ и въ цѣлыхъ группахъ ихъ

должно быть что-то общее всѣмъ имъ. Наконецъ и во всемъ существующемъ въ мірѣ дѣйствительномъ замѣчаемъ въ чемъ либо или и во многомъ такое же сходство, подобіе, одинаковость. Сіи-то данныя опыта, при вліяніи на умъ нашъ прирожденной намъ идеи единства, заставляютъ насъ предполагать, что и во всемъ мірѣ дѣйствительномъ должно быть нѣчто общее, основное (которое и называемъ сущностію), и что это общее должно жить и дѣйствовать во всемъ и все заставлять дѣйствовать и видоизмѣняться не по слѣпой и неопредѣленной случайности, но опредѣленнымъ образомъ и въ опредѣленныхъ размѣрахъ и предѣлахъ, слѣд. по опредѣленнымъ законамъ. И какъ эта мысль о единствѣ и всеобщности началъ и законовъ бытія есть плодъ субъективныхъ нашихъ гаданій, хотя вынуждаемыхъ данными опыта, но еще неоправдываемыхъ отчетливыми дѣйствіями разсудка; то, до таковаго ея оправданія, остается въ насъ не положительнымъ знаніемъ, *а вѣрою*, болѣе или менѣе твердою и основательною, смотря по тому, болѣе или менѣе тверды и основательны были наши гаданія и предположенія. Слѣд. подлиннымъ основаніемъ для вѣроятныхъ заключеній служитъ *вѣра* наша въ общность существенныхъ началъ и законовъ ихъ проявленій и дѣйствій, возбуждаемая, расширяемая и утверждаемая въ насъ дѣйствительными фактами опыта.

Какъ бы кто ни разумѣлъ, въ наглядно-предположительныхъ вѣрованіяхъ своихъ, эту общность существенности и законовъ ея—всеобщею и единою для всего существующаго, или раздробленною на многія общности для каждаго рода и вида существъ, но результатъ такихъ субъективныхъ разумѣній во всякомъ случаѣ одинъ и тотъ же: успокоеніе духа на общности взгляда на многое и позможность уразумѣнія многаго въ единомъ, какъ единственно возможное и необходимое условіе начала и продолженія, развитія и завершенія всякаго ограниченнаго мышленія и познаванія. Что было бы съ нашею мыслительностію и нашимъ познаваніемъ, еслибы отнять у нихъ эту вѣру въ бытіе бо́льшей или мѐньшей общности и одинаковости существенныхъ началъ и законовъ ихъ дѣйствій и проявленій? „Еслибы въ природѣ", говоритъ Бахманъ *, „каждый предметъ и „подчинялся особому закону, то все же наше знаніе „было бы, подобно отдѣльнымъ созерцаніямъ, отрывочное, состояло бы изъ отдѣльныхъ частей; нельзя „было бы и думать о единствѣ, и по сему не было бы „никакого согласія въ сужденіяхъ. Тогда каждый оставался бы при своемъ мнѣніи, основывался бы на „своихъ собственныхъ законахъ познаванія, не вѣ-

---

* См. Лог. Бахм. ч. 2, стран. 80.

„рилъ бы никакимъ свидѣтельствамъ, и самое полное „познаніе одного предмета нисколько не способствовало бы къ познанію другихъ предметовъ. Если же „законы мышленія и познаванія, въ сущности своей, „вездѣ одни и тѣже; если всѣ вещи въ природѣ, или „по крайней мѣрѣ большія группы ихъ, подчинены „одинаковымъ или подобнымъ законамъ; то сіи опасенія неумѣстны: законы нашего познаванія суть „отраженіе всеобщаго закона, который каждый изъ „насъ можетъ находить въ себѣ самомъ, раскрывая „свое самосознаніе".

Нелѣпость предположенія объ одной подлежательности законовъ и порядка въ природѣ.

Отсюда явствуетъ, какъ нелѣпо то предположеніе философовъ-идеалистовъ, будто законы и порядокъ, открываемые въ природѣ, суть дѣло только нашего мышленія, а не существуютъ на самомъ дѣлѣ. Предположенію этому не благопріятствуютъ: ни 1, существенное, коренное свойство нашего духа, ни 2, естественныя средства, въ немъ самомъ имѣющіяся для осуществленія мышленія и познанія (способности мыслительныя и познавательныя), ни наконецъ 3, самое дѣло въ своей дѣйствительности.

1. Коренное свойство духа нашего, какъ мы ви-

дѣли уже, таково, что, безъ чего либо даннаго, въ немъ не можетъ произойти никакого движенія мысли, ни даже бѣглыхъ и поверхностныхъ мнѣній и полумыслей, гаданій и предположеній. Самый первый въ немъ начатокъ мышленія—*яесмь я*—возможенъ потому только, что духъ нашъ, наше *я*, имѣетъ способность самого себя, какъ уже существующее дѣйствительное, обращать въ предметъ своего мышленія и дѣлать себя какъ-бы стороннимъ для себя. Если и бываютъ въ немъ, какъ замѣчаютъ св. отцы-подвижники *, нѣкоторые тончайшіе помыслы, называемые набѣгами мыслей, во мгновеніе ока, безъ его вѣдома и намѣренія заставляющіе приходить въ движеніе и умъ, и сердце, и волю; то и это внезапное наитіе мыслей, какъ-бы изъ ничего и безъ всякаго, повидимому, повода раждающееся въ душѣ, бываетъ непремѣнно вслѣдствіе какой либо дѣйствительности, соприкасающейся или прежде когда-то соприкасавшейся если не къ сознанію нашему, ясно и отчетливо для него, то къ несознательному инстинкту животныхъ или душевныхъ потребностей нашихъ. Иначе слѣдовало бы допустить, что духъ нашъ, въ области мышленія и познаванія своего, можетъ изъ ничего тво-

* Напр. св. Іоаннъ-Лѣствичникъ, св. Антоній, св. Макарій египетскій и др.

рить что либо, и что слѣд. онъ независимъ, неограниченъ и всемогущъ въ своихъ дѣйствіяхъ духовныхъ *.

* Здѣсь мы смотримъ на духъ нашъ въ естественномъ его состояніи и дѣйствованіи собственными его естественными силами, и потому ничуть не отвергаемъ той святой и непрерѣкаемой истины православной нашей Церкви, что ангелы, добрые и злые, могутъ внезапно освѣщать или помрачать духъ нашъ, безъ его вѣдома и намѣренія, какими либо мыслями, чувствованіями и желаніями, и что тѣмъ болѣе возможно для благодатнаго дѣйствія Духа Божія внушать намъ мысли, чувствованія и желанія, и цѣлыя истины, не нами самими вырабатываемыя. Утверждаемъ только, что и эти внезапныя наитія мысли не бываютъ и не могутъ быть безпредметными, но всегда имѣютъ предметомъ и содержаніемъ своимъ что либо въ дѣйствительности или въ возможности существующее, къ принятію и усвоенію чего духъ нашъ подготовленъ уже. Въ такомъ смыслѣ говоритъ св. Нилъ: когда умъ чисто и безстрастно молится: тогда демоны . . . представляютъ ему славу Божію и нѣкій образъ, пріятный чувству . . . и, прикасаясь къ мозгу, по своей волѣ превращаютъ свѣтъ ума: и так. образомъ посредствомъ помысла, напечатлѣвающаго въ легкомысленномъ умѣ образъ божественнаго и существеннаго вѣдѣнія, возбуждается страсть тщеславія и прч. См. Христ. Чт. за 1828 г., часть XXXII, стран. 142 и 143. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ и св. Іоаннъ-Лѣствичникъ: духъ гордости, часто во время самыя Божественныя Литургіи и въ самый страшный часъ священнодѣйствія, хулитъ мысленно Бога и совершаемыя тайны, изъ чего ясно познать можемъ, что сіи необычайные, непонятные и неизъяснимые злые помыслы не отъ души нашей, но отъ Богоненавистнаго и съ небеси спадшаго діавола происходятъ. Ибо если сіи непотребныя мысленныя слова суть мои собственныя и отъ моей воли происходятъ, то для чегожъ я по принятіи сего небеснаго дара припадаю къ Богу? какъ мнѣ можно въ одно время и злословить и благословлять Бога? Ни что такъ крѣпко діаволовъ и злыхъ помысловъ на насъ не вооружаетъ, какъ ежели сіи злохуленія въ сердцѣ нашемъ питаются и кроются.. Піянство есть причиною претыканія, а гордость виною непотребныхъ мыслей ... Когда мы стоимъ на молитвѣ, тогда находятъ на насъ оныя нечистыя и недобоизреченныя мысли. Но по окончаніи молитвы тотчасъ отъ насъ отходятъ.... злый духъ нечаянно, на подобіе вихря, въ одно мгновеніе ока прилетаетъ, и внушивъ въ скорѣйшемъ времени худую мысль, тотчасъ паки исчезаетъ. См. Лѣствицу св. Іоанна Лѣствичника степень: о неизъяснимыхъ хульныхъ помыслахъ, стр. 103—109. См. также преп. Арсенія Великаго наставленіе и увѣщаніе въ Христ. Чт. за 1828. г. ч. XXXI, стран. 250—253 и многихъ другихъ.

2. Сообразно такому свойству нашего духа и всѣ его служебныя силы и способности (мыслительныя и познавательныя), отъ чувственнаго воззрѣнія до сосредоточивающаго всѣ ихъ въ себѣ сознанія включительно, такъ устроены и приспособлены къ наличной дѣйствительности, что безъ нея ни одна изъ нихъ не можетъ ни начинать, ни продолжать и завершать свойственной имъ дѣятельности. Даже тѣ изъ нихъ, которыя не относятся непосредственно къ бытію дѣйствительному, каковы: воображеніе, фантазія и разсудокъ, въ дѣятельности своей всецѣло зависятъ отъ данныхъ бытія дѣйствительнаго, переводимыхъ только, чрезъ отвлеченіе, на идеальное бытіе въ духѣ нашемъ—на представленія, образы и понятія, ощущенія и чувствованія или внутреннія наши состоянія. Слѣд. не будь дѣйствительности и непосредственна-

го соприкосновенія съ нею нисшихъ способностей нашей души, созерцающихъ, усвояющихъ и идеализирующихъ ее, тогда въ духѣ нашемъ не могло бы существовать ни одной идеальной, отвлеченной мысли, ни даже предположеній, соображеній и гаданій, устремляющихъ мыслительную дѣятельность духа въ область возможнаго: ибо и возможное существуетъ для насъ потому только, что существуетъ для насъ дѣйствительное. И умъ также, какъ способность созерцать вышечувственное, равно не можетъ приходить въ движеніе безъ данной дѣйствительности. Идеи, которыя составляютъ исключительный міръ его созерцаній, не безпредметны, но содержаніемъ своимъ имѣютъ дѣйствительную предметность, между прочимъ и ту же самую, которая представляется, по частямъ, чувственному воззрѣнію и наблюденію нашему, съ тою только разницею, что эта дробящаяся въ опытѣ дѣйствительность въ идеѣ существуетъ въ общей, единой цѣлости. Притомъ никакая идея, будь она идея чувственной или вышечувственной дѣйствительности, не можетъ развиться въ опредѣленную и отчетливую для сознанія мысль, безъ пособія данныхъ опыта и потому безъ той же частичной, на дѣйствительности только могущей основываться, возбуждаться, продолжаться и оканчиваться дѣятельности мыслительныхъ и познавательныхъ способностей.

Если же ни въ самой основѣ духа нашего, ни въ его силахъ и способностяхъ нѣтъ никакой естественной возможности производить какую бы то ни было мысль безпредметно и безотносительно, то откуда и какъ могла бы родиться и развиваться въ немъ мысль о законахъ и порядкѣ природы, еслибы въ самой природѣ не было ничего дѣйствительнаго, соотвѣтствующаго этой мысли и могущаго производить ее?

3. Да и что́ обыкновенно разумѣютъ подъ законами и порядкомъ природы? Подъ законами природы разумѣютъ опредѣленный, постоянный и неизмѣнный способъ, мѣру и предѣлы дѣйствій и проявленій, какъ каждаго недѣлимаго, каждаго вида и рода существъ, такъ и всего существующаго въ совокупности; а подъ порядкомъ—такое состояніе взаимоотношеній дѣйствительныхъ предметовъ, силъ и дѣйствій природы, по которому все въ ней идетъ своимъ чередомъ, последовательно, стройно, безъ запутанностей, безъ смѣшенія, безъ скачковъ и промежутковъ, такъ что одно другому не препятствуетъ, но все сохраняетъ свой чинъ, свое мѣсто и назначеніе, и, при самыхъ столкновеніяхъ и кажущихся разрушеніяхъ, все неуклонно стремится къ одной общей цѣли и потому все вмѣстѣ составляетъ одну всеобщую и непрерывную гармонію. Кто жъ изъ непредубѣжденныхъ скажетъ, что все это не есть почти наглядная истина,

а плодъ одного нашего мышленія, несоотвѣтствующаго дѣйствительности? Когда мы видимъ, напр., что отъ достатка теплоты, свѣта и влаги происходитъ растительность, цвѣтеніе и плодотвореніе, а отъ недостатка или излишества ихъ—увяданіе и порча; когда времена года совершаются послѣдовательно и неизмѣнно, и каждое время года неизмѣнно удерживаетъ свои особенности, свойства и принадлежности; когда безчисленные міры, созерцаемые нами въ пространствахъ вселенной, при всей быстротѣ круговаго своего теченія не сталкиваются и не производятъ между собою нестроенія, но составляютъ еще удивительную стройность и гармонію; и когда все это повторяется со дня на день, съ года на годъ, не при насъ только, но такимъ же образомъ повторялось чрезъ цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія: то надобно заткнуть уши и смѣжить глаза, отказаться отъ способности отвлеченія и обобщенія; или не вѣрить въ ея реальную и идеальную вѣрность и дѣйствительность, чтобъ рѣшиться отвергать дѣйствительность бытія законовъ и порядка въ природѣ и возможность соотвѣтствія ей нашего мышленія и познаванія.

Виды вѣроятныхъ заключеній.

По тѣсной и неразрывной связи всего существующаго каждая вещь въ природѣ, живя и дѣйствуя соб-

ственными, существенными ей силами и способностями болѣе или менѣе зависитъ въ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ своихъ и отъ вліянія на нее другихъ вещей, силъ и причинъ, съ которыми она находится въ существенныхъ или случайныхъ отношеніяхъ. Посему всякое явленіе въ природѣ относится къ сущности двояко: какъ частное къ общему и какъ дѣйствіе къ причинѣ. Отсюда два вида вѣроятныхъ заключеній: а) *Наведеніе и Аналогія*, б) *Ипотеза*.

Понятіе о Наведеніи.

Наведеніе (inductio) есть способъ заключать отъ извѣстныхъ частей къ предполагаемому по нимъ цѣлому, восходить отъ даннаго множества къ догадочно прозрѣваемому единству. Если мы примѣтили, напр., что положительный или отрицательный признакъ приличествуетъ нѣсколькимъ недѣлимымъ, къ одному и тому же виду или роду принадлежащимъ; то таковый признакъ приписываемъ и всѣмъ прочимъ недѣлимымъ того же вида или рода, хотя бъ этотъ признакъ и не былъ усмотрѣнъ въ этихъ прочихъ недѣлимыхъ. Такой быстрый ходъ заключеній имѣетъ обширное и многоразличное приложеніе, какъ въ наукахъ, особенно естественныхъ, такъ и въ жизни практической. Разсудокъ позволяетъ себѣ заключать индуктивно: и отъ одного признака или явленія, во многихъ недѣ-

а плодъ одного нашего мышленія, несоотвѣтствующаго дѣйствительности? Когда мы видимъ, напр., что отъ достатка теплоты, свѣта и влаги происходитъ растительность, цвѣтеніе и плодотвореніе, а отъ недостатка или излишества ихъ—увяданіе и порча; когда времена года совершаются послѣдовательно и неизмѣнно, и каждое время года неизмѣнно удерживаетъ свои особенности, свойства и принадлежности; когда безчисленные міры, созерцаемые нами въ пространствахъ вселенной, при всей быстротѣ круговаго своего теченія не сталкиваются и не производятъ между собою нестроенія, но составляютъ еще удивительную стройность и гармонію; и когда все это повторяется со дня на день, съ года на годъ, не при насъ только, но такимъ же образомъ повторялось чрезъ цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія: то надобно заткнуть уши и смѣжить глаза, отказаться отъ способности отвлеченія и обобщенія; или не вѣрить въ ея реальную и идеальную вѣрность и дѣйствительность, чтобъ рѣшиться отвергать дѣйствительность бытія законовъ и порядка въ природѣ и возможность соотвѣтствія ей нашего мышленія и познаванія.

Виды вѣроятныхъ заключеній.

По тѣсной и неразрывной связи всего существующаго каждая вещь въ природѣ, живя и дѣйствуя соб-

ственными, существенными ей силами и способностями болѣе или менѣе зависитъ въ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ своихъ и отъ вліянія на нее другихъ вещей, силъ и причинъ, съ которыми она находится въ существенныхъ или случайныхъ отношеніяхъ. Посему всякое явленіе въ природѣ относится къ сущности двояко: какъ частное къ общему и какъ дѣйствіе къ причинѣ. Отсюда два вида вѣроятныхъ заключеній: а) *Наведеніе и Аналогія*, б) *Ипотеза*.

Понятіе о Наведеніи.

Наведеніе (inductio) есть способъ заключать отъ извѣстныхъ частей къ предполагаемому по нимъ цѣлому, восходить отъ даннаго множества къ догадочно прозрѣваемому единству. Если мы примѣтили, напр., что положительный или отрицательный признакъ приличествуетъ нѣсколькимъ недѣлимымъ, къ одному и тому же виду или роду принадлежащимъ; то таковый признакъ приписываемъ и всѣмъ прочимъ недѣлимымъ того же вида или рода, хотя бъ этотъ признакъ и не былъ усмотрѣнъ въ этихъ прочихъ недѣлимыхъ. Такой быстрый ходъ заключеній имѣетъ обширное и многоразличное приложеніе, какъ въ наукахъ, особенно естественныхъ, такъ и въ жизни практической. Разсудокъ позволяетъ себѣ заключать индуктивно: и отъ одного признака или явленія, во многихъ недѣ-

лимыхъ усматриваемаго, къ чему либо существенному во всѣхъ прочихъ недѣлимыхъ того же вида, и отъ многихъ признаковъ или явленій въ одномъ недѣлимомъ — къ чему либо общему и главному въ этомъ одномъ недѣлимомъ, — и отъ одного или многихъ признаковъ во многихъ видахъ или родахъ — къ чему либо главному и существенному во всемъ мірѣ во всей вселенной, — и отъ событій, дѣйствій и явленій къ причинамъ, — и отъ причинъ къ послѣдствіямъ и отношеніямъ и т. п. Когда, напр. видимъ, что одно тѣло дѣлимо, другое также, третье, и т. д.; то отсюда заключаемъ, что и всякое тѣло дѣлимо. Когда судья видитъ по справкамъ, что подсудимый и жизнь велъ разсѣянную, и характеръ многократно высказывалъ вспыльчивый и строптивый, и въ разныхъ случаяхъ жизни обнаруживалъ склонность къ поступкамъ неодобрительнымъ и т. п., то съ вѣроятностію заключаетъ, что взводимое на него преступленіе могло быть учинено имъ. Усматривая, что многія тѣла небесныя совершаютъ круговое движеніе, заключаемъ что такое движеніе есть общій законъ для всѣхъ тѣлъ небесныхъ, для всѣхъ міровъ, для всей вселенной и проч.

Понятіе объ Аналогіи.

Аналогія (отъ ἀναλογία равенство, сходство, соразмѣрность; ἀναλογίζομαι самъ съ собою считаю, смекаю, цѣню, проникаю, понимаю) есть способъ заключать отъ сходства предметовъ одного вида въ нѣскольких качествахъ къ сходству тѣхъ же предметовъ въ прочихъ качествахъ, т. е. отъ частнаго сходства къ сходству во всемъ. Такъ напр. отъ сходства въ наружныхъ очертаніяхъ и въ пріемахъ лицъ заключаемъ иногда о сходствѣ ихъ характеровъ; такъ что если характеръ одного извѣстенъ, то по аналогіи приписываемъ такой же характеръ и другому, или: отъ сходства погоды одной весны съ погодою другой заключаемъ о такомъ же лѣтѣ.

Различіе между ними по предмету.

Явно, что Наведеніе и Аналогія стремятся къ одной цѣли — обобщить частности, чтобъ можно было мыслить ихъ, какъ части одного цѣлаго. Но, сходствуя по цѣли, они различаются между собою по предмету. Наведеніе, какъ видно изъ понятія о немъ, имѣетъ предметомъ своимъ количество данныхъ въ бытіи дѣйствительномъ, а Аналогія — качество ихъ, т. е. Наведеніе, стремясь возвыситься до общаго взгляда на извѣстную часть бытія дѣйствительнаго или на все бытіе въ совокупности, съ той или другой его стороны, въ такихъ или другихъ его отношеніяхъ, ни на чемъ другомъ не можетъ опираться въ своемъ полетѣ, какъ на недѣлимыхъ обобщаемой части бытій,

на ихъ видахъ или родахъ, такъ что бо̀льшая или мѐньшая твердость его, бо̀льшее или мѐньшее его совершенство и правдоподобіе условливаются только бльо̀шимъ или мѐньшимъ количествомъ недѣлимыхъ, видовъ или родовъ, которые могутъ быть мыслимы подъ одними и тѣми же признаками. Аналогія же, напротивъ того, не вдаваясь вдаль и не разливаясь по множеству недѣлимыхъ, видовъ или родовъ, любитъ останавливаться на немногихъ изъ нихъ, и тѣмъ болѣе достигаетъ успѣха и совершенства своего, чѣмъ долѣе, внимательнѣе, глубже и многосторониѣе всматривается въ свойства и качества ихъ и чѣмъ болѣе находитъ въ нихъ сходныхъ свойствъ и качествъ.

Порядокъ образованія и результатъ ихъ.

Оттого въ порядкѣ образованія наведеніе предшествуетъ аналогіи, а аналогія слѣдуетъ за наведеніемъ, какъ пополненіе и изъясненіе его. Оттого и результатъ ихъ бываетъ неодинаковъ; наведеніе расширяетъ наши познанія, а аналогія обогащаетъ насъ подобностію ихъ.

Общій характеръ заключеній чрезъ Наведеніе и Аналогію.

Но, при всей обширности и подробности познаній, сообщаемыхъ наведеніемъ и аналогіей, мы не восходимъ въ нихъ выше *вѣроятности*. Въ самомъ способѣ сего рода познаній заключается причина и законность бо̀льшей или мѐньшей мѣры сомнѣній и недоразумѣній. Еслибъ мы, заключая по наведенію и аналогіи, имѣли дѣло съ предметами, присущими нашему наблюденію во всей цѣлости ихъ объемовъ, и еслибъ эта цѣлостная совокупность наблюдаемой дѣйствительности была раскрыта для нашего уразумѣнія во всей полнотѣ и подробности существенныхъ случайныхъ ея свойствъ, качествъ, отношеній и зависящихъ отъ нихъ явленій и ихъ видоизмѣненій, тогда заключенія эти были бы такъ же тверды и несомнѣнны для насъ, какъ заключенія отъ положительно извѣстнаго къ необходимо изъ него вытекающему. Но въ заключеніяхъ индуктивныхъ и аналогическихъ мы заключаемъ отъ немногихъ признаковъ въ нѣсколькихъ частяхъ къ безмѣрно обширному, отдаленному и иногда вовсе недоступному, для положительнаго уразумѣнія нашего, цѣлому.

Что же поручится намъ за вѣрность, безошибочность и достаточность таковыхъ заключеній нашихъ? Одного и того же вида недѣлимыя, напр. въ царствѣ растительномъ или животномъ, могутъ во многомъ разниться между собою отъ того, въ какомъ климатѣ или на какой почвѣ рождаются и возрастаютъ, какими веществами, стихіями и элементами питаются, подъ какими условіями и обстоятельствами внѣшними на-

ходятся, какъ воспитываются и т. п. Потому, какъ житель теплыхъ странъ, такъ и житель странъ суровыхъ, равно ошибочно заключили бы отъ растеній и плодовъ ихъ съ извѣстными имъ качествами о такихъ же качествахъ и всѣхъ на земномъ шарѣ растеніяхъ и плодахъ того же вида. А въ быту житейскомъ и въ разныхъ отношеніяхъ между людьми сколько бываетъ горькихъ послѣдствій отъ незрѣлыхъ индуктивныхъ и аналогическихъ заключеній, прилагаемыхъ къ дѣлу! Многіе капиталисты теряютъ все свое достояніе отъ того, что рѣшаются на какія либо рискованные предпріятія и обороты потому только, что въ такихъ же предпріятіяхъ и оборотахъ нѣкоторые имѣли огромные успѣхи. Многіе полководцы проигрываютъ сраженія отъ того, что безъ вниманія къ мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, неуклонно слѣдуютъ однажды принятому ими способу веденія войны потому только, что этотъ способъ не однажды увѣнчевалъ ихъ лаврами побѣдъ. Многіе покупатели часто ошибаются въ покупкахъ, принимая вещи дурнаго качества за хорошія во всѣхъ отношеніяхъ потому только, что видятъ на нихъ нѣкоторые признаки, съ которыми случалось имъ видѣть нѣсколько вещей хорошаго качества, и проч.

Предѣлы сомнѣнія въ нихъ.

Но всѣ ошибки и неудачи, какія испытываютъ многіе, руководясь заключеніями чрезъ наведеніе и аналогію, ничуть не ведутъ къ той мысли, будто эти способы заключенія ненадежны въ познаніи истины, и что поэтому ихъ должно обходить въ познаніи предметовъ или истинъ важныхъ и интересныхъ для насъ, могущихъ имѣть особенную важность по своимъ приложеніямъ и послѣдствіямъ. Мы видѣли нужду и естественность сего рода дознанія истины, и то самое, что люди всего чаще ошибаются руководясь имъ, доказываетъ только то, что самое положеніе наше въ мірѣ опыта болѣе и чаще всего требуетъ отъ насъ гадательнаго способа познанія и самоубѣжденія. Слѣд. намъ остается не обходить этотъ естественный и неизбѣжный для насъ способъ познанія, а пользоваться имъ благоразумно и осмотрительно.

Всѣ ошибки и неудачи въ аналогіи и наведеніяхъ происходятъ отъ неразборчивой поспѣшности въ заключеніяхъ къ общему по бѣгло замѣченнымъ признакамъ въ частномъ. А какъ общее слагается изъ частнаго и частное вытекаетъ изъ общаго, на немъ основывается, имъ управляется и характеризуется, то все благоразуміе и вся внимательность должны быть обращаемы здѣсь на то, дѣйствительно ли признаки

или явленія замѣченные въ нѣсколькихъ частяхъ или недѣлимыхъ, существенны имъ и необходимы, или случайны и непостоянны въ нихъ. Убѣжденіе въ этомъ должно полагать послѣдніе предѣлы всѣмъ сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ касательно вѣрности и истинности заключеній сего рода; далѣе простирать сомнѣнія значило бы выходить изъ области познанія вѣроятнаго и не приближаться къ истинѣ, а удаляться отъ нея.

Понятіе о вѣроятности.

Но самое это убѣжденіе можетъ и должно быть достигаемо не иначе, какъ только чрезъ опытъ же и наблюденіе, т. е. чрезъ увеличеніе въ наблюденіи количества недѣлимыхъ или частей съ одинаковыми признаками, или чрезъ увеличеніе числа одинаковыхъ качествъ и свойствъ въ двухъ или нѣсколькихъ сравниваемыхъ недѣлимыхъ. Ибо до сущности или неизвѣстнаго общаго нѣтъ намъ другаго пути, кромѣ опыта и наблюденій частичныхъ. А какъ эти частичныя наблюденія никогда не могутъ быть завершаемы окончательно, по необъятности для насъ множества частей одного цѣлаго и недѣлимыхъ въ природѣ, и по ихъ разсѣянности на большихъ и неудобообозримыхъ для каждаго наблюдателя пространствахъ, то вѣроятность всегда останется въ насъ *недозрѣвшимъ знаніемъ*, какъ выражается Бахманъ,

сколько бы ни возвышали и ни расширяли ее. Она можетъ только болѣе или менѣе приближать насъ къ несомнѣнности, но никогда не приведетъ къ ней рѣшительно и вполнѣ, не переставъ быть вѣроятностію.

Ея степени.

По сему вѣроятность можетъ имѣть различныя степени, которыя могутъ зависѣть какъ отъ объективныхъ, такъ и отъ субъективныхъ причинъ и условій. *Въ объективномъ отношеніи* вѣроятность можетъ возвышаться на столько степеней, сколько удастся кому открыть недѣлимыхъ, сходныхъ между собою извѣстнымъ признакомъ. Напр. еслибъ мы замѣтили десять, двадцать недѣлимыхъ съ одинаковымъ признакомъ, то индуктивное заключеніе что и всѣ недѣлимыя того же вида имѣютъ тотъ же признакъ, было бы менѣе вѣроятно, нежели тогда, когда бъ тотъ же признакъ замѣтили въ десяти тысячахъ недѣлимыхъ, въ сотняхъ тысячъ, милліонахъ и т. д. Посему много значатъ здѣсь внимательныя путешествія по разнымъ, близкимъ и отдаленнымъ мѣстамъ и странамъ свѣта, знакомство съ природою наглядное и посредствомъ изученія наукъ естественныхъ, землеописательныхъ, политическихъ и прч. А кто мало знакомъ съ природою и вовсе несвѣдущъ въ естественныхъ

и другихъ наукахъ, у того наведенія и аналогіи необходимо должны быть скудны и мало вѣроятны.

Въ субъективномъ отношеніи степени вѣроятности могутъ возрастать: *а*) по мѣрѣ того какъ глубоко, свѣтло, точно и многосторонно можетъ кто постигать внутреннія основанія и внѣшнія связи и относительную зависимость каждаго явленія, свойства и качества вещей; *б*) отъ степени знанія условій полнаго вѣдѣнія какого либо круга предметовъ: иначе нельзя видѣть, чего еще не достаетъ въ нашемъ познаніи и на что должно обращать особенное вниманіе при дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Напр. свѣдущій въ медицинѣ и глубоко изучившій человѣческій организмъ и всѣ его отправленія съ большею вѣроятностію опредѣлитъ причину и родъ смерти умершаго отъ неизвѣстной причины, нежели тотъ, кто вовсе не свѣдущъ ни въ медицинѣ, ни въ физіологіи. Искусный въ законовѣдѣніи и опытный въ практическомъ производствѣ дѣлъ точнѣе и отчетливѣе всякаго другаго укажетъ, чего еще недостаетъ въ произведенномъ слѣдствіи по какому либо темному и запутанному дѣлу и на что именно нужно еще обратить вниманіе для обнаруженія въ немъ хотя сколько нибудь вѣроятной истины.

Утвердительная и отрицательная сторона вѣроятнаго.

Поелику же всякая вѣроятность есть извѣстная степень неполнаго знанія и убѣжденія; поелику эта неполнота и незаконченность знанія и убѣжденія происходитъ здѣсь отъ того, что сфера частностей, отъ коихъ заключается къ общему, неисчерпаема и неудобообъятна для нашей ограниченной познавательности; поелику каждое недѣлимое въ какомъ либо кругу предметовъ имѣетъ безчисленное множество отличительныхъ свойствъ, качествъ, принадлежностей и отношеній, а человѣкъ по природѣ склоненъ и способенъ смотрѣть на предметъ не всесторонно вдругъ, но только на ту или другую сторону преемственно, и потому въ одномъ отдѣльномъ наблюденіи можетъ признать извѣстный рядъ частныхъ предметовъ однородными, сходными, односущественными, а въ другомъ разнородными, разносущественными, смотря по тому, какіе признаки, свойства или явленія подойдутъ подъ его наблюденіе въ тотъ или другой пріемъ наблюденія; поелику вѣроятность и тѣхъ даже немногихъ основоположеній, которыя получаются чрезъ полныя наведенія, не безусловна, но подлежитъ различнымъ и многостороннимъ ограниченіямъ и усло-

віямъ *, то по всему этому вѣроятныя заключенія, на какой бы степени ни была ихъ вѣроятность, естественно должно колебаться между увѣренностію и сомнѣніемъ, между утвержденіемъ и отрицаніемъ. Но эта естественная двусторонность вѣроятности, составляя неполноту знанія и убѣжденія, не составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ несовершенства самой вѣроятности, но служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ и побужденій къ ея дальнѣйшему и дальнѣйшему развитію и возвышенію и вмѣстѣ къ предохраненію насъ отъ грубыхъ и неисправимыхъ погрѣшностей и заблужденій.

А потому что намъ возможно познавать и убѣждаться *въ бытіи* или *небытіи* чего либо въ предметахъ, возможна двусторонность и въ цѣлой формѣ заключеній вѣроятныхъ—форма *чисто-утвердительная* и *чисто-отрицательная*.

Утвердительная форма вѣроятныхъ заключеній можетъ или, по крайней мѣрѣ, должна основываться на убѣжденіи наблюдателя въ существенности чего

* Напр. положеніе, что всѣ наши внѣшнія чувства могутъ ошибаться, вѣроятно подъ тѣмъ только условіемъ, если точности и полнотѣ ихъ усмотрѣнія препятствуютъ различныя причины и обстоятельства, напр. ненадлежащая близость созерцаемаго предмета, какой нибудь недостатокъ въ самыхъ чувствахъ, недостатокъ вниманія и терпѣнія въ наблюдателѣ и т. п.; а по устраненіи всѣхъ этихъ и подобныхъ препятствій возможно чувствамъ нашимъ и не ошибаться.

либо въ предметахъ частныхъ, отъ коихъ заключается къ общему. Посему наведенія и аналогіи, построяемыя на признакахъ несомнѣнно существенныхъ, всегда производятъ извѣстную степень убѣжденія въ истинности заключеній по нимъ, при самой даже неполнотѣ и скудости самыхъ наведеній и аналогій, и если не доводятъ до полной и рѣшительной несомнѣнности, то потому только, что не бываетъ возможности подвергнуть усмотрѣнію и наблюденію всѣ недѣлимыя или признаки, до послѣдняго, въ какомъ либо родѣ или видѣ предметовъ; а гдѣ возможна эта полнота и объемлемость всей сферы недѣлимыхъ или частей, тамъ вѣроятныя заключенія получаютъ характеръ заключеній положительныхъ, несомнѣнно истинныхъ. Напр. всѣ наши внѣшнія чувства могутъ ошибаться, или: во всякомъ треугольникѣ (прямолинейномъ прямоугольномъ, тупоугольномъ, остроугольномъ, и сферическомъ) двѣ стороны, вмѣстѣ взятыя, больше третьей. Посему наведенія и аналогіи, построяемыя на признакахъ и свойствахъ, коихъ существенность въ извѣстномъ количествѣ недѣлимыхъ или частей вѣковыми опытами признана несомнѣнною или въ коихъ возможно усмотрѣніе и наблюденіе всей сферы недѣлимыхъ или частей, всегда признавались и признаются основоположеніями опыта; науки опыт-

ныя на нихъ только и могутъ опираться, а безъ нихъ не могли бы ни существовать, ни усовершаться.

Отрицательная форма вѣроятныхъ заключеній основывается на убѣжденіи наблюдателя въ *небытіи* чего либо въ частныхъ предметахъ. Посему отрицательно-вѣроятныя заключенія должны имѣть, повидимому, наименьшую степень вѣроятности. Ибо *а*) какъ *небытіе* не есть принадлежность чего либо дѣйствительно существующаго, то имъ нельзя опредѣлять ни вида, ни рода чего либо частнаго; *б*) какъ *небытіе* и важнаго чего либо въ предметѣ дѣйствительномъ можетъ произойти только случайно; то чего нѣтъ въ одномъ недѣлимомъ, можетъ быть въ другомъ, одного съ нимъ вида или рода, но подъ другими обстоятельствами и условіями находящемся, и потому другія имѣющемъ отношенія ко всему его окружающему; *в*) иногда и существенное что либо не проявляется въ частномъ предметѣ потому только, что еще не созрѣло сродное тому воздѣйствіе на этотъ предметъ тѣхъ силъ, причинъ, обстоятельствъ, отношеній и условій, которыя только и могутъ вызывать и обнаруживать его въ явленіи; *г*) наконецъ по ограниченности своей мы можемъ и не замѣтить чего либо и существеннаго въ предметѣ и отсюда заключать, что оно несвойственно и всѣмъ прочимъ предметамъ тогоже вида или рода: ибо всего возможнѣе

для ограниченности человѣческой не видѣть или, и видя, не уразумѣвать чего либо въ природѣ, сколько нибудь сокровеннаго, или и выявляющагося, но въ длинной цѣпи относительной связности и зависимости и потому не всегда и не всякому замѣтнаго и удобопонятнаго.

Но бываютъ случаи, когда путемъ только отрицанія и можно приближаться къ дознанію сколько нибудь вѣроятной истины. Въ такомъ разѣ отрицаніе имѣетъ важность утвержденія, и заключенія, на немъ построяемыя, такую же имѣютъ силу убѣжденія, какъ и заключенія утвердительныя. Напр. еслибъ намъ случилось открыть неизвѣстное доселѣ животное, неимѣющее прямаго и очевиднаго сходства съ извѣстными уже намъ породами животныхъ, то опредѣлить его породу мы могли бы только отрицательнымъ способомъ заключенія. Не находя въ немъ признаковъ, напр., свойственныхъ отрыгающимъ жвачку и заключая по этому, что оно не принадлежитъ къ сему роду животныхъ, мы тѣмъ самымъ сократили бы для себя путь къ достиженію рѣшенія той задачи, къ какому именно роду или виду животныхъ оно принадлежитъ. Наблюдая далѣе и не находя въ немъ устройства зубовъ, свойственнаго животнымъ плотояднымъ, и заключая по этому, что оно не принадлежитъ и къ плотояднымъ животнымъ, мы еще болѣе приблизились

бы къ рѣшенію своей задачи, и т. д., пока наконецъ не дошли бы до того, что осталось бы намъ сравнивать это новооткрытое животное съ послѣднимъ изъ оставшихся видовъ или родовъ животныхъ, и тогда —или заключить, по найденнымъ признакамъ, что оно принадлежитъ къ этому остальному виду или роду животныхъ, или и къ нему не принадлежитъ, и слѣд. есть особой, еще неизвѣстной намъ, породы животныхъ и т. д.

Исключенія или инстанціи.

Тѣ случаи, когда встрѣчается противорѣчіе общности заключенія, получаемаго чрезъ какую бы то ни было форму, утвердительную или отрицательную, и на какой бы ни было степени вѣроятности, называются *исключеніями* или *инстанціями*. Случается напр., что какое нибудь аналогическое или индуктивное заключеніе долго и многими признается вѣроятнѣйшимъ и служитъ единственною опорою для вывода и утвержденія многихъ другихъ истинъ и заключеній, началомъ и основаніемъ для построенія и развитія цѣлыхъ системъ въ наукахъ опытныхъ. Но одно встрѣтившееся противорѣчіе этому мнимому основоположенію болѣе или менѣе подрываетъ его вѣроятность, другое еще болѣе и т. д., такъ что эти мнимыя основоположенія оказываются иногда вовсе

неосновательными и потому оставляются, какъ неправдоподобныя.

Впрочемъ степень важности и силы инстанцій не всегда бываетъ одинакова, но зависитъ отъ того, какой важности недостатки въ заключеніяхъ вѣроятныхъ изобличаются ими. Иногда и при довольномъ количествѣ инстанцій вѣроятность наведеній и аналогій можетъ оставаться неприкосновенною, если признаки, на которыхъ основаны ихъ заключенія, неоспоримо существенны въ тѣхъ недѣлимыхъ или частяхъ, отъ коихъ заключалось къ общему. Напр. то заключеніе, что свойственно летать по произволу только пернатымъ животнымъ, мало теряетъ своей всеобщности и вѣроятности отъ того одного, что и нетопырь, не будучи пернатымъ летаетъ.

Различные виды вѣроятности.

Различаясь по степенямъ, вѣроятность бываетъ и видовъ различныхъ. Можно заключать съ вѣроятностію либо по числу сходныхъ случаевъ, либо по вѣсу и значенію отдѣльныхъ случаевъ. Отсюда два вида вѣроятности: вѣроятность *Математическая* и *Динамическая*.

Вѣроятность математическая или численная, основываясь на числѣ сходныхъ случаевъ, какъ легко достигаемая и очевиднѣйшая всякому, имѣетъ наи-

большее приложеніе и въ наукѣ, и въ жизни практической. Ею водятся: и естествоиспытатель, когда заключаетъ напр. о всеобщности какого либо закона или свойства на томъ основаніи, что въ нѣсколькихъ недѣлимыхъ, видахъ или родахъ замѣтилъ этотъ законъ или это свойство одинаково проявляющимися; и медикъ въ практикѣ своей, когда извѣстный способъ леченія или извѣстный медикаментъ употребляетъ смѣло и рѣшительно на томъ основаніи, что этотъ способъ или этотъ медикаментъ въ нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ имѣлъ благопріятное дѣйствіе и прч. Ею же водятся и въ самыхъ даже обыкновенныхъ случаяхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ житейскихъ, равно какъ и въ самыхъ серьезныхъ сужденіяхъ о людяхъ и вещахъ. Напр. достаточно иногда человѣку учинить два одинаковыхъ или только сходныхъ поступка, чтобы заставить многихъ съ увѣренностію заключать о его характерѣ вообще, о господствующей въ немъ наклонности, страсти и т. п. Случись двумъ, тремъ жильцамъ въ какомъ либо домѣ испытать какое либо несчастіе, смертность напр., неудачу въ разведеніи животныхъ или частыя потери ихъ, то о такомъ домѣ судятъ уже вообще, какъ о *неблагополучномъ*, и потому обходятъ его, какъ опасный для жилья. И то происходитъ отъ математической вѣроятности, что мы смѣло и безбоязненно и на стулъ садимся, и по землѣ ходимъ, и въ открытое море пускаемся и такія или другія снѣди употребляемъ въ пищу, и домой возвращаемся съ спокойнымъ духомъ, не думая встрѣтить какую либо неблагопріятность, или какое нибудь неблагополучіе, и проч. Слѣд. вѣроятность математическая, на которой утверждаются и привычки и навыки наши, есть одинъ изъ благодѣтельнѣйшихъ даровъ намъ Творца. Неоспоримо и то, что заключенія, основываемыя на числѣ сходныхъ случаевъ, способствуютъ иногда къ дознанію въ высшей степени вѣроятныхъ истинъ и нерѣдко приводятъ къ важнѣйшимъ и весьма богатымъ послѣдствіями открытіямъ, а въ иномъ разѣ и нѣтъ другаго способа сколько нибудь приблизиться къ истинѣ. При всемъ томъ опредѣлять вѣроятность такихъ заключеній весьма трудно: *а)* потому, что сходство данныхъ случаевъ не всегда можетъ быть порукою однородности и причинъ, условій и обстоятельствъ, производящихъ эти случаи; *б)* потому, что и однородныя причины не всегда производятъ одинаковыя дѣйствія и послѣдствія: природа любитъ разнообразиться въ однородномъ; *в)* если сходные случаи только предполагаются возможными, то еще труднѣе опредѣлять ихъ возможность; намъ тогда легко опредѣлять возможность частнаго, когда извѣстно его цѣлое, общее со стороны существенныхъ и необходимыхъ его

свойствъ, качествъ, отношеній и ихъ послѣдствій; а здѣсь предполагается возможность случаевъ долженствующихъ имѣть отношеніе къ неизвѣстному еще цѣлому, слѣд. предполагается возможность результатовъ отъ неизвѣствыхъ или толко условно возможныхъ причинъ, силъ и дѣйствій. Оттого-то всѣ игры основывающіяся на численной вѣроятности, никогда не могутъ имѣть положительныхъ правилъ; а если и бываютъ въ нихъ нѣкоторыя правила, то самыя эти правила имѣютъ характеръ только условно-предположительной вѣроятности и потому всегда могутъ имѣть безчисленное множество исключеній и часто вовсе опровергаются дѣйствительностію. Все это ведетъ къ тому, что вѣроятность математическая, гдѣ можно, должна быть подтверждаема и упрочиваема вѣроятностію динамическою.

Вѣроятность динамическая происходитъ отъ большей или меньшей увѣренности въ превосходствѣ вѣса и значенія одного случая предъ другимъ. Слѣд. это уже болѣе, такъ сказать, зрячая вѣроятность, чѣмъ вѣроятность математическая. Посему не безъ основанія иногда называютъ ее философическою: въ ней дѣло зависитъ уже отъ сознательнаго и сколько нибудь основательнаго разумѣнія свойствъ и качествъ сравниваемыхъ случаевъ и степени значенія, важности и близости ихъ отношенія къ цѣлому, общему,

единицѣ. Напр. Предположимъ, что намъ настоитъ потребность опредѣлить долголѣтіе двухъ человѣкъ. Данными для такого опредѣленія пусть будутъ въ одномъ изъ нихъ, при крѣпости силъ и тѣлосложенія благопріятныя внѣшнія обстоятельства: обильный достатокъ и цвѣтущее состояніе всего потребнаго для довольной и пріятной жизни, какъ то: разнаго рода имущества, счастливыя семейныя обстоятельства, отборный кругъ друзей и пріятелей, уваженіе отъ всѣхъ согражданъ, почести и отличія со стороны правительства и т. п.; а въ другомъ, при такомъ же состояніи силъ и тѣлосложенія, не болѣе, какъ только необходимѣйшія потребности для жизни, и всѣ внѣшнія обстоятельства и отношенія нисколько не отличныя отъ обстоятельствъ и отношеній всѣхъ прочихъ согражданъ, ничѣмъ особеннымъ невыступающихъ изъ круга скромной посредственности и малоизвѣстности, но внутреннія, субъективныя условія довольной жизни наилучшія; тихій и веселый характеръ, довольство своимъ состояніемъ, склонность и навыкъ къ трудолюбію, скромной и умѣренной жизни, счастливое настроеніе духа нравственное и религіозное, твердость характера, постоянство и непоколебимость въ правилахъ вѣры и благочестія и т. п. Для произведенія математической вѣроятности достаточнымъ можетъ быть одно это изчисленіе обстоятельствъ жизни,

чтобъ признать вѣроятною продолжительность жизни того или другаго человѣка, или и того и другаго вмѣстѣ. Но вѣроятность динамическая могла бы произойти только отъ того, еслибъ мы, по сличеніи условій и обстоятельствъ жизни того и другаго человѣка, основательно увѣрились, что условія благоденствія изобилующаго во всемъ и въ избыткѣ радостей и наслажденій провождающаго жизнь, по своей непрочности и тлѣнности и по неблагопріятному иногда вліянію на физическія и нравственныя силы человѣка, сами въ себѣ заключаютъ источникъ поврежденія и разрушенія физической и нравственной жизни; напротивъ внѣшнее и внутреннее положеніе послѣдняго сами въ себѣ заключаютъ существенныя и неизмѣнныя условія не только поддержанія, но и постояннаго развитія и совершенствованія внѣшняго и внутренняго благоденствія и довольства, потому и благопріятнаго вліянія на жизненныя силы человѣка.

Правила касательно Наведенія и Аналогіи.

Для избѣжанія погрѣшностей въ наведеніи и аналогіи должно держаться слѣдующихъ правилъ:

I) Они должны утверждаться на точномъ и притомъ непосредственномъ наблюденіи и изслѣдованіи

предметовъ индивидуальныхъ, дабы основаніемъ перваго принимаемаго понятія о наблюдаемыхъ предметахъ служили дѣйствительные, подлинные факты: иначе все зданіе будетъ непрочно, сколь бы искусно построено ни было. Что слабо въ началѣ, того никакое послѣдующее изъисканіе не поправитъ.

II) Должно тщательно различать отрицательные признаки отъ утвердительныхъ, несущественные отъ существенныхъ, и вѣрно опредѣлять ихъ. Ибо что̀ сходствуетъ въ отрицательныхъ признакахъ, то можетъ еще разниться въ существенныхъ, утвердительныхъ; потому сходство въ случайныхъ и отрицательныхъ свойствахъ малую доставляетъ вѣроятность, что сравниваемыя вещи будутъ и въ другихъ свойствахъ сходны между собою, потому-что случайные признаки не основываются на самой природѣ вещи. Опытъ показываетъ, что вещи, существенно различающіяся положительными свойствами по бо̀льшей части сходствуютъ въ отрицательныхъ, напр. вода, домъ, люди не летаютъ.

III) Восхожденіе отъ низшихъ заключеній къ высшимъ должно быть непрерывное: иначе въ промежуткахъ могутъ укрыться весьма важныя инстанціи. Потому путемъ только непрерывности, при соблюденіи прочихъ правилъ можно дойти до высшихъ и, наконецъ, до всеобщихъ законовъ природы.

Понятіе о Ипотезѣ.

Итакъ пріемъ мышленія, ведущій къ вѣроятнымъ познаніямъ чрезъ наведеніе и аналогію, дѣлаетъ намъ ту услугу въ отношеніи къ подлежащему усмотрѣніямъ и наблюденіямъ нашимъ бытію дѣйствительному, что, сводя многія недѣлимыя и ихъ явленія къ формѣ единства въ сознаніи, по сходству ихъ признаковъ и свойствъ и наводя на единство или подобіе законовъ ихъ бытія и проявленій, пособляетъ естественному стремленію духа нашего созерцать и уразумѣвать многое въ единомъ. Но эта услуга далеко еще не удовлетворяетъ любознательности нашей. За этимъ остается еще вопросъ: по какимъ причинамъ и на какихъ дѣйствительныхъначалахъ то или другое въ бытіи дѣйствительномъ проявляется и видоизмѣняется. На этотъ вопросъ силится отвѣчать другой — смѣлѣйшій пріемъ предположительныхъ заключеній *ипотеза.* Она есть предположеніе, составляемое съ тою цѣлію, чтобы помощію онаго можно было удобнѣе и естественнѣе объяснить какіе-нибудь факты, явленія. Напр. для объясненія зрѣнія предполагаютъ, что по всему міру распростерта тонкая упругая матерія, которую называютъ эѳиромъ, или: для объясненія притяженія желѣза къ магниту, физики принимаютъ магнитную матерію или силу.

Характеръ ипотетическаго заключенія.

Къ такимъ попыткамъ умъ нашъ прибѣгаетъ потому, что нѣтъ для него другихъ способовъ разрѣшать сіи вопросы, какъ только чрезъ догадки и предположенія: причины и начала явленій міра чувственнаго или скрываются въ мірѣ вышечувственномъ, внѣ нашего сознанія, или же, заключаясь и въ мірѣ чувственномъ, бываютъ закрыты отъ насъ многочисленными покровами. Посему умъ нашъ, не будучи въ состояніи ни созерцать ихъ въ самомъ себѣ, ни заключать о нихъ изъ непосредственныхъ наблюденій опыта, обращается къ послѣднему способу познаванія—переходитъ въ область возможнаго, т. е. не въ состояніи будучи отвѣчать себѣ на вопросъ: почему и на какихъ дѣйствительныхъ началахъ что либо бываетъ, онъ силится разгадать, и на какихъ дѣйствительныхъ началахъ что либо можетъ быть, и такимъ образомъ хочетъ, такъ сказать, вызвать сокровенныя начала и причины въ область видимости. Отсюда естественнымъ характеромъ ипотетическихъ заключеній можетъ быть только *вѣроятность* — неположительное знаніе, а только отгадываніе дѣйствительныхъ причинъ или началъ между многими возможными.

Отношеніе Ипотезы къ Наведенію и Аналогіи.

Такимъ образомъ самое исходное начало возможности ипотетическихъ заключеній — догадка и предположеніе — поставляетъ ипотезу въ самое близкое отношеніе къ наведенію и аналогіи. Потому во всѣхъ этихъ трехъ пріемахъ познаванія и получаются истины только вѣроятныя, а не положительно несомнѣнныя, что во всѣхъ ихъ участвуютъ предположительность и догадка. Всѣ они также проникаются и поддерживаются взаимно одинъ другимъ, какъ проникаются и поддерживаются взаимно формы мышленія: понятіе, сужденіе и умозаключеніе. Какъ въ наведеніи такъ и въ аналогіи заключенія отъ немногаго частнаго ко всему объему цѣлаго суть ни что иное, какъ предположенія и догадки, такъ что безъ догадки и предположенія въ заключеніяхъ наведеніе и аналогія никогда не вышли бы изъ круга простыхъ опытныхъ наблюденій и изслѣдованій, и давали бы только частныя положительныя свѣдѣнія о частныхъ явленіяхъ бытія дѣйствительнаго. Равно и ипотеза потому только и можетъ достигать истинъ вѣроятныхъ, а не пустыхъ, химерическихъ мечтаній, что, для оправданія догадочно предположенной и заданной себѣ темы, проходитъ тотъ же длинный путь положительныхъ наблюденій и изслѣдованій дѣйствительности,

какой проходятъ наведеніе и аналогія. Съ другой стороны зарожденіе и внутренній, такъ сказать, механизмъ образованія этихъ пріемовъ познаванія показываютъ въ нихъ взаимную относительность. Какъ для наведенія и аналогіи, такъ и для ипотезы нужны поводы, наличныя данныя. Для наведенія и аналогіи эти поводы представляются дѣйствительными данными опыта, а для ипотезы результатами изслѣдованій и наблюденій наведенія и аналогіи *. Опытъ представляетъ только недѣлимыя, ихъ явленія свойства видоизмѣненія, и тѣмъ побуждаетъ духъ нашъ, по требованію природы своей стремящійся къ объединенію всего встрѣчающагося, прежде всего озаботиться обобщеніемъ всякой встрѣчающейся частности; это стремленіе и осуществляется построеніемъ наведеній и аналогій. А когда обогащаемся, посредствомъ наведенія и аналогіи, различными частными положительными свѣдѣніями и общими вѣроятными истинами, тогда уже духъ нашъ, не находя въ этихъ частныхъ и общихъ незавершенныхъ истинахъ полнаго удовлетворенія своей любознательности, силится на этихъ частныхъ и общихъ вѣроятныхъ истинахъ, какъ на подмосткахъ, вознестись выше и про-

---

* Возможны ипотетическія догадки и по поводу явленій опыта непосредственно, но только для умовъ, хорошо знакомыхъ со многими истинами частными и общими, положительными и вѣроятными.

никнуть глубже въ тайны природы, каковое стремленіе его осуществляется въ ипотетическихъ предположеніяхъ и догадкахъ. Съ этой стороны ипотеза имѣетъ такое же отношеніе къ наведенію а аналогіи, какое сіи послѣднія имѣютъ къ дѣйствительнымъ даннымъ опыта: какъ безъ дѣйствительныхъ данныхъ опыта невозможны были бы наведеніе и аналогія, такъ безъ наведенія и аналогіи невозможна была бы ипотеза. Это подтверждается вѣковыми опытами. Нигдѣ невидно, чтобъ народы или частные умы вдавались въ трудныя гипотетическія соображенія и многостороннія ихъ изслѣдованія, находясь на низшихъ степеняхъ образованія; но всегда и вездѣ бываетъ такъ, что отвлеченнымъ ипотетическимъ догадкамъ предшествуютъ болѣе явныя и поверхностныя аналогическія и индуктивныя обобщенія самихъ собою представляющихся частностей опыта.

Сходство и различіе ихъ.

Отсюда же открываются сходство и различіе ипотезы съ наведеніемъ и аналогіей. *Сходствуетъ ипотеза* съ наведеніемъ и аналогіей: а) Характеромъ и свойствомъ заключеній своихъ. Какъ наведеніе и аналогія даютъ заключеніями своими истины только вѣроятныя, которыя впрочемъ могли бы взойти на степень несомнѣнности, еслибы возможно было изчислить, усмотрѣть и подвергнуть точному и всестороннему наблюденію всѣ недѣлимыя или части цѣлаго, всѣ ихъ признаки, свойства и явленія, такъ и всякая ипотетическая догадка могла бы перейти въ несомнѣнную, положительную истину (какъ и переходитъ нерѣдко), еслибы возможно было во всей точности и всесторонно изслѣдовать все, что̀ только можетъ имѣть близкое или далекое отношеніе къ порождаемымъ ею вопросамъ. *б*) Источникомъ матеріаловъ и способомъ разработки ихъ для достиженія предполагаемой цѣли. Какъ наведеніе и аналогія, стремясь обобщить въ сознаніи извѣстный рядъ дѣйствительныхъ частныхъ предметовъ или явленій, достигаютъ этой цѣли чрезъ непосредственныя наблюденія и сличенія этихъ же самыхъ предметовъ или явленій, такъ и ипотеза, желая разгадать какую либо дѣйствительность, достигаетъ своей цѣли также чрезъ непосредственныя наблюденія и сличенія той же дѣйствительности и всего къ ней относящагося. *Различается же* ипотеза отъ наведенія и аналогіи: *а*) большею противъ нихъ свободою и въ избраніи предметовъ своихъ догадокъ, и въ ихъ изслѣдованіи. Наведеніе и аналогія, такъ сказать, насильно влекутся частностями дѣйствительными, какъ потокомъ, и пристаютъ туда, куда заноситъ ихъ сей потокъ, т. е. не зная напередъ общаго, догадываются о немъ по обо-

зрѣніи уже и наблюденіи множества встрѣтившихся недѣлимыхъ, явленій, свойствъ и качествъ ихъ; а ипотеза, имѣя уже, такъ сказать, въ рукахъ и подъ ногами разнообразныя богатства свѣдѣній, частныхъ и общихъ, стяжанныхъ изслѣдованіями и заключеніями аналогическими и индуктивными и положительными, познаніями теоретическими и практическими, пользуется ими по выбору для достиженія напередъ уже предположенной цѣли, и хотя для достиженія этой цѣли обращается и къ непосредственному наблюденію и изслѣдованію всякихъ частностей такъ же, какъ наведеніе и аналогія, но взглядъ ея на эти частности другой, съ другими цѣлями и въ другихъ, обширнѣйшихъ и многостороннѣйшихъ направленіяхъ и объемахъ, нежели взглядъ на нихъ наведенія и аналогіи. *б*) Бо́льшею углубленностію во внутреннюю сторону предметовъ, явленій и событій. Наведеніе и аналогія, довольствуются тѣмъ, если съ вѣроятностію могутъ заключить объ общности многимъ предметамъ признаковъ и свойствъ, и потому объ одинаковости или сходствѣ въ нихъ законовъ бытія и проявленій; а ипотеза силится разгадать самыя начала и основанія этихъ законовъ и существенныя причины одинаковости или разнообразія ихъ проявленій и дѣйствій въ томъ или другомъ частномъ предметѣ, и въ цѣлыхъ видахъ, и родахъ ихъ.

Вліяніе ипотезы на заключенія аналогическія и индуктивныя.

Этою стороною своею ипотеза становится уже въ обратное, преобладающее отношеніе къ наведенію и аналогіи. На нихъ взросшая и ими воспитанная и окрыленная, высвободившись, такъ сказать, изъ-подъ ихъ опеки, она сама уже оказываетъ вліяніе на ихъ расширеніе, возвышеніе и пополненіе, не рѣдко даже служитъ къ ихъ исправленію, а иногда и къ переиначенію ихъ заключеній. Изслѣдывая данныя опыта многосторонно и въ различныхъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ, по связи ихъ съ другими данными, она открываетъ многіе признаки и свойства ихъ, поверхностнымъ наблюденіемъ наведенія и аналогіи незамѣченные, и такимъ образомъ доставляетъ новый, обильнѣйшій матеріалъ для ихъ сличеній, обобщеній и заключеній. Проникая въ первоначальныя основанія и главнѣйшія, коренныя дѣйствительныя причины явленій и событій, она въ свою очередь окрыляетъ наведеніе и аналогію новымъ побужденіемъ возноситься въ своихъ заключеніяхъ въ высшія сферы общности, въ обширнѣйшіе объемы цѣлаго. Разгадывая и обнаруживая существенныя и случайныя связи и отношенія одного явленія, дѣйствія или событія съ другимъ, одной силы природы съ другою, она проливаетъ новый свѣтъ на заключенія аналогическія и

индуктивныя, и нерѣдко указываетъ, что признанное ими за всеобщій законъ природы есть только случайное видоизмѣненіе закона высшаго, въ существенныхъ предѣлахъ своихъ иначе дѣйствующаго и другія производящаго послѣдствія.

Значеніе ипотезы въ знаніи человѣческомъ и преимущественно въ области естествознанія.

Все это показываетъ, какое важное значеніе имѣетъ ипотеза въ знаніи человѣческомъ и преимущественно въ области естествознанія. Безъ познанія началъ и ихъ связи съ зависящими отъ нихъ явленіями, вѣдѣніе наше не имѣло бы полноты, цѣлости, и самыя явленія были бы для насъ загадочны. Этой-то важной и существенной потребности знанія удовлетворяютъ хорошія гипотезы, и только однѣ гипотезы. Ибо положительные способы и пріемы познаванія постигаютъ только то, что́ само представляется имъ непосредственно, т. е. одни явленія, одно бытіе въ осуществленіи; а что́ скрывается за явленіями, что́ производитъ ихъ, движетъ и управляетъ ими, къ тому нѣтъ для нихъ прямаго и естественнаго перехода,—туда дерзаетъ гадательно прозирать только ипотеза, опираясь на возможное и руководясь его законами и условіями.

Вредъ отъ пристрастія къ ипотезамъ.

Но какъ возможное не всегда бываетъ въ гармоніи съ дѣйствительнымъ, то и для ипотезы часто можетъ быть возможность уклоняться отъ своего высокаго назначенія. Возможность основывается на дѣйствительности; потому возможность чего либо опредѣленнаго можетъ быть для сознанія нашего только въ чемъ, либо дѣйствительномъ, отъ чего либо дѣйствительнаго и въ отношеніи къ чему либо дѣйствительному, а безпредметною, безотносительною и безначальною (т. е. неимѣющею начала въ чемъ либо дѣйствительномъ) быть не можетъ. Посему предполагать что либо возможнымъ иначе нельзя, какъ постигая точно и многосторонно, и притомъ со стороны самой сущности, ту дѣйствительность, въ которой, отъ которой или въ отношеніи къ которой эта опредѣленная возможность предполагается возможною. Слѣд. не всякій можетъ предполагать и построять дѣльныя, основательныя и къ чему либо важному ведущія ипотезы; въ каждомъ мыслящемъ субъектѣ достоинствомъ своимъ онѣ всегда бываютъ сообразны съ возрастомъ и степенью духовнаго развитія его. Всякому напр. извѣстно, какія иногда странныя и смѣшныя для взрослыхъ, догадки и предположенія строятъ

дѣти, мало или вовсе незнакомыя съ общепринятыми человѣчествомъ истинами, законами и условіями бытія дѣйствительнаго, а только поверхностно и безотчетно усвоившія что либо немногое, въ отрывкахъ, по наслышкѣ отъ другихъ. Посему наука нетолько не подвигалась бы впередъ, но много теряла бы въ развитіи и направленіи своемъ, если бы всякій и при всякомъ случаѣ безъ разбора бросался въ ипотетическія догадки и предположенія, не имѣя достаточныхъ на то запасовъ основательныхъ и твердыхъ познаній по разнымъ отраслямъ наукъ. Такія необдуманныя и скороспѣлыя ипотезы приносили бы болѣе вреда, чѣмъ пользы, нетолько въ отношеніи къ развитію и совершенствованію науки, но и въ отношеніи практическомъ.

Въ отношеніи къ наукѣ отъ пристрастія къ ипотезамъ естественно могутъ происходить:

а. *Небрежность въ наблюденіяхъ.* Ибо легче предполагать и гадать по своимъ соображеніямъ, которыя вытекаютъ изъ наличнаго разумѣнія предполагающаго, каково бы оно ни было, нежели доискиваться истины длиннымъ и труднымъ путемъ наблюденій и изслѣдованій, которыя, по сложности и многосторонности даннаго для наблюденія предмета и по непонятности дѣйствующихъ въ немъ силъ и законовъ, при всѣхъ усиліяхъ наблюдателя иногда остаются безуспѣшными и требуютъ отъ него сугубыхъ повтореній и усиленнѣйшихъ напряженій.

б. *Упорность противъ вразумленій опыта.* Ибо какъ скоро кто привыкаетъ полагаться на свои мнѣнія, безъ строгаго изслѣдованія ихъ, то скоро станетъ и слѣпо довѣрять имъ. А самодовѣріе неразлучно съ самолюбіемъ. Посему, съ одной стороны непривычка и нерасположенность къ трудовымъ, точнымъ и строго основывающимся на дѣйствительности дознаніямъ истины, а съ другой самолюбіе никакъ ни позволятъ стороннее вразумленіе, откуда бы оно ни представлялось, предпочесть своему, въ тѣсномъ кругѣ личности безусловно и навсегда признанномъ истиннымъ. Примѣры тому видимъ на сектантахъ, раскольникахъ и оригиналистахъ всякаго рода.

в. Подъ такими эгидами образующееся знаніе о дѣйствительной природѣ, но не по дѣйствительнымъ ея фактамъ, очевидно, должно быть самое шаткое ненадежное, могущее имѣть только подлежательное значеніе для ослѣпленнаго самолюбіемъ и самодовѣріемъ.

Въ отношеніи практическомъ вредъ отъ пристрастія къ ипотезамъ бываетъ многоразличенъ и по степенямъ своей вредности, и по своимъ приложеніямъ, и по значенію. Бываютъ напр. ипотезы зловредныя въ духовно-нравственномъ отношеніи, по-

тому что прямо и непосредственно ведутъ къ предразсудкамъ и заблужденіямъ. Когда напр. простой народъ, особенный чей либо успѣхъ въ разведеніи пчелъ приписываетъ *знахарству* пчеловода; скорое и сильное умноженіе богатства занимающагося какимъ либо промысломъ почитаетъ не слѣдствіемъ рачительности, бережливости и умѣнья распоряжаться своими дѣлами, при благословеніи и помощи Божіей, но слѣдствіемъ заключенія связей и условій съ нечистыми духами, и т. п. Другія производятъ неблагопріятное расположеніе и настроеніе умовъ и сердецъ въ отношеніи къ правительству и верховной власти, когда напр. какія нибудь распоряженія правительства толкуютъ превратно, даютъ имъ не тотъ смыслъ, какой они имѣютъ; выводятъ ихъ не изъ тѣхъ побужденій и причинъ, изъ какихъ они дѣйствительно проистекаютъ, и назначаютъ имъ не ту цѣль, какую они дѣйствительно имѣютъ по намѣреніямъ правительства. Иныя производятъ разрывъ и вражду между самыми лучшими пріятелями, когда напр. какой нибудь случайный, ненамѣренный, а иногда по неизбѣжной необходимости учиненный поступокъ приписываютъ какимъ нибудь неблагонамѣреннымъ побужденіямъ, подозрѣваютъ въ учинившемъ его какія нибудь непріязненныя чувствованія, расположенія, намѣренія и т. п. Всѣ таковыя ипотезы тѣмъ зловреднѣе, чѣмъ онѣ долѣе

остаются безъ правильнаго и возможно-точнаго изслѣдованія для оправданія или отверженія ихъ. Бываютъ въ практической жизни и такія ипотезы, которыя наносятъ частный вредъ только построяющему оныя и приближеннѣйшимъ къ нему. Напр. когда хозяинъ дому, слыша въ ночное время шумъ, или трескъ, или гулъ, и не желая побезпокоиться, чтобы выйти и удостовѣриться, отъ чего это происходитъ, успокоивается на томъ предположеніи, что это вѣтеръ шумитъ, или ставня отъ вѣтра стучитъ и т. п., а послѣ оказывается, что то или воры добивались въ кладовыя и успѣли въ своемъ намѣреніи, или уголъ его дома разрушился и чуть не подавилъ всѣхъ обитающихъ въ немъ. Иныя нелѣпостію своею подвергаютъ только всеобщему посмѣянію своего изобрѣтателя; а иныя доставляютъ присутствующимъ пріятный случай развеселиться, какъ отъ острой и замысловатой выдумки. Но бываютъ и такія, которыя оскорбляютъ чью либо личность, роняютъ чью либо честь и достоинство. Отъ нихъ-то получаютъ свое начало сплетни всякаго рода, пересуды и кривыя, произвольныя истолкованія дѣйствій, поступковъ и образа жизни ближнихъ, по какимъ нибудь непонятымъ, случайнымъ доводамъ, иногда вовсе неимѣющимъ никакаго отношенія къ построяемымъ на нихъ предположеніямъ и догадкамъ.

Правила для составленія ипотезъ.

Такая удобопреклонность ипотезы къ ложнымъ и превратнымъ предположеніямъ и заключеніямъ преимущественно предъ прочими способами заключеній и дознаній истины, требуетъ строгаго соблюденія точныхъ правилъ ея составленія. Главнѣйшими изъ таковыхъ правилъ должно признать слѣдующія:

I. Къ ипотезѣ должно прибѣгать тогда только, когда, по точномъ удостовѣреніи, нѣтъ возможности удовлетворительно объяснить данное явленіе или событіе изъ извѣстныхъ намъ законовъ природы, или положительныхъ указаній опыта и проч.; въ противномъ случаѣ ипотеза будетъ неумѣстна точно такъ же, какъ еслибъ мы, желая пристать къ извѣстной, опредѣленной мѣстности, съ намѣреніемъ или по невѣдѣнію оставили существующую къ ней дорогу и направили шествіе свое по произвольному направленію, какъ говорится, куда глаза глядятъ. Равно неумѣстна ипотеза и въ такомъ случаѣ, если явленіе происходитъ отъ дѣйствія силы сверхъестественной, чудесной, на которое въ природѣ конечно нельзя найти объясненія и котораго истинныя причины и цѣли вовсе недоступны для ума ограниченнаго.

II. Ипотеза должна быть согласна сама съ собою и съ другими дознанными истинами и законами при-

роды, т. е. ея предположенія не должны быть произвольны, но должны основываться на какомъ нибудь дѣйствительномъ поводѣ, существенномъ признакѣ или свойствѣ, дѣйствительно замѣчаемыхъ въ предметѣ или явленіи объясняемомъ или въ соприкосновенныхъ къ нимъ дѣйствительныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, и не исключали бы собою объясняемаго предмета изъ общей системы стройнаго бытія и дѣйствій природы. Напр. еслибы кто сталъ изъяснять приливы и отливы въ морѣ дыханіемъ земли, то такая ипотеза не заслуживала бы нетолько вѣроятности, но и вниманія, потому что земля, въ такомъ случаѣ, представлялась бы существомъ живымъ, органическимъ.

III. Должно просто и непринужденно объяснять дѣло, такъ чтобъ не имѣло надобности прибѣгать къ ипотезамъ вспомогательнымъ и такимъ образомъ одно и то же явленіе или событіе объяснять многими предположеніями, одно на другомъ основывающимися.

IV. Нельзя отвергать, что и вспомогательныя ипотезы иногда по необходимости могутъ быть допускаемы, особенно въ исторіи, гдѣ часто одно важное событіе виситъ на такомъ множествѣ тонкихъ нитей, что никакъ нельзя довольствоваться однимъ простымъ предположеніемъ. Но въ такомъ случаѣ должно стараться не выпускать изъ виду главной основ-

ной ипотезы, чтобъ вспомогательныя ипотезы пособляли только ей, а не закрывали ее собою и не принимали бы такимъ образомъ тона рѣшительнаго, преобладающаго.

Изложивъ различные виды опытныхъ познаній, положительныхъ и предположительныхъ, непосредственно очевидныхъ и гадательно вѣроятныхъ, постараемся опредѣлить, на основаніи сказаннаго о сихъ познаніяхъ, какому порядку или методу естественно слѣдовать въ опытномъ познаніи вообще; какое значеніе имѣетъ это познаніе въ наукѣ; какими отличается чертами и какъ далеко простираются его предѣлы въ разоблаченіи и уразумѣніи бытія дѣйствительнаго.

Методъ опытнаго познанія.

При изложеніи каждаго вида опытныхъ познаній мы видѣли, что во всѣхъ ихъ мы силимся обобщить частности, основывая свое мышленіе на наблюденіяхъ отдѣльныхъ дѣйствительныхъ явленій и заключая по нимъ, по ихъ сходству или одинаковости законовъ ихъ проявленія, къ общимъ и необходимымъ началамъ, причинамъ и силамъ дѣйствительнымъ ихъ производящимъ. Слѣд. въ опытномъ познаніи мы слѣдуемъ методу *поступательному* или *аналитическому*— направляемъ мышленіе свое отъ частнаго и случай-

наго къ общему и необходимому. Иной методъ здѣсь и невозможенъ: ибо неизвѣстное еще общее и необходимое можетъ быть сколько нибудь доступно нашему уму только чрезъ уразумѣніе частностей, его составляющихъ и отъ него происходящихъ и зависящихъ. Потому и въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтенныя уже многія опытныя познанія мы желаемъ привесть въ одно систематическое цѣлое, иначе не можемъ достигнуть своей цѣли, какъ меньшія по объему и потому менѣе обобщенныя познанія вводя въ сферы болѣе обширныхъ и потому болѣе обобщенныхъ, по тѣмъ же законамъ сличенія и сочетанія по сходству и одинакости.

Зависимость метода аналитическаго отъ опыта.

Потому-то вся сила, все совершенство и достоинство анализа всецѣло зависятъ отъ опыта, отъ данныхъ бытія дѣйствительнаго, такъ что, чѣмъ непосредственнѣе, точнѣе и подробнѣе его разложеніе и наблюденіе даннаго предмета, тѣмъ онъ ближе подходитъ къ своей цѣли—къ обнаруженію того что́ есть въ предметѣ основнаго, необходимаго, и привходящаго, случайнаго, существующаго и дѣйствующаго въ немъ только по сцѣпленію связей причинныхъ и относительныхъ.

Необходимость его въ наукѣ и богатые результаты.

А отсюда само собою открывается, какъ важенъ и необходимъ анализъ для науки. Безъ него она не можетъ обойтись ни въ началѣ, ни въ дальнѣйшемъ развитии и направлении своемъ. Наука должна быть вѣрной обрисовкой, точной копией природы и существенныхъ свойствъ изслѣдываемаго ею предмета дѣйствительнаго; посему ей нужны подлинные и достаточные матеріалы для ея систематическаго построенія, твердое начало, взимаемое отъ дѣйствительности ея предмета, а не изъ вымысловъ теоретическихъ, вѣрные и точные взгляды на существенныя стороны и отношенія ея предмета къ другимъ предметамъ и истинамъ. Эту-то услугу и доставляетъ ей анализъ. Разлагая отдѣльныя вещи или явленія на составныя ихъ части и элементы, наблюдая и изслѣдывая подробно и всесторонно каждую часть и каждый элементъ, онъ даетъ наукѣ не только твердое начало и достаточную матерію для ея вѣрнаго и полнаго построенія и развитія, но и обогащаетъ ее открытіемъ новыхъ, неизвѣстныхъ еще свойствъ, отношеній и приложеній изслѣдываемыхъ ею предметовъ. Могъ ли бы, напр., умъ человѣческій достигнуть когда нибудь такого господства надъ природою—по своему усмотрѣнію и для опредѣленныхъ

цѣлей своихъ располагать силами и стихіями ея, обращать на пользу человѣчества самыя страшныя и ужасающія изъ нихъ, еслибы анализъ не указалъ ему тѣхъ свойствъ, отношеній и приложеній, на познаніи которыхъ собственно и основывается господство человѣка надъ природою?

Отличительныя черты опытнаго познанія.

Потому-то, какъ опытное познаніе чрезъ наблюденіе и анализъ имѣетъ дѣло непосредственно съ отдѣльными вещами и явленіями дѣйствительными, отличительными чертами его всегда бываютъ: *ясность* предмета и *твердость сужденія,* основывающагося на самой дѣйствительности.

Предѣлы опытнаго познанія.

Но, при всѣхъ таковыхъ достоинствахъ, при всемъ богатствѣ результатовъ и пользѣ практическихъ приложеній, опытное познаніе не даетъ любознательности нашей рѣшительнаго удовлетворенія. Главныя орудія всѣхъ видовъ опытнаго познанія, анализъ и наблюденіе, имѣя дѣло съ частностями опыта, съ отдѣльными явленіями бытія, не доходятъ окончательно и вполнѣ до ихъ общаго, кореннаго, потому-что и самыхъ частностей вполнѣ не изчерпываютъ; потому и заключенія по нимъ къ общему и существенному

могутъ быть только половинчаты, частичныя. Собственную сферу опытнаго познанія составляетъ міръ явленій, міръ видимости, частной множественности; потому если оно и устремляетъ взоръ свой въ область сверхъ-опытнаго, то сквозь лежащее на немъ покрывало явленій, только издали и въ сумракѣ примѣчаетъ только тѣнь необъятнаго для него общаго и существеннаго, и то не вполнѣ и не всесторонно, а только съ нѣкоторыхъ, немногихъ сторонъ его. Оттого-то въ опытномъ познаніи, несмотря на многочисленныя открытія и изобрѣтенія, чрезъ него достигаемыя, всегда неизбѣжны были и будутъ: неполнота свѣдѣній и недостатокъ несомнѣнности въ выводѣ заключеній.

Крайность чисто-эмпирическаго направленія.

Но все это не къ униженію опытнаго познанія, безъ котораго мы шагу не можемъ сдѣлать ни въ наукѣ, ни въ жизни практической, а къ тому, чтобъ не давать сему познанію значенія болѣе надлежащаго. Ибо были мыслители, какъ свидѣтельствуетъ исторія философіи, которые, усвояя опытному познанію болѣе подлежащаго, впадали въ крайности, ни съ чѣмъ несообразныя. Такіе мыслители и названы эмпириками, а ученіе ихъ эмпиризмомъ. Посему одностороннему ученію происхожденіе въ насъ познанія при-

писывается единственно дѣйствію на насъ предметовъ дѣйствительныхъ, и потому истиннымъ признается только то, что̀ усматривается чувствами; все же, неусматриваемое чувствами и немогущее подходить подъ ихъ наблюденія и подвергаться разложеніямъ анализа, признается пустымъ предположеніемъ, праздною мечтою. Такой взглядъ господствуетъ преимущественно въ системахъ матеріалистическихъ, натуралистическихъ и реалистическихъ. Очевидно, такой взглядъ на познаніе, если дать ему раскрыться во всей силѣ, способенъ не возвышать и упрочивать науку, но подавлять всѣ умственныя познанія, приковывая, такъ сказать, къ землѣ всю дѣятельность силъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О ПОЗНАНІИ УМОЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМЪ.

За открытіемъ опытными науками общихъ силъ и законовъ бытія, остается еще важнѣйшее дѣло—открыть разумныя основанія, на которыхъ утверждаются сіи силы и законы. Рѣшеніе сей задачи выступаетъ изъ предѣловъ опыта и составляетъ предметъ умозрѣнія.

Источникъ умозрительнаго познанія.

Итакъ умозрительное познаніе, какъ сверхъ-опытное, начинается тамъ, гдѣ оканчивается познаніе опытное. Слѣд. оно должно созерцать и разоблачать такіе предметы и истины, или такія стороны предметовъ, до которыхъ не проникаетъ и не можетъ проникать познаніе опытное. Ужели же для умозрительнаго познанія есть въ насъ и способности другія, отличныя отъ тѣхъ, посредствомъ которыхъ снискивается и образуется въ насъ познаніе опытное и источники, отличные отъ источниковъ познанія опытнаго? Первое отчасти, а второе вполнѣ справедливо.

Всякое познаніе, опытное или сверхъ-опытное, какъ идеальная совокупность, идеальное обобщеніе и объединеніе въ сознаніи многаго и различнаго, совершается одною и тою же познавательною способностію, средоточіе которой составляетъ разсудокъ. Обращенная къ бытію вещественному, она называется низшею познавательною способностію, и орудными силами своими имѣетъ внѣшнія и отчасти внутреннее чувства; а обращенная къ бытію сверхъ-опытному, духовному и къ тому, чтó есть сверхъ-опытнаго въ бытіи вещественномъ, называется высшею познавательною способностію, и орудною силою

своею имѣетъ умъ, коему врожденныя идеи о сверхчувственномъ даютъ возможность созерцать и доводить до разсудка все сверхъ-опытное, весь міръ духовный и самое Существо Безконечное, подобно тому, какъ низшая познавательная способность созерцаетъ міръ вещественный. Такимъ-образомъ источникомъ для познанія умозрительнаго служатъ идеи ума, какъ матеріалъ, изъ котораго образуется въ разсудкѣ познаніе о сверхчувственномъ также, какъ образуется познаніе о вещественномъ.

Понятіе объ идеѣ.

Но чтó такое самыя идеи? Опредѣлить идею полно, всесторонно и вполнѣ удовлетворительно, такъ, какъ требуютъ правила точнаго и совершеннаго опредѣленія, невозможно. Всякая идея, какъ тусклое сіяніе въ умѣ нашемъ чего либо сверхчувственнаго, запредѣльнаго, слѣд. безпредѣльнаго, неподлежащаго никакимъ измѣреніямъ и ограниченіямъ пространства и времени, не можетъ быть заключена всею цѣлостію содержанія своего въ тѣсныя рамы опредѣленія, какъ формы разсудка. Опредѣленіе главнымъ образомъ совершается въ опредѣляющемъ*), въ показаніи родоваго признака и видоваго отли-

*) См. 1. часть. сей логики объ опредѣленіи, какъ формѣ сужденія.

чія; но сіе-то и несовмѣстимо въ отношеніи къ идеѣ: а, потому, что идея потеряетъ свою необъятную цѣлость и полноту и явится одною только частію или стороною своею, какъ скоро заключена будетъ въ какую либо опредѣленную форму разсудка; б, потому что это и невозможно въ отношеніи къ идеѣ. Всякая идея, не будучи логическимъ, отвлеченнымъ понятіемъ, но будучи и сама готовою дѣйствительностію въ духѣ нашемъ, и содержаніемъ своимъ имѣя сверхчувственную, безпредѣльную, реальнѣйшую дѣйствительность, себѣ только самой равную, не можетъ быть съ чѣмъ либо сравниваема и вводима въ высшую какую либо идею (какъ это бываетъ въ логическомъ опредѣленіи, когда показывается родовой признакъ опредѣляемаго понятія); не можетъ также быть показываемо и видовое отличіе, по необъятности существеннаго въ идеѣ, а могутъ быть указываемы только различныя стороны дѣйствительнаго предмета ея содержанія, по частямъ, и степени ея проявленія въ отдѣльныхъ субъектахъ или въ цѣлыхъ народахъ, въ различныхъ проявленіяхъ ихъ разумѣнія ея въ отношеніи къ такой или другой дѣйствительности ограниченной. Но это уже будетъ подходить болѣе къ описанію, такъ какъ эти частныя проявленія идеи суть проявленія дѣйствительности безпредѣльной въ границахъ дѣйствительности

конечной. Слѣд. дать сколько нибудь вразумительное понятіе объ идеѣ можно только описаніемъ, а ничуть не опредѣленіемъ ея. Самъ творецъ ученія объ идеяхъ, Платонъ, дѣлается вразумительнѣе для насъ, когда читаемъ напр. слѣдующее описаніе идей его у Цицерона: * Nec vero ille artifex (Phidias) cum faceret jovis formam, contemplabatur abiquem, e quo similitudinem duceret, sed ipsius in mente insidebat species pulchrit udinis eximia quesdam, quam intuens, in eaque defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat. Ut igitur in formis et figuris est aliquid perfectum et excellens, cujus ad cogitatam speciem imitando referuntur ea, ques sub oculos ipsa cadunt: sic perfectes eloquenties speciem animo videmus, effigiem auribus quesrimus. Has rerum formas appellat ideas Plato, easque gigni negat, et ait semper esse, ac ratione et intelligentia contineri: cetera nasci, occidere, fluere, labi, nec diutius esse uno et eodem statu. Quidquid est igitur, de quo ratione et via disputetur, id est ad ultimam sui generis formam speciemqueredigendum. Или другое: ** Mente volebant (Academici) rerum esse judicem, quia sola cerneret id, quod semper esset, simplex, et unius modi, et tale, quale esset (i. e. ideam) Хотя въ этихъ описаніяхъ смѣшиваются прирожден-

* jn orat., c. 3.

** Acad. quest. 1. 8.

ныя идеи съ самодѣятельными предначертаніями (формами) опредѣленной производительности нашего духа; но это не препятствуетъ къ уразумѣнію того, что собственно Платонъ разумѣлъ подъ врожденными идеями. Изъ снесенія разсѣянныхъ въ этихъ описаніяхъ чертъ и предикатовъ, относящихся собственно къ выраженію понятія о врожденныхъ идеяхъ, явствуетъ, что врожденныя идеи не составляютъ какой либо особой способности, но суть нѣчто, составляющее какъ-бы основу и жизнь высшихъ духовныхъ способностей, движущее, освѣщающее, направляющее и одушевляющее всѣ способности и силы души, вмѣстѣ съ душею получающее въ ней бытіе свое, постоянно и неизмѣнно въ ней пребывающее, не увеличивающееся ни умаляющееся въ существѣ своемъ, вполнѣ необъятное, непостижимое и невыразимое въ дѣятельности ограниченныхъ способностей души, потому что содержаніемъ своимъ имѣетъ предметы безпредѣльные, суть только тайныя нѣкоторыя предчувствія, какъ-бы непосредственныя ощущенія и осязанія безпредѣльнаго, а не ясныя созерцанія онаго; но тѣмъ не менѣе достаточныя для оцѣнки истинности и степени совершенства всего того, чѣмъ въ предѣлахъ ограниченной производительности выражается и изображается какимъ либо образомъ вышечувственное, безпредѣльное, суть преждеопытныя,

неисчерпаемыя для опредѣленныхъ понятій разсудка представленія о чемъ либо безконечномъ, суть какъ-бы цѣпи, связующія духъ нашъ непосредственно и таинственно съ міромъ безпредѣльнымъ, какъ-бы премірные звуки, подающіе намъ вѣсть изъ міра запредѣльнаго.

Различіе идей отъ понятій.

Послѣдователи Лейбница и Вольфія и многіе писатели французскіе, особенно XVIII-го столѣтія, словомъ идея означали всякое представленіе, и чувственное и умственное, и всякое общее или родовое понятіе. Но изъ вышесказаннаго явствуетъ, что идеи существенно различаются отъ представленій и понятій и отъ всѣхъ вообще разсудочныхъ способовъ и пріемовъ мышленія и познаванія: *необъятностію содержанія*, *самородностію* и *дѣятельною силою*.

По необъятности содержанія.

Представленія и понятія, какъ произведенія собственной дѣятельности мыслительныхъ и познавательныхъ нашихъ способностей, могутъ быть ясно и раздѣльно сознаваемы и уразумѣваемы нами во всей полнотѣ ихъ ограниченныхъ объемовъ и содержаній; и самыя категоріи, какъ чистыя понятія разсудка,

которыя имѣютъ отношеніе только къ предметамъ чувственнымъ, потому что образуются изъ представленій чувственныхъ, также могутъ быть отчетливо уразумѣваемы разсудкомъ. Но идеи ума, имѣя содержаніемъ своимъ предметы безпредѣльные, никакою ограниченною способностію вполнѣ и всесторонно изчерпываемы и постигаемы быть не могутъ, потому что ни въ какія ограниченныя формы мышленія и познаванія не могутъ быть заключаемы всею необъятною полнотою содержанія своего, а обнаруживаются въ нихъ только по частямъ, съ такой или другой стороны содержанія своего, въ такихъ или другихъ отношеніяхъ и видахъ. Оттого-то и геніальные умы, въ коихъ идеи, во время творческаго ихъ вдохновенія, свѣтлѣе просіявали и живѣе дѣйствовали, нежели въ умахъ обыкновенныхъ, никогда не были вполнѣ довольны и самыми отличными произведеніями своими. Оттого и всякій изъ смертныхъ испытываетъ на себѣ, что душа его въ желаніяхъ и стремленіяхъ своихъ никогда ни на чемъ не останавливается успокоительно, находя то, чего достигаетъ по желанію, не такимъ, какъ оно представлялось ей въ умственныхъ созерцаніяхъ; и эта неудовлетворительность нерѣдко заставляетъ ее скучать и грустить и все таки чаять и надѣяться чего-то лучшаго и совершеннѣйшаго.

По самородности.

Представленія и понятія, какъ формы ограниченнаго нашего мышленія, образующіяся въ сознаніи посредствомъ отвлеченія, различенія, совокупленія и объединенія усмотрѣнныхъ въ предметахъ признаковъ, съ измѣненіемъ этихъ признаковъ и сами могутъ измѣняться въ насъ, могутъ пополняться, расширяться, усовершаться, могутъ быть и вовсе оставляемы, какъ ошибочныя и невѣрныя, и замѣняться другими, иногда вовсе противоположными имъ. Но идеи ума не пріобрѣтаются отвнѣ посредствомъ дѣятельности какой либо способности нашей, но принадлежать духу нашему существенно и неизмѣнно, существуютъ въ немъ постоянно и самобытно, вмѣстѣ съ душею получаютъ въ насъ бытіе, такъ же вѣчны, какъ и сама душа наша, и служатъ для нея хотя не всегда одинаково ясными, но иногда неугасающими свѣтильниками, крайнимъ мѣриломъ возможнаго, предназначеннаго ей совершенства предметовъ сроднаго ей стремленія и обладанія. Все это подтверждается опытными фактами.

1. Идеи не пріобрѣтаются дѣятельностію способностей нашихъ. Всѣ мыслительныя и познавательныя способности наши дѣйствуютъ на основаніи готовыхъ данныхъ; а эти данныя доставляются либо

внѣшнимъ, либо внутреннимъ чувствами. Но *а*) внѣшними чувствами постигаются только предметы внѣшняго опыта, предметы видимые, вещественные, ограниченные; а идеи имѣютъ содержаніемъ своимъ предметность сверхчувственную. *б*) Внутреннее чувство или сознаніе также не можетъ быть источникомъ идей: оно возвѣщаетъ намъ только о явленіяхъ и состояніяхъ нашей души, о убѣжденіяхъ и требованіяхъ нашего сердца, но не указываетъ на предметы, находящіеся внѣ круга нашей личности. *в*) Нельзя почитать идей и произведеніемъ фантазіи: она не творитъ новыхъ предметовъ, а заимствуетъ матеріалы для своихъ созданій изъ опыта. Посему и самыя попытки ея возноситься за предѣлы пространства и времени заставляютъ только предполагать, что въ духѣ нашемъ есть хотя темное представленіе о сверхчувственномъ, безпредѣльномъ; иначе не будетъ причины, почему мы усиливаемся отъ конечнаго восходить къ безпредѣльному. *г*). Не составляетъ идей и разсудокъ: и онъ не творитъ ничего новаго, а только сличаетъ, соединяетъ и обобщаетъ уже готовыя представленія о конечномъ. Слѣд. какъ бы тонко и искусно ни умозаключалъ разсудокъ, какъ строго и послѣдовательно ни переходилъ бы въ своихъ заключеніяхъ отъ одной части конечнаго къ другой и отъ всѣхъ ихъ къ одному цѣлому, но это

цѣлое общее необходимо должно быть также конечнымъ, ограниченнымъ, какъ изъ конечныхъ частей сложенное и въ ограниченную форму заключенное; а чтобъ заключить отъ конечнаго къ безпредѣльному, для этого нѣтъ и быть не можетъ прямаго перехода: въ заключеніи отъ условнаго къ безусловному, отъ ограниченнаго къ безпредѣльному всегда будетъ больше, нежели сколько содержится въ посылкахъ объ условномъ, ограниченномъ.

2. Идеи существенно, а не случайно принадлежатъ духу нашему. Еслибъ онѣ не существенно принадлежали духу нашему, а случайно и временно проявлялись въ немъ, то откуда происходила бы эта случайность? ни одна изъ способностей нашей души, какъ мы видѣли выше, не можетъ производить въ насъ идей; не можетъ также производить ихъ и ни что́ внѣ насъ существующее въ мірѣ и весь міръ въ совокупности, какъ потому, что онъ весь конеченъ, ограниченъ, а идеи свидѣтельствуютъ намъ о безпредѣльномъ, неизмѣняемомъ и совершеннѣйшемъ, слѣд. содержатъ въ себѣ не то, что́ можно заимствовать отъ міра, такъ и потому, что всякое усвоеніе нами отвнѣ не можетъ производиться въ насъ иначе, какъ чрезъ посредство мыслительныхъ и познавательныхъ нашихъ способностей, которыя, по ограниченности своей, и не могли бы воспринимать безпре-

дѣльныя по содержанію идеи, еслибъ онѣ и предлагались отвнѣ, и передавать ихъ въ область духа, потому что не имѣютъ достаточной на то пріемлемости въ тѣсныхъ для безпредѣльнаго границахъ и формахъ своихъ. Слѣд. нужно уже предположить, что самъ Богъ непосредственно производитъ въ насъ идеи, по временамъ. Но это значило бы заставлять Бога непрестанно творить въ насъ чудеса, а Богъ, между-тѣмъ, какъ Богъ порядка, безъ особенной нужды чудесъ не творитъ. Притомъ же часто злоупотребляютъ идеями: люди геніальные, подъ вліяніемъ и при вдохновительномъ свѣтѣ идей, производятъ иногда хотя превосходное, удивленіе и восторгъ производящее что нибудь, но не вполнѣ согласное съ чистотою и святостію нравственности. Ужели же и на время произведенія этихъ твореній Богъ зажигаетъ въ духѣ творцевъ ихъ свѣтильникъ идей? непостоянству и несущественности бытія идей въ духѣ человѣческомъ не благопріятствуетъ и та всеобщность и непрерывность дѣйствія идей въ родѣ человѣческомъ, вслѣдствіе котораго люди ни гдѣ и никогда не жили, напр., безъ религіи, безъ всякаго понятія и оцѣнки добра и зла, безъ вѣры въ безсмертіе души и проч. У самыхъ грубыхъ дикарей всегда находили и находятъ проявленіе этихъ вышеопытныхъ истинъ, если не въ сознательныхъ по-

нятіяхъ, то въ практической жизни, въ ихъ обрядахъ и учрежденіяхъ общественныхъ, въ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Особенную же важность имѣетъ существенность и самобытная неизмѣняемость бытія въ насъ идей въ томъ отношеніи, что безъ нихъ, безъ ихъ всегдашняго и самобытнаго бытія и дѣйствія въ духѣ человѣческомъ, человѣкъ не былъ бы способенъ ни къ какимъ живымъ, сознательнымъ отношеніямъ къ міру безпредѣльному, къ Самому Существу Верховному, не былъ бы способенъ и къ принятію и усвоенію Откровенія Божественнаго: ибо для всего этого не имѣлъ бы въ себѣ достаточнаго и сроднаго вмѣстилища и сознательно свободной пріемлемости.

По дѣятельной силѣ.

Различаются еще идеи отъ представленій и понятій *дѣятельною силою*. Представленія и понятія, какъ бы ясно и раздѣльно ни были сознаваемы, никогда не могутъ взойти на такую степень силы и живости чтобъ могли овладѣвать, на долго и навсегда, всѣми силами души, давать рѣшительное и постоянное направленіе всѣмъ ихъ дѣйствіямъ и движеніямъ. Если иногда и производятъ въ нихъ потрясенія и возбужденія, то на короткое время, и то подъ условіемъ только вмѣшательства какихъ либо чувствованій, ими возбуждаемыхъ; а по освѣщеніи ихъ раз-

судкомъ, по охлажденіи и измѣненіи этихъ чувствованій, и сами измѣняются, изглаждаются изъ души, или замѣняются другими представленіями и понятіями, иногда совершенно противоположными имъ. Напротивъ того, идеи, и при темномъ и даже несознательномъ существованіи ихъ въ душѣ, нудятъ ее стремиться къ предметамъ ихъ содержанія, хотя эти предметы и непоняты еще ею раздѣльно и отчетливо. Человѣкъ и въ дикомъ состояніи выявляетъ въ себѣ дѣйствіе идей, тѣмъ напр., что невольно благоговѣетъ предъ непонятнымъ для него Верховнымъ Существомъ, служитъ и покланяется *невѣдомому Богу*, умиляется при видѣ нравственной доблести, хотя не умѣетъ оцѣнить ее, услаждается красотами, изящнаго, хотя и не разумѣетъ, что̀ такое изящество, чѣмъ, почему и какъ оно привлекаетъ и услаждаетъ его. А при бо̀льшемъ раскрытіи въ сознаніи идей и при достаточномъ и правильномъ развитіи человѣка умственномъ и нравственномъ, онѣ съ неотразимою силою дѣйствуютъ на весь духъ и на всю практическую жизнь и дѣятельность его. Проникнутый напр. идеей верховнаго добра, совершеннаго счастія, вѣчной и безпредѣльной правды, не только самъ всѣми силами души своей стремится къ нимъ, но и всѣхъ окружающихъ его, все человѣчество желалъ бы содѣлать причастниками всѣхъ неизрѣченно благихъ по-

слѣдствій ихъ. Отсюда-то происходитъ та глубокая и искренняя скорбь о бѣдствіяхъ и страданіяхъ ближнихъ, соотечественниковъ, сограждань, всего человѣчества, которою сокрушаются люди святые, великіе патріоты, безкорыстные служители Церкви, отечества, всего человѣчества и которая побуждаетъ ихъ съ радостію жертвовать для общаго блага и счастія не только своими выгодами, удобствами и удовольствіями, но и самою жизнію своею. Глубоко и живо сознавшій идею истины, до того увлекается ею, что всю жизнь свою посвящаетъ на ея изученіе, отказываетъ себѣ въ покоѣ и снѣ и всѣхъ временныхъ удовольствіяхъ, жертвуетъ своимъ достояніемъ, переплываетъ моря и океаны и сквозь вѣчныя громады льдовъ силится проникнуть до самыхъ полюсовъ, чтобъ дознать въ дѣйствительности хотя кроху истины, ярко, но неуловимо сіяющей въ умѣ его.

Происхожденіе идей отъ одной существенной идеи о Существѣ Безконечномъ.

Этотъ существенный характеръ идей, что онѣ съ неодолимою силою побуждаютъ духъ нашъ непрестанно стремиться все къ высшему и совершеннѣйшему, усматривается во всѣхъ способностяхъ и силахъ нашей души. Опытъ показываетъ, что всѣ

главныя способности души (познавательная, чувствовательная и желательная), не стѣсняясь кругомъ опытныхъ явленій, обнаруживаютъ стремленіе къ дѣятельности обширнѣйшей, нежели какова возможна для нихъ въ начертанныхъ имъ природою границахъ. Познанія не удовлетворяютъ насъ вполнѣ, какъ бы онѣ ни были обширны, глубоки и многосторонни. Способность чувствовательная тѣмъ болѣе только раздражается, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ ей. А по способности желательной человѣку свойственно желать и надѣяться лучшаго и совершеннѣйшаго даже и тогда, когда онъ бываетъ лишенъ всякой возможности осуществлять свои желанія или пользоваться тѣмъ, чего желаетъ. Опытъ также показываетъ, что, по мѣрѣ бо́льшаго или мѐньшаго приближенія къ міру сверхчувственному, въ дѣятельности всѣхъ способностей нашихъ проявляется бо́льшая или мѐньшая степень совершенства. Слѣд. справедливо полагаютъ, что въ духѣ нашемъ главныхъ идей три, соотвѣтственно тремъ главнымъ способностямъ души: *идею истины, идею добра или блага верховнаго*, и *идею изящества или красоты совершеннѣйшей*. А по предметности содержанія подраздѣляютъ эти главныя идеи на многіе частнѣйшіе виды: на *идею души, идею безсмертія души, идею вселенной* и проч. Но одинаковость существеннаго характера всѣхъ

этихъ главныхъ и подраздѣльныхъ идей, т. е. то, что всѣ онѣ побуждаютъ духъ нашъ, не удовлетворяясь ничѣмъ конечнымъ, стремиться все къ чему-то лучшему и совершеннѣйшему, искать причины и основанія всему за предѣлами опыта, очевидно указываетъ, что всѣ эти идеи, какъ главныя такъ и частнѣйшія, суть видоизмѣненія одной существенной идеи о Существѣ Безконечномъ — Богѣ. Ибо Онъ одинъ въ собственномъ смыслѣ безконеченъ и неограниченъ, а все сотворенное, какъ бы мы широко ни распространяли его въ мышленіи, какъ бы далеко и высоко ни отвлекали и ни обобщали представленія и понятія о немъ, все однакожъ окажется конечнымъ, ограниченнымъ, какъ въ самомъ себѣ, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ одного къ другому и къ своему Творцу. Слѣд. потому-то духъ нашъ и не удовлетворяется ничѣмъ конечнымъ, что онъ дѣйствительно предназначенъ для вѣчнаго единенія съ Существомъ Безконечнымъ, въ которомъ одномъ существенно, въ собственномъ смыслѣ реально, заключаются всѣ блага и совершенства, соотвѣтствующія всѣмъ прирожденнымъ духу нашему потребностямъ, вѣчно для него неизчерпаемыя и тѣмъ самымъ способныя радовать, занимать и услаждать его безконечно, чрезъ всю вѣчность.

Отношнеіе идеи къ бытію вещей и къ субъекту мыслящему.

Хотя идеи вознесены надъ міромъ конечнымъ и надъ сферою познаній опытныхъ, при всемъ томъ не остаются чуждыми и безотносительными къ вещамъ міра конечнаго и ко всякому субъекту мыслящему.

Всякая идея осталась бы безплодною, терялась бы въ нашемъ сознаніи, не будучи прилагаема къ познанію предметовъ конечныхъ, и такимъ образомъ мы не имѣли бы опредѣленнаго познанія о предметѣ ея содержанія. Ибо одна идея, взятая въ отрѣшенности, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго познанія; но есть болѣе потребность ума, побуждающая стремиться къ снисканію таковаго познанія. Слѣд. побуждая всѣ силы души нашей непрестанно стремиться къ высшему и совершеннѣйшему, идеи сами силятся чрезъ это проявить себя, сдѣлаться предлежательными и въ ограниченной предлежательности вразумительными для ограниченнаго разума; но не могутъ открыть себя въ своей безпредѣльности, потому что для безпредѣльнаго нѣтъ формы. Такимъ образомъ міръ ограниченный необходимъ для идей, какъ средство къ ихъ проявленію, составляющему цѣль ихъ бытія въ насъ. Такъ онѣ проявляются въ произведеніяхъ искусствъ, изящныхъ наукъ, въ строгихъ ученыхъ системахъ. Но, съ другой стороны, и бытіе вещей міра конечнаго, и произведенія искусствъ, наукъ и практическихъ дѣяній человѣческихъ имѣютъ такую же существенную необходимость въ идеяхъ, какъ идеи въ нихъ. Всякая вещь, какъ осуществленіе идеи Божественной, потолику только можетъ быть вразумительна для насъ, поколику освѣщаетъ ее намъ идея. И произведенія искусствъ, наукъ и дѣяній человѣческихъ не могутъ осуществляться въ надлежащей степени совершенства безъ управленія ими, одушевленія и проникновенія ихъ идеями. Хотя они, какъ произведенія силъ ограниченныхъ, всегда были и будутъ произведеніями ограниченными, чувственными, индивидуальными, но будутъ просвѣчиваться въ нихъ, какъ сквозь оболочку свою, если онѣ одушевляли и согрѣвали собою ихъ производителей и положили на нихъ печать безпредѣльности и совершенствъ своихъ. Такимъ образомъ связь идей съ бытіемъ вещей и произведеній человѣческихъ самая тѣсная и отношеніе между ними существенное: идеи служатъ дополненіемъ произведеніямъ и вещамъ дѣйствительнымъ, а произведенія и вещи дополненіемъ идеямъ.

Отсюда видно уже отношеніе идей и къ субъекту мыслящему: онъ, безъ свѣта и теплоты идей, ничего существеннаго не могъ бы уразумѣть въ мірѣ конечномъ; ничего не могъ бы измыслить и осуществлять

великаго, изящнаго, переживающаго вѣка временъ и поколѣнія народовъ. Но еще болѣе усматривается это отношеніе изъ того, что идеи налагаютъ на умъ всякаго мыслящаго субъекта существенный для него законъ—для всего конечнаго искать причины, начала, цѣли и конца въ Безконечномъ. Не будь въ насъ идей, мы довольствовались бы одними явленіями опыта, ближайшимъ образомъ окружающаго насъ; тогда не было бы причины возноситься въ заключеніяхъ мышленія и въ познаніяхъ къ Безконечному, о которомъ опытъ ничѣмъ не напоминалъ бы намъ. Ибо хотя въ мірѣ конечномъ и есть повсюду слѣды безконечной премудрости, безконечной благости и другихъ безконечныхъ совершенствъ Творца; но эти слѣды были бы незамѣтны и невразумительны для насъ, подобно тому, какъ они незамѣтны и невразумительны для неразумныхъ животныхъ, которыя довольствуются однимъ настоящимъ, необходимымъ для ихъ тѣлесной потребности, а о лучшемъ и совершеннѣйшемъ не думаютъ и не заботятся.

Раскрытіе идей въ сознаніи при пособіи опыта.

По такой близости и необходимости отношенія къ міру конечному, идеи и раскрываться въ сознаніи нашемъ иначе не могутъ, какъ при пособіи опыта и подъ вліяніемъ мыслительныхъ и познавательныхъ нашихъ способностей.

Удачно сравниваютъ бытіе въ насъ идей съ бытіемъ искры въ кремнѣ. Какъ искра, таящаяся въ кремнѣ, тогда только обнаруживается явственно для нашихъ чувствъ, когда послѣдуетъ ударъ стали о кремень; такъ и идеи вѣчно покоились бы въ духѣ нашемъ, незамѣтно для нашего сознанія, еслибъ ихъ не вызывали къ обнаруженію въ немъ встрѣчаемые внутреннимъ и внѣшнимъ чувствами неизгладимыя отпечатлѣнія безконечныхъ совершенствъ Божихъ въ мірѣ видимомъ и въ духовной природѣ нашей.

Но эти явленія опыта только пробуждаютъ въ насъ идеи и приводятъ ихъ въ движеніе, ощутительное для сознанія нашего; а самое ихъ раскрытіе въ сознаніи и приближеніе смысла и значенія ихъ къ уразумѣнію нашему совершается уже въ душевныхъ способностяхъ нашихъ, по законамъ ихъ дѣятельности, и притомъ всегда сообразно съ степенью развитія и направленія самихъ способностей.

а. Какъ дѣйствительное соотношеніе ума съ дѣйствительною предметностію міра сверхчувственнаго, идеи ума прежде всего усвояются сердцемъ, подобно тому, какъ чувственныя наблюденія усвояются способностію представленій. Воспринятыя сердцемъ идеи обнаруживаются въ немъ въ видѣ чувствованій, *истиннаго*, *добраго* и *прекраснаго*, и составляютъ внутреннѣйшее убѣжденіе въ высшихъ, сверхчувст-

венныхъ истинахъ, разумную вѣру въ ихъ дѣйствительность. А потому, что перешли въ сердце и обратились въ чувствованія, служатъ сильнымъ побужденіемъ стремиться къ предметамъ ихъ содержанія, и въ этомъ стремленіи воодушевляютъ и даже услаждаютъ человѣка. Напр. *по чувству истины* сердце неиспорченное не только непосредственно убѣждается въ бытіи и совершенствахъ Бога, но и стремится къ нему съ вожделѣніемъ и благоговѣніемъ; *по чувству добра* человѣкъ съ непорочною и непредубѣжденною душею не только твердо вѣритъ нравственнымъ требованіямъ совѣсти, но даже приходитъ въ соболѣзнованіе и негодованіе, когда видитъ въ другихъ поступки, противные нравственнымъ законамъ, когда на себѣ самомъ или на другихъ видитъ пренебреженіе и попраніе нравственнаго достоинства человѣка; *по чувству прекраснаго* незаглушенное страстями сердце поражается и услаждается всѣмъ прекраснымъ и изящнымъ въ природѣ и искусствахъ.

б. Но чувствованія и въ отношеніи къ предметамъ видимымъ, конечнымъ, всегда бываютъ темны и часто неуловимы для отчетливаго разсудочнаго ихъ смысла и значенія; тѣмъ болѣе должны быть таковыми чувствованія идеальныя. Что же дѣлаетъ разсудокъ, чтобъ уразумѣть ихъ смыслъ и предметность ихъ содержанія? Отчетливо разсуждаетъ объ этомъ одинъ изъ отечественныхъ нашихъ писателей *). «Идеаль-«ныя чувствованія истины, добра и красоты, говоритъ «онъ, подобно обыкновеннымъ наблюденіямъ, пере-«ходятъ въ представленія, обозначаясь словомъ, или, «подъ вліяніемъ фантазіи, облекаясь въ чувственные «образы. Такъ напр. представленіе о будущей бла-«женной жизни образующееся изъ идеальнаго чув-«ствованія добра, облекается въ фантазіи въ чувст-«венные образы земной жизни, но очищенные и про-«свѣтленные.

«в. Когда разсудокъ начнетъ всматриваться въ и-«деальныя представленія фантазіи, то легко можетъ «открыть несообразность ихъ между содержаніемъ «ихъ и формою, потому что содержаніе идей принад-«лежитъ міру сверхчувственному, а форма взята съ «предметовъ міра вещественнаго. Въ этомъ случаѣ фан-«тазія, озаряемая разсудкомъ, сбрасываетъ съ своихъ «идеальныхъ представленій формы опредѣленныя и «старается представить идеи въ формахъ особенныхъ, «противоположныхъ формамъ чувственныхъ предста-«вленій. А какъ формы чувственныхъ представленій «суть *пространство и время;* пространству же и време-«ни противополагается *неизмѣримость* и *вѣчность*. то «фантазія силится созерцать идеи въ этихъ, такъ ска-

*) См. Психол. Г. О. Новицкаго оразвитіи идей.

«зать, безформенныхъ формахъ: *неизмѣримости, без-* «*конечности* и *вѣчности,* дабы по возможности при- «близиться къ ихъ содержанію. Такъ она созерцаетъ «*идею вселенной, идею души* и *идею Бога.*

«Но идеи въ формѣ неизмѣримости, безконечности «и вѣчности все еще остаются непонятными для на- «шего разсудка; потому онъ, желая постигнуть смыслъ «ихъ, раздробляетъ ихъ на части, и эти части преоб- «разовываетъ по своимъ законамъ *понятія, сужде-* «*нія* и *умозаключенія.* Напр. неопредѣленную идею «вселенной разлагая на части, разсудокъ составляетъ «изъ этихъ частей понятія: о гармоніи всѣхъ дѣйст- «вій природы, о ея порядкѣ, устройствѣ и проч. Изъ «идеи душа образуетъ понятія: о ея простотѣ, само- «стоятельности, безсмертіи и проч. Изъ идеальныхъ «понятій разсудокъ образуетъ идеальныя сужденія, «когда напр. понятіе о безсмертіи души выражаетъ «слѣдующимъ образомъ: душа не можетъ ни разру- «шаться, ни уничтожаться съ смертію тѣла, душа бу- «детъ жить вѣчно и проч. Идеи разсудокъ преобра- «зовываетъ въ умозаключенія, когда напр. предло- «женіе: *все въ мірѣ подчинено своимъ неизмѣннымъ* «*законамъ,* поставляетъ главною посылкою при обсу- «живаніи частныхъ явленій природы.

«Отсюда явствуетъ, заключаетъ упомянутый авторъ, «что идеальное мышленіе и познаніе, отличаясь отъ

«опытнаго своимъ содержаніемъ, ни мало не отли- «чается отъ него формою».

Самодѣятельность мышленія подъ вліяніемъ идей, обнаруживающаяся идеальнымъ построеніемъ.

Отсюда же явствуетъ и то, что идеальное мышле- ніе, хотя оно вызывается и какъ-бы вынуждается тре- бованіемъ идей, ни чуть не стѣсняется ими, но бы- ваетъ такъ же свободно и самодѣятельно, какъ и тог- да, когда сферой его дѣятельности бываютъ пред- меты опыта. Это видно изъ тѣхъ идеальныхъ по- строеній, которыя оно производитъ такъ свободно, разнообразно, и часто такъ игриво и затѣйливо, какъ въ отношеніи къ предметамъ точныхъ наукъ, особен- но въ произведеніяхъ поэзіи, различныхъ искусствъ, въ баснословныхъ разсказахъ и проч.

Понятіе объ идеалѣ.

Идеалъ есть сосредоточеніе умопредставленія въ оп- редѣленной формѣ возможно-высшихъ совершенствъ и принадлежностей бытія чего либо, дѣйствія, или произведенія. Такъ напр. умопредставленіе человѣка безъ всякихъ нравственныхъ недостатковъ и поро- ковъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, поступкахъ и отноше- ніяхъ и зависящихъ отъ сихъ отношеній разносторон- нихъ обязанностяхъ къ самому себѣ, людямъ, оду-

шевленной и неодушевленной природѣ и къ Творцу всего, есть идеалъ праведнаго и совершеннаго нравственнаго человѣка. Слѣд. идеалъ есть ни что̀ иное, какъ ограниченіе идеи опредѣленною формою разсудка.

Отношеніе идеала къ дѣйствительности.

Очевидно, что построяемые нами идеалы могутъ относиться къ дѣйствительности только какъ возможность. Хотя имъ есть соотвѣтствіе въ бытіи дѣйствительномъ—сверхъопытномъ, такъ какъ они суть отблескъ въ умѣ нашемъ реальныхъ по содержанію идей, то, по этому же самому, въ ограниченномъ мірѣ опыта намъ никогда не увидѣть полнаго осуществленія ихъ въ дѣйствительности, и самимъ не осуществить ихъ въ искусственныхъ произведеніяхъ своихъ, къ какимъ бы предметамъ они ни относились физическимъ или духовнымъ.

Идеалы предметовъ физическихъ и духовныхъ.

Идеалы, относящіеся къ предметамъ физическимъ, не могутъ быть находимы нами вполнѣ осуществленными въ дѣйствительности, ни осуществляемы нами въ искусственныхъ произведеніяхъ нашихъ, потому что міръ физическій съ паденіемъ человѣка много потерялъ совершенствъ въ бытіи и относительныхъ проявленіяхъ своихъ, и остался въ должномъ соот-

вѣтствіи Божественной идеѣ о немъ только въ невидимой и непостижимой для насъ сущности своей; а искусственныя произведенія наши не могутъ вполнѣ осуществлять нашихъ идеаловъ предметности физическаго міра, потому что всякій идеалъ хотя есть формальное ограниченіе идеи, но всё же идеи безпредѣльной по содержанію. По сему же самому и идеалы предметовъ духовныхъ не могутъ вполнѣ соотвѣтствовать необъятнымъ предметамъ своимъ, ни въ произведеніяхъ и дѣйствіяхъ нашихъ не могутъ осуществляться во всей полнотѣ и во всемъ совершенствѣ своемъ. Слѣд. идеалы могутъ и всегда должны служить только образцовыми указаніями и всегдашнею, никогда вполнѣ не достижимою цѣлію для нашихъ стремленій и дѣйствій, и слѣд. суетѣ служатъ тѣ, которые приходятъ иногда въ уныніе и отчаяніе, когда видятъ и сознаютъ, что идеалы ихъ, которые они съ любовію и нѣжностію лелѣютъ въ душѣ своей, на дѣлѣ и въ половину не осуществляются.

Область предметности идеальныхъ построеній.

Идеальныя построенія, какъ дѣятельность формальную, мышленіе можетъ производить: или въ области феноменальнаго бытія (въ пространствѣ и времени), опредѣляя его общія и необходимыя формы; или же возвышаясь надъ его областію и возводя все

сущее къ Верховному началу и послѣдней цѣли бытія. Въ первомъ случаѣ происходитъ *Математика,* а во второмъ *Философія.*

Предметъ математики.

Математика поэтому имѣетъ своимъ предметомъ вообще величину. Опредѣленіе величины въ чистой формѣ пространства составляетъ содержаніе *Геометріи;* а въ чистой формѣ времени—содержаніе *Ариѳметики* и *Алгебры.*

Способъ образованія сихъ частныхъ опредѣленій.

Поелику же съ понятіемъ пространства необходимо соединяются въ насъ понятія: о его длинѣ, широтѣ и высотѣ или глубинѣ, а съ понятіемъ времени—понятія: преемственности и послѣдовательности, какъ такія понятія, безъ которыхъ мы и представить себѣ не можемъ пространства и времени; то геометрическія опредѣленія величины тогда только могутъ быть логически вѣрными, послѣдовательными и всеобщими, когда ими опредѣляется не другое что либо, какъ: длина всякой воображаемой величины, высота, объемъ, круглость, плоскость, квадратность, угловатость, выпуклость, въ какихъ бы ни было многоразличныхъ степеняхъ, размѣрахъ, видоизмѣненіяхъ, отношеніяхъ

и приложеніяхъ; а ариѳметическія и алгебраическія опредѣленія логически также вѣрны, послѣдовательны и всеобщи бываютъ тогда, когда ими опредѣляются: взаимозамѣняемость и сочетаваемость величинъ, въ какихъ бы ни было также видоизмѣненіяхъ, степеняхъ, возвышеніяхъ степеней, количествъ, и проч.

Самодѣятельность мышленія въ нихъ, обнаруживающаяся въ ихъ образованіи всеобщностію и строгою доказательностію математическихъ формулъ.

Чистое пространство и время возможно представлять до безконечности продолжающимися, потому что ни что́ не наполняетъ ихъ и не окружаетъ, слѣд. ни что не опредѣляетъ и не ограничиваетъ ихъ; и теоретическія и практическія дробленія и приложенія ихъ возможно также представлять въ различныхъ до безконечности направленіяхъ и преемствахъ, видоизмѣненіяхъ, увеличеніяхъ и уменьшеніяхъ, размѣрахъ и формахъ. Отсюда явствуетъ, что въ математическихъ опредѣленіяхъ мышленіе такъ же свободно и самодѣятельно, какъ и во всякой умственной дѣятельности. Геометръ напр. можетъ нетолько изображать свои фигуры въ какихъ ему угодно размѣрахъ, направленіяхъ, въ какомъ угодно мѣстѣ и на какомъ угодно тѣлѣ, сочетавать ихъ между собою, какъ ему угодно, ничуть не противорѣча законамъ мышленія: но съ та-

кою же свободою и безъ противорѣчія также законамъ мышленія и дѣйствительности можетъ употреблять ихъ въ доказательство и изъясненіе какой угодно ему истины, не только геометрической или астрономической, но и философской, и исторической, и богословской, и по наукамъ естественнымъ, политическимъ, экономическимъ, землеописательнымъ и проч. Были также философы, которые на числѣ основывали и построяли цѣлыя системы философскія. Неоспоримо, что, при такой свободности и самодѣятельности мышленія въ математическихъ построеніяхъ, могутъ быть уклоненія и погрѣшности въ частностяхъ и подробностяхъ ихъ развитія, какъ и во всякомъ другомъ мышленіи; но это не опровергаетъ всеобщности и неопровержимой доказательности самыхъ опредѣленій и формулъ математическихъ, какъ частныя логическія уклоненія отъ коренныхъ законовъ мышленія, не опровергаютъ всеобщности и непреложности самыхъ этихъ законовъ. Что всѣ напр. стороны квадрата равны между собою; что равенство двухъ угловъ треугольника несомнѣнно ручается за равенство съ ними и третьяго угла; что двѣ параллельныя линіи нигдѣ и никогда не могутъ сойтись между собою и пересѣчь одна другую; что изъ двухъ данныхъ количествъ должно произойти третье опредѣленное, такое именно, а не другое, —это такія истины, которыхъ

нельзя опровергать, не отказавшись отъ коренныхъ законовъ мышленія. Слѣд. всеобщность и строгая доказательность математическихъ опредѣленій и построеній, доказывая самодѣятельность нашего мышленія въ нихъ, удостовѣряютъ вмѣстѣ и въ томъ, что всѣ математическія построенія и формулы имѣютъ силу всеобщности и доказательности своей въ томъ именно, что основываются на коренныхъ законахъ общечеловѣческаго мышленія.

Отношеніе математическихъ построеній къ дѣйствительнымъ формамъ вещей.

Если же математическія построенія и формулы имѣютъ соотвѣтственность и такое близкое и необходимое отношеніе къ коренным законамъ мышленія, то необходимо предполагать, что онѣ должны также имѣть соотвѣтствіе и отношеніе и къ дѣйствительнымъ формамъ вещей: ибо всякое мышленіе и всякая духовная дѣятельность наша, какъ извѣстно уже намъ, имѣютъ назначеніемъ своимъ: не творить изъ ничего новый міръ, хотя бы то и идеальный, а только приводить насъ къ сознанію и уразумѣнію окружающаго насъ міра дѣйствительнаго, и не могутъ дѣйствовать иначе, какъ только на основаніи готовой дѣйствительности, свободно только видоизмѣняя и построивая отвлекаемое отъ нея. Въ чемъ же именно

можно усматривать это необходимое соотвѣтствіе и отношеніе математическихъ построеній къ дѣйствительнымъ формамъ вещей?

Мудрѣйшій изъ людей давно уже высказалъ торжественно, что Божественная премудрость все содѣваетъ и устрояетъ *числомъ, мѣрою и вѣсомъ* (Прем. Сол. 11, 21). Подлинно, число, вѣсъ и мѣра такую составляютъ существенную и необходимую принадлежность міра вещественнаго, что безъ нихъ мы не могли бы и представить его себѣ ограниченнымъ и конечнымъ: ибо не будь въ немъ опредѣленныхъ частностей, совмѣстно и связно, но одна отъ другой отдѣльно существующихъ, тогда онъ былъ бы для сознанія нашего чѣмъ-то безмѣрно великимъ и пространнымъ, нигдѣ неначинающимся и нигдѣ неоканчивающимся цѣлымъ, слѣд. безначальнымъ, неограниченнымъ. Наши мыслительныя и познавательныя способности такъ приспособлены къ этому свойству и порядку дѣйствительности, что мы не можемъ ни понять раздѣльно, ни въ дѣло употребить что либо правильно, соотвѣтственно дѣйствительной потребности, безъ числа, мѣры и вѣса. Потому человѣкъ и нашелся въ необходимости составить науку изчисленія и измѣренія, что міръ дѣйствительный, какъ жилище человѣка и источникъ необходимыхъ для его существованія средствъ и условій, состоитъ изъ частей и

недѣлимыхъ, и что каждая часть и каждое недѣлимое, занимая пространство и время, и находясь въ необходимой взаимной зависимости и необходимомъ взаимномъ отношеніи одно къ другому, необходимо должны составлять собою частныя каждаго порознь и всѣхъ вмѣстѣ опредѣленныя формы, фигуры, виды. Тѣло въ пространствѣ и времени, поставленное въ отношеніе съ другими тѣлами и подъ вліяніемъ различныхъ силъ, стихій и условій бытія, дѣйствій и отношеній своихъ, не можетъ ни на дѣлѣ, ни въ представленіи нашемъ существовать безъ опредѣленной формы, безъ разнообразія и видоизмѣненій этой формы, фигуры, или вида. Правда, что формы тѣлъ или вещей дѣйствительныхъ не всегда и даже очень рѣдко соотвѣтствуютъ математическимъ построеніямъ, изчисленіямъ и измѣреніямъ: по крайней мѣрѣ существенное и основное для этихъ построеній въ нихъ есть. А что напр. геометръ построеваетъ отличныя и правильнѣйшія фигуры и формы, нежели каковыя существуютъ въ вещахъ міра дѣйствительнаго, то этимъ доказывается только свободность его созерцательной самодѣятельности, могущей, какъ и всякая другая мысленная дѣятельность, не рабски только переводить дѣйствительное на идеальное, но и возноситься въ свободную область возможнаго. При томъ же нельзя не предполагать, что въ общемъ составѣ

міроздания Верховнымъ умомъ осуществлены и всѣ тѣ формы, фигуры и построенія, въ правильномъ ихъ видѣ какія извѣстны доселѣ и какія возможны еще въ сферѣ наукъ математическихъ. Ибо если умъ ограниченный, вступая въ область возможнаго, такъ разнообразно можетъ видоизмѣнять произведенія своихъ умосозерцаній, то для ума безпредѣльнаго область возможнаго несравненно обширнѣе, и потребности безчисленно разнообразныхъ частей и сферъ міроздания безконечно многочисленны и многообразны, потому и примѣненія должны быть различныя и многообразныя, прямыя и косвенныя, полныя и неполныя.

Предметъ философіи.

Философія имѣетъ предметомъ своимъ существенныя силы, законы и цѣли души человѣческой, главныя основанія устройства и связи міра, и приводитъ все это къ идеѣ о Безконечномъ Существѣ, какъ о Верховномъ началѣ и послѣдней цѣли бытія.

Необходимость для философіи данныхъ.

Отсюда открывается, что философія не можетъ быть построеваема мыслящимъ субъектомъ изъ самого себя, изъ своего *я* непосредственно, какъ мечтали идеалисты, но имѣетъ необходимость въ данныхъ, какъ со стороны опыта, представляющаго не-

обходимое содержаніе для нея, такъ главнымъ образомъ со стороны откровенной религіи, которая одна можетъ дать вѣрное и возможно для вмѣстимости человѣческой полное опредѣленіе идеи о Безконечномъ Существѣ. Слѣд. понятіе объ отрѣшенной самостоятельности философіи есть понятіе химерическое, какъ по самому существу философіи, которая всемъ содержаніемъ своимъ опирается на предварительныя опытныя изслѣдованія, такъ по ея органу—человѣку, котораго мышленіе ограничено и зависитъ отъ личныхъ и историческихъ условій, и наконецъ—по свидѣтельству опыта, который показываетъ, какъ несостоятельны и вредны подобныя притязанія на независимость знанія.

Самодѣятельность мышленія въ философіи.

Впрочемъ сею зависимостію отъ данныхъ не отрицается самодѣятельность мышленія въ философіи. Такая самодѣятельность главнымъ образомъ обнаруживается:

а. *Въ объединеніи всѣхъ видовъ ограниченнаго бытія.* Правда, что на первыхъ степеняхъ усвоенія матеріаловъ вѣдѣнія, мыслящій духъ нашъ болѣе страдательно воспринимаетъ все представляющееся ему отвнѣ. Но это страдательное состояніе не долго преобладаетъ надъ нимъ; свободная самодѣятельность его

обнаруживается уже и при самыхъ начаткахъ познаванія во вниманіи къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ; а при переведеніи усвоенныхъ свободнымъ вниманіемъ впечатлѣній и чувствованій на представленія и понятія и при бо́льшемъ-и-бо́льшемъ возвышеніи и обобщеніи понятій свободная самодѣятельность духа нашего съ каждымъ шагомъ впередъ всё болѣе-и-болѣе увеличивается, такъ что въ этихъ обобщеніяхъ выходитъ уже нѣчто отличное отъ существующаго въ дѣйствительности. Ибо хотя въ бытіи дѣйствительномъ есть соотвѣтствіе общимъ нашимъ отвлеченнымъ представленіямъ и понятіямъ, но только въ содержаніи, а въ формѣ этого соотвѣтствія нѣтъ: и въ дѣйствительной природѣ есть виды и роды, напр. царство животное, царство растительное, царство ископаемое и проч.; въ царствѣ животномъ: люди, львы, олени, барсы, овцы, носороги и проч.; въ царствѣ растительномъ: яблони, груши, виноградъ, вишни, дубы, ясени и проч. Но эти дѣйствительные виды и роды въ природѣ существуютъ иначе, нежели въ духѣ нашемъ; въ природѣ они существуютъ въ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, самимъ себѣ равныхъ недѣлимыхъ, разсѣянныхъ по всему шару земному; а въ сознательномъ духѣ нашемъ виды и роды существуютъ нераздѣльно, какъ одно цѣлое, нераздѣльно связанное одною общею существенностію. Кто же научилъ и кто заставилъ духъ нашъ построять такія единства изъ разрозненной множественности, и кто указалъ ему то невидимое и неосязаемое въ опытѣ общее, которое связуетъ эту необозримую множественность чистымъ, безпримѣснымъ, неразрывнымъ и неизмѣннымъ единствомъ? Все это почерпается имъ изъ единаго существа своего, дарованнаго ему для свободнаго его самовоздѣланія и произвольнаго, по собственнымъ законамъ и формамъ, употребленія и направленія. Но все еще можно бы съ нѣкоторымъ правомъ сказать, что духъ нашъ несамодѣятеленъ и какъ-бы связанъ данными бытія дѣйствительнаго, еслибы онъ, низводя свои представленія и понятія изъ области отвлеченности и прилагая къ дѣйствительнымъ предметамъ, отъ которыхъ отвлекалъ ихъ, слѣдилъ бы только явленія и дѣйствія этихъ предметовъ въ приложеніи ихъ къ другимъ предметамъ и явленіямъ того же ограниченнаго міра и къ временнымъ потребностямъ практической жизни человѣка и другихъ существъ конечныхъ, какъ это бываетъ въ наукахъ естественныхъ. Когда же философъ, возносясь надъ всемъ конечнымъ и временнымъ, устремляетъ взоръ свой за предѣлы опыта и силится разрѣшить для себя такіе вопросы о конечномъ и безпредѣльномъ, на которые опытъ не даетъ ему и не можетъ дать никакого отвѣта; когда силится постигнуть невиди-

мые законы всякаго бытія и явленія, проникнуть до сокровенной сущности, на которой утверждается бытіе и жизнь самыхъ предметовъ, производящихъ явленія, и разгадать крайнюю причину конечнаго бытія, общую связь и послѣднія основанія и цѣли всего существующаго; то послѣ этого никто уже невправѣ сказать и подумать, что мыслящій духъ нашъ въ области философіи дѣйствуетъ не самодѣятельно и несвободно.

б. *Въ вопросѣ объ отношеніи конечнаго къ Безконечному* еще болѣе обнаруживается самодѣятельность мышленія философскаго. Ибо какъ самый этотъ вопросъ, такъ и всѣ положенія и выводы въ отвѣтъ на него могутъ почерпаться духомъ нашимъ только изъ самого себя, изъ прирожденныхъ ему законовъ мышленія, освѣщаемыхъ и управляемыхъ самобытной въ немъ идеей о Безконечномъ. Но мышленіе философское, идя своимъ путемъ послѣдовательно и неуклонно, какъ-скоро переступаетъ предѣлы ограниченнаго и вступаетъ въ область сверхчувственнаго,— какъ-скоро доходитъ до вопроса о крайней, основной причинѣ и о послѣднихъ цѣляхъ всякаго бытія и всякой существенности, естественно и неизбѣжно должно встрѣтиться съ вопросомъ о Существѣ Безконечномъ и объ отношеніи къ Нему конечнаго. Ибо несвойственно духу человѣческому рядъ причинъ простирать въ

безконечность: это было бы для него томленіемъ безъ конца и безъ цѣли. Прирожденные ему: законъ достаточнаго основанія и возвышающаяся надъ нимъ идея о Безконечномъ, нудятъ его остановиться въ изысканіяхъ своихъ на такой крайней причинѣ, которая существовала бы сама въ себѣ и чрезъ себя, заключала бы въ себѣ все существенное ей во всей полнотѣ и во всемъ совершенствѣ до безконечности, и потому въ бытіи и дѣйствіяхъ своихъ не условливалась бы никакою другою причиною. А такая безусловно первая причина и есть Существо Безконечное. Такимъ-образомъ.

в. *Мышленіе философское самодѣятельно и въ идеѣ о Безконечномъ:* потому-что идея эта принадлежитъ духу нашему существенно, а не случайно. Хотя она обширнѣе всѣхъ мыслительныхъ и познавательныхъ способностей нашихъ, обширнѣе самой души и духа, и всего существа ихъ ограниченнаго; но между-тѣмъ сознаніе наше говоритъ намъ, что она неизъяснимо для насъ существуетъ въ духѣ нашемъ и такъ существенна ему, что безъ нея человѣкъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть и долженъ быть по назначенію своему; что она обнимаетъ и проникаетъ собою всѣ способности и силы наши, побуждая и устремляя ихъ къ предмету ея содержанія, не стѣсняетъ ихъ; но сама стѣсняется и ограничивается для нихъ; какъ вѣрная

и ревностная поборница за свою и нашу истинную родину и истинное отечество—безконечность и вѣчность,—для бо́льшаго, очевиднѣйшаго и живѣйшаго ознакомленія и сродненія нашего съ нимъ, сама себя отдаетъ въ полное распоряженіе мыслительнымъ и познавательнымъ способностямъ нашимъ, и сама же, за одно съ ними, пособляетъ имъ уяснять и опредѣлять безпредѣльность ея содержанія и преобразовывать его въ приличнѣйшія и сообразнѣйшія съ существомъ и назначеніемъ ея формы и законы ихъ дѣятельности. Потому, очевидно.

г. Самодѣятельность философскаго мышленія не нарушается *и въ доказательствахъ именно такого, а не инаго понятія о Существѣ Безконечномъ, и такого, а не инаго отношенія къ Нему существъ конечныхъ.* Ибо доказательство есть разсудочное разложеніе и свободное, по мѣрѣ силъ и разумѣнія каждаго мыслящаго субъекта, примѣненіе готовыхъ уже, сознанныхъ и усвоенныхъ, мыслей и свѣдѣній, по представляющейся дѣйствительной надобности и по разумно-свободнымъ соображеніямъ и усмотрѣніямъ. Еслибъ идея ограничивала и стѣсняла самодѣятельность мышленія философскаго, то всѣ народы въ одинаковой формѣ, одинаково правильно и совершенно разумѣли бы Существо Безконечное и свои отношенія къ Нему, въ одинаковыхъ формахъ осуществляли бы

свою вѣру въ Него и свое служеніе и поклоненіе Ему. Но этого опытъ не указываетъ намъ ни въ дикихъ, ни въ образованныхъ народахъ-нехристіанскихъ. Всѣ и всегда признавали и признаютъ бытіе Существа Верховнаго; но вѣру свою въ него и служеніе Ему выражали и выражаютъ различно, сообразно съ степенью умственнаго и нравственнаго своего развитія.

Цѣль философскаго познанія.

Какъ Философія имѣетъ предметомъ своимъ одно сверхчувственное, выходящее изъ предѣловъ пространства и времени,—одно то, что́ можетъ быть тускло и въ малыхъ объемахъ созерцаемо только умомъ въ его безпредѣльныхъ по содержанію идеяхъ; то эта возвышенность, неудобообъятность и неисчерпаемость ея предмета всегда были поводомъ и источникомъ, съ одной стороны, порицаній и укоризнъ на нее, какъ науку будто бы праздную, мечтательную, заоблачную, ни къ чему общеупотребительному не ведущую, а съ другой—непомѣрныхъ требованій отъ ея мирныхъ и безкорыстныхъ углубленій и изслѣдованій. Но, не говоря о всеобщности и существенной необходимости вліянія философіи на всѣ виды и способы мышленія и познаванія человѣческаго, какъ науки основной, одно уже то, что она занимается рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, съ которыми сопряжена временная

*

и вѣчная участь человѣка и которыхъ, поэтому, и скудное, но сознательное разрѣшеніе и уразумѣніе имѣетъ для насъ большую и интереснѣйшую важность, нежели рѣшеніе всякой другой истины; одно это достаточно къ тому, чтобы признать философію наукою не только важнѣйшею и полезнѣйшею, но и существенно необходимою для всего рода человѣческаго, т. е. о важности и достоинствѣ философіи должно судить не по количеству или разнообразію доставляемыхъ ею познаній, но по той высокой и многоплодной цѣли, какую она должна имѣть, не противорѣча своей предметности и послѣдовательности въ мышленіи. Конечно, и философія такъ же, какъ и всякое другое познаніе въ субъективной индивидуальности лицъ, можетъ имѣть различныя цѣли, полезныя и вредныя, къ общему благу клонящіяся и самолюбивыя, эгоистическія, корыстныя и проч. Но истинная, существенная цѣль всякаго познанія и всякой науки, на самомъ существѣ познаваемаго предмета основывающаяся, можетъ быть только одна, исключительная, и вліяніе на занимающихся наукою и обладающихъ познаніями ея, а чрезъ нихъ и на цѣлыя общества и поколѣнія людей, можетъ быть также одно—характеристическое, и одно по существенному характеру направленіе внутренней или внѣшней жизнедѣятельности народной. Такъ мы видимъ, что преобладающее господство наукъ

математическихъ, химическихъ и вообще естественныхъ, въ цѣлыхъ націяхъ вселяетъ духъ промышленности и изобрѣтательности; господствующее процвѣтаніе наукъ изящныхъ цѣлый народъ настраиваетъ къ законодательству вкуса, производитъ по преимуществу поэтовъ и эстетиковъ не въ письменныхъ только произведеніяхъ, но и въ жизни практической, частной и общественной, и въ самыхъ даже мелочахъ жизненной потребности, въ отношеніяхъ и связяхъ общежительныхъ; въ народѣ по преимуществу занятомъ распространеніемъ своихъ мнѣній и убѣжденій религіозныхъ, всякій готовъ принять на себя званіе миссіонера, чтобъ по крайней возможности своей способствовать къ преклоненію на свою сторону всего рода человѣческаго. Посему и философія, какъ наука, имѣющая опредѣленнымъ и исключительнымъ предметомъ своимъ крайнія начала и основанія, коренные законы и послѣднія цѣли и назначенія всякаго бытія сотвореннаго, касающаяся даже природы и свойствъ Существа Безначальнаго и безусловно - самобытнаго, существенною, изъ самаго предмета ея вытекающею цѣлію своею можетъ и должна имѣть не другое что-либо, какъ только нравственное усовершеніе человѣка и человѣчества вообще. Ибо, уясняя идею о Безконечномъ и постигая, по возможности, природу и свойства Существа Безконечнаго, основательный и по-

слѣдовательный въ мышленіи своемъ философъ необходимо долженъ прійти къ заключеніямъ: что все конечное должно быть въ необходимой зависимости и мудрой распорядительности отъ Существа Безконечнаго; и существа свободно-разумныя, сверхъ отношенія общей зависимости, должны имѣть къ Существу Безконечному и тѣснѣйшее нравственное отношеніе сродства, единенія, и потому безпредѣльнаго почтенія и безпрекословной преданности, покорности и смиренія, сердечной любви и благоговѣнія и прочихъ нравственно-разумныхъ отношеній и обязанностей, какъ необходимаго условія близости къ Нему и благоговѣнія его къ нимъ. Такіе разультаты философскаго мышленія и познанія не могутъ оставаться безъ вліянія на нравы людей и обществъ, — какъ науки опытныя не остаются безъ приложенія къ житейскому быту человѣка.

Методъ умозрительнаго познанія.

Какъ для познанія опытнаго, силящагося чрезъ частности дойти до общаго и въ немъ довершить уразумѣніе частностей, свойственъ методъ *поступательный* или *аналитическій*; такъ для познанія умозрительнаго, стремящагося общее, идею, уразумѣть въ частныхъ ея сторонахъ и приложеніяхъ, свойственъ и единственно возможенъ методъ противоположный аналитическому — *возвратный* или *синтетическій*. Сущность этого метода въ томъ именно и состоитъ, что ходъ мышленія въ немъ, выступая отъ общаго и основнаго, направляется къ его частному и производному, по самой строгой послѣдовательности и постепенности отъ бо́льшаго къ мѐньшему и мѐньшему.

Положительность и самодѣятельность мышленія въ выведеніи частныхъ слѣдствій изъ общаго положенія.

Преимущество, обыкновенно даваемое синтезу предъ анализомъ въ томъ и состоитъ, что въ синтезѣ мышленіе производится на основаніи извѣстнаго уже общаго и идетъ къ частностямъ не на-угадъ, какъ анализъ къ неизвѣстному еще общему, но съ явною очевидностію, какъ къ существенно заключающимся въ общемъ и потому, при разсудочномъ развитіи, необходимо изъ него вытекающимъ или необходимо подъ него подходящимъ, сообразно съ требованіями законовъ и формъ мышленія. Оттого-то синтетическое мышленіе и происходящее отъ него умозрительное познаніе всегда отличаются *положительностію*, т. е. такимъ свойствомъ знанія и такою степенью основательности, очевидности, и увѣренности, которыя въ субъектѣ мыслящемъ не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ, какія, въ бо́льшей

или мѐньшей мѣрѣ, неизбѣжно сопутствуютъ мышленію и познанію опытному.

Но эта необходимость и очевидность слѣдственности частныхъ выводовъ изъ общаго положенія, ничуть не ведетъ къ тому заключенію, чтобъ синтетическое мышленіе было несвободно и несамодѣятельно. Правда, что и природа производитъ все синтетически: въ ней каждая вещь и цѣлыя группы однородныхъ вещей живутъ и дѣйствуютъ по своей особой сущности; въ постепенномъ развитіи своемъ основываются на своихъ опредѣленныхъ началахъ; проявляются по предначертаннымъ имъ законамъ; пробуждаются къ дѣятельности; причинами постепенно производятъ слѣдствія своей жизнедѣятельности по требованію и вліянію преобладающихъ обстоятельствъ и условій, словомъ: въ природѣ вездѣ и во всемъ строгая и необходимая подчиненность мѐньшаго бо̀льшему, строгая послѣдовательность одного за другимъ по нисходящей непрерывной постепенности. При всемъ томъ, синтетическое наше мышленіе не есть только отпечатлѣвающаяся въ духѣ нашемъ копія дѣйствій и порядка производительности природы; напротивъ здѣсь-то духъ нашъ и является творцемъ своихъ произведеній, вполнѣ свободнымъ и самодѣятельнымъ, подлежащимъ тому только неизбѣжному для всего конечнаго ограниченію, что производитъ творенія свои не

изъ ничего, а на основаніи готовой предметности. Сходствуя съ дѣйствіями природы въ главномъ — въ выступленіи отъ общаго къ частному — синтетическое наше мышленіе существенно отличается отъ дѣйствій природы:

а. *Свободностію избранія самаго начала* или основнаго положенія для мышленія. Въ природѣ началомъ чего либо служитъ что-нибудь постоянное, однажды навсегда положенное, которое такъ тѣсно и необходимо соединяется съ сущностію той предметности, для которой опредѣлено ему быть всегдашнимъ началомъ, что не можетъ уже измѣняться или устраняется безъ нарушенія сущности и цѣли бытія самой предметности. Въ мышленіи же нашемъ начала могутъ быть избираемы такія или другія по произволу нашему. Напр. безсмертіе души мы можемъ доказывать синтетически, или выступая отъ того общаго положенія, что душа есть существо простое, невещественное, или основываясь на единствѣ самосознанія нашего во всѣхъ періодахъ нашей жизни и при всемъ видоизмѣненіи нашей дѣятельности и нашего внутренняго состоянія, — или на свидѣтельствѣ Божественнаго Откровенія, и проч.

б. *Такою же свободностію развитія избраннаго по произволу начала.* Въ природѣ развитіе синтетическихъ ея дѣйствій происходитъ всегда одинаково, ме-

ханически-необходимо: какъ прежде—отъ начала міра развивалась напр. растительность, во всѣхъ проявленіяхъ и видоизмѣненіяхъ своихъ, происходя первоначально отъ сѣмени или ядра и производя сначала корень и стволъ, потомъ вѣтви, листья, цвѣты и плоды; такъ и теперь бываетъ, такъ и впредь всегда будетъ. Если и бываютъ здѣсь какія-нибудь уклоненія, недостаточность напр. въ чемъ-нибудь или излишества, происходящія отъ вліянія стороннихъ причинъ, обстоятельствъ и условій, то въ чемъ-нибудь только частномъ, случайномъ, а въ цѣломъ, существенномъ измѣненій не бываетъ. Въ нашихъ же синтетическихъ развитіяхъ можетъ быть столько существеннаго различія въ ходѣ, направленіи, характерѣ и результатахъ мышленія, сколько мыслящихъ субъектовъ будетъ трудиться надъ ними. Возможность эта основывается на возможности различныхъ взглядовъ на предметъ и съ различныхъ сторонъ его, на бóльшей или мѐньшей полнотѣ, обширности и многосторонности этихъ взглядовъ, на степени разумѣнія предмета мыслимаго, на степени совершенства природныхъ дарованій мыслителя, свойствѣ и образованіи ихъ, на цѣли и назначеніи мышленія, на мѣстныхъ и современныхъ оподствующихъ понятіяхъ о предметѣ, на общихъ или частныхъ нуждахъ приложенія его къ потребностямъ житейскимъ, политическимъ, религіознымъ и

проч. Доказательствомъ тому служатъ различныя системы однѣхъ и тѣхъ же наукъ и истинъ у разныхъ народовъ, въ различныя времена, въ различныхъ школахъ, для различныхъ цѣлей, по различнымъ побужденіямъ, личнымъ или общественнымъ.

Значеніе синтеза въ наукѣ.

Но на какихъ бы началахъ и взглядахъ ни основывалось и какъ бы ни развивалось мышленіе синтетическое, во всякомъ случаѣ оно не теряетъ своего достоинства и преимущества предъ мышленіемъ аналитическимъ, особенно въ наукѣ. По тому существенному свойству синтеза, что мышленіе въ немъ можетъ выступать только отъ общаго и основнаго, и направляться къ частному и производному, въ наукѣ онъ такъ существенъ и необходимъ, что безъ него наука невозможна. Ибо всякая наука имѣетъ задачею своею: раскрыть всесторонно и уяснить въ возможной точности и подробности какую-нибудь общую истину, или какой-нибудь общій вопросъ объ извѣстномъ дѣйствительномъ предметѣ, или извѣстномъ кругѣ предметовъ. Слѣд. всякая обработанная и въ совершенство приведенная наука есть осуществленіе синтеза въ дѣйствительности. Потому синтетическое раскрытіе мыслей доставляетъ наукѣ слѣдующія частныя совершенства.

I. *Полноту*. Ибо, строго держась постепенной последовательности отъ общаго къ частному, мы необходимо должны дойти до послѣднихъ подробностей, заключающихся въ мыслимомъ общемъ, и такимъ-образомъ обнять мысленно и изслѣдовать это общее, какъ цѣлое, во всей его полнотѣ и уразумѣть его во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ частностяхъ его содержанія, и во всѣхъ существенныхъ и случайныхъ ихъ отношеніяхъ и приложеніяхъ; если жъ это не достигается, то вѣрный знакъ, что синтетическое раскрытіе производится непослѣдовательно и неточно.

II. *Стройность*. потому-что гдѣ соблюдается точная низходящая постепенность и строгая послѣдовательность, тамъ не естественно быть безпорядку, запутанностямъ, смѣшеніямъ и уклоненіямъ.

III. *Доказательность*, которая тогда только именно и возможна, когда мысли и положенія, стройно и послѣдовательно вытекая однѣ изъ другихъ и занимая свои естественныя мѣста въ стройномъ теченіи мышленія, тѣмъ самымъ взаимно освѣщаются однѣ другими, и потому дѣлаются для насъ ясными, вразумительными, какъ сами въ себѣ, такъ и въ составѣ цѣлаго, и потому сознательно убѣдительными для насъ; тогда мы очевидно и какъ-бы наглядно сознаемъ и убѣждаемся, что такъ именно и должно быть и иначе не можетъ и не должно быть.

Отличительныя черты умозрительнаго познанія.

Итакъ умозрительное познаніе и по источнику своему, и по пріемамъ усвоенія, и по способу разработки усвоеннаго ими метода, есть по преимуществу познаніе о всеобщемъ, основномъ, существенномъ, неизмѣнномъ и вѣчномъ. Оттого, какъ бы ни разнообразили и ни видоизмѣняли; какъ бы даже ни дробили его, всегда имѣетъ отличительными чертами своими: *всеобщность по содержанію, единство и необходимую слѣдственность*.

Всеобщность содержанія зависитъ отъ вѣчной неизмѣнности предметовъ и истинъ умозрѣнія, всѣми и всегда одинаково созерцаемыхъ въ прирожденныхъ каждому идеяхъ ума, раскрываемыхъ и уразумѣваемыхъ хотя съ нѣкоторыми личными особенностями, но въ сущности одинаково, потому-что это раскрытіе и уразумѣніе во всѣхъ совершается по однимъ и тѣмъ же прирожденнымъ законамъ мышленія и познанія.

Единство въ познаніи умозрительномъ бываетъ естественнымъ слѣдствіемъ и какъ-бы необходимымъ отпечатлѣніемъ единства идей, изъ которыхъ оно почерпается, нераздѣльныхъ въ существѣ своемъ, какъ нераздѣльны безпредѣльные предметы ихъ содержанія. И въ познаніи опытномъ мы, по внутреннему требованію и указанію идей, стремимся къ достиженію

единства чрезъ сличеніе и объединеніе множества частныхъ явленій опыта, но достигаемъ этого единства, какъ необходимой потребности нашего духа тогда только, когда удается намъ всю мыслимую множественность явленій возвесть къ идеѣ, въ которой они, какъ въ зернѣ, заключаются началомъ порожденія и сущностію своею. А въ познаніи умозрительномъ духъ нашъ, покоясь уже на готовомъ единствѣ въ мыслимой идеѣ, причинѣ, въ данномъ законѣ или крайнемъ основаніи, не теряетъ ихъ изъ сознанія и въ идеальныхъ, логическихъ раздробленіяхъ ихъ; напротивъ эти, по ограниченности духовныхъ силъ нашихъ, необходимыя дробленія съ тѣмъ и производитъ, чтобъ ближе и точнѣе присмотрѣться къ содержанію идеи, смыслу, силѣ и обширности приложенія закона, причины или основанія, и отчетливѣе уразумѣть ихъ въ частныхъ ихъ сторонахъ и проявленіяхъ; и такимъ-образомъ созерцаетъ единство идеи, закона, причины или основанія и во всемъ дѣйствительномъ и возможномъ множествѣ идеальнаго, въ духѣ нашемъ, и реальнаго, въ дѣйствительности, развѣтвленія ихъ подобно тому, какъ чувственнымъ окомъ мы созерцаемъ единство напр. опредѣленнаго дерева во всемъ множествѣ его состава и проявленій: въ корнѣ, стволѣ, вѣтвяхъ, листьяхъ, цвѣтахъ, плодахъ и проч.

Необходимость слѣдственности въ раскрытіи,

проистекаетъ изъ того свойства познанія умозрительнаго, что ходъ мышленія въ немъ можетъ быть не иной, какъ только низходящій отъ общаго къ частному и частнѣйшему, постепенно. Въ познаніи опытномъ, гдѣ неизвѣстно еще общее, отъ котораго зависятъ и на которомъ основываются мыслимыя частности, такая постепенная послѣдовательность въ реальной сторонѣ мышленія и познаванія невозможна. А въ познаніи умозрительномъ она необходима существенно: всякое опереженіе и всякій скачокъ тотчасъ обнаружатся сами собою тѣмъ, что прежде надлежащаго взятая часть цѣлаго не будетъ вполнѣ вразумительна, потому-что не видно будетъ ея ближайшее основаніе, ея непосредственная зависимость отъ высшей ея части и общая связь со всѣми частями цѣлаго и съ самымъ цѣлымъ.

Односторонность умозрѣній и зависимость отъ опыта.

Но всѣ изчисленныя совершенства и преимущества умозрительнаго познанія возможны въ немъ не иначе, какъ только подъ условіемъ соединенія умозрѣнія съ опытомъ и равномѣрнаго, гармоническаго дѣйствованія ихъ. Мы видѣли, что самыя идеи, какъ источникъ умозрительнаго познанія, могутъ пробуждаться въ духѣ нашемъ и развиваться въ нашемъ сознаніи не иначе, какъ только при посредствѣ опыта и дѣя-

тельности мыслительныхъ и познавательныхъ способностей нашихъ, сообразно съ какими-либо частными сторонами дѣйствительной предметности содержанія своего. Слѣд. по самому устройству механизма духовной дѣятельности нашей, естественный порядокъ долженъ быть таковъ, чтобы опытъ предшествовалъ умозрѣнію. Ибо предположимъ, что можно мыслить о какомъ-либо сверхчувственномъ дѣйствительномъ предметѣ, не обогатившись предварительно опытными, положительными свѣдѣніями о немъ; каково должно быть такое мышленіе и каково должно произойти изъ него познаніе? Самый глубокомысленный и основательный мыслитель, держась на высотѣ однихъ умозрѣній и не сличая ихъ съ дѣйствительностію мыслимаго, а увлекаясь только потокомъ произвольныхъ представленій воображенія и фантазіи, будетъ раскрывать одну, скудную еще въ сознаніи его, теоретическую сторону мыслимаго предмета— одно то, какъ что̀ можетъ и должно быть въ этомъ, положительно несвѣдомомъ еще сознанію предметѣ а другая сторона его—какъ что̀ есть въ немъ на самомъ дѣлѣ и такъ ли дѣйствительно есть, какъ можетъ и должно быть, по умозрѣнію, будетъ и необходимо должна быть вовсе не тронута, при строгой послѣдовательности мышленія. Съ другой стороны, чистое умозрѣніе, безъ всякаго сличенія его съ дѣйствительностію въ явленіяхъ, безъ соединенія съ опытомъ, и не можетъ даже правильно и достаточно уразумѣвать и изъяснять возможное и должное. Можно ли напр. правильно и вполнѣ достаточно рѣшить, чѣмъ можетъ и долженъ быть человѣкъ, какія должны быть его отношенія и обязанности ко всему высшему и низшему его дѣйствительному, не зная напередъ ни силъ и способностей духовной и тѣлесной его природы, ни ихъ нормально-естественныхъ требованій и направленій, ни подлинныхъ, прирожденныхъ законовъ для ихъ дѣятельности, ни предметности, сродной ихъ требованіямъ и стремленіямъ и могущей вполнѣ удовлетворять имъ?

Легкость уклоненія умозрѣній въ произвольныя построенія.

Отсюда понятно, какъ легко и даже естественно можно уклоняться въ умозрѣніяхъ въ построенія произвольныя, нисколько не сообразныя съ дѣйствительностію, тѣмъ болѣе, что умъ нашъ по самой природѣ своей имѣетъ наклонность къ отвлеченному: въ томъ его поэзія, тамъ ему просторъ и свобода; а въ сферѣ дѣйствительности ему трудно, стѣснительно и утомительно въ тѣсныхъ формахъ разсудка.

Необходимость соединенія опыта и умозрѣнія въ истинномъ знаніи.

Потому-то необходимо свѣрять умозрительные выводы съ опытомъ и въ такомъ случаѣ, когда мышле-

ніе совершается въ нихъ по предварительномъ уже обогащеніи мыслителя свѣдѣніями о дѣйствительностяхъ опыта для повѣрки и самоубѣжденія въ ихъ непогрѣшительности. Ибо ограниченное наше мышленіе и познаваніе въ области сверхъ-опытнаго не могутъ быть совершенно свободными и безопасными отъ погрѣшностей и уклоненій и въ такомъ разѣ, когда идутъ по пути, очищенному уже и углаженному предварительными разработками опыта, тѣмъ болѣе —оторвавшись отъ осторожнаго и заботливаго водительства опыта и носясь по произволу въ безпредѣльной области возможнаго, невсегда согласнаго съ ограниченною дѣйствительностію.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Необходимость свѣрять умозрительные выводы съ опытомъ.

Односторонность опыта и умозрѣнія въ отдѣльности и взаимная зависимость ихъ дѣлаютъ необходимымъ соединеніе того и другаго въ истинномъ знаніи, такъ чтобы разумъ, обогатившись положительными познаніями изъ опыта и исторіи, и, при посредствѣ общихъ соображеній, возведя ихъ къ одному началу, раскрылъ изъ сего начала въ строгой связи всѣ подробности содержанія. Такое знаніе называется систематическимъ.

Понятіе о системѣ, какъ идеалѣ совершенства знанія.

Итакъ система есть такое стройное, связное, гармоническое соединеніе различныхъ познаній, мыслей и частныхъ свѣдѣній, въ которомъ ясность и подробность въ соединеніи съ общностію составляютъ полноту содержанія, а логическая слѣдственность, оправданная самою дѣйствительностію вещей, единство формы. Но это идеалъ знанія, къ которому мы должны стремиться, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, не дерзая надѣяться на полное его осуществленіе.

Трудность осуществленія такого идеала.

Трудность такого осуществленія очевидна: для этого потребно полное, всестороннее, совершенное знаніе всего существующаго; но такое знаніе возможно только уму безпредѣльному, а наши познанія, какъ опытныя такъ и умозрительныя, не обнимаютъ вполнѣ и того, что̀ выявляется въ вещахъ, а что за явленіями; что̀ служитъ началомъ и основаніемъ ихъ, о томъ мы бо̀льшею частію гадаемъ только по вѣроятностямъ, невсегда оправдываемымъ. Кромѣ-того много есть для насъ препятствій къ достиженію совершенства познаній въ различнаго рода заблужденіяхъ и предразсудкахъ человѣческихъ, встрѣчающихъ насъ

при самомъ вступленіи нашемъ въ свѣтъ и преграждающихъ намъ путь къ истинѣ, когда мы и не подозрѣваемъ этого.

Понятіе о заблужденіяхъ и предразсудкахъ.

Заблужденіе есть уклоненіе отъ истины въ самопознаніи и самомышленіи, происходящее отъ неправильнаго взгляда на предметъ или отъ неточнаго и ошибочнаго вывода слѣдствій и изъ вѣрныхъ положеній. Предразсудокъ есть ложное или полуистинное мнѣніе, принятое отъ другихъ безъ собственнаго предварительнаго испытанія. Слѣд. какъ первыя такъ и послѣднія служатъ обильнѣйшимъ источникомъ превратныхъ сужденій и познаній.

Начало тѣхъ и другихъ.

Сколь ни случайна и сколь ни противоестественна такая превратность въ познаваніи дѣйствительнаго бытія и его явленій, но рѣдкимъ удается отжить свой вѣкъ, не заплативъ ей болѣе или менѣе значительной дани. Съ одной стороны ограниченность и невсегда гармоническая, отъ природы равномѣрная стройность силъ и способностей душевныхъ, а съ другой—самыя условія рожденія и воспитаніе, отношеній и связей общежительныхъ, иногда какія-нибудь случайныя обстоятельства жизни, часто располагаютъ смотрѣть

на вещи не съ надлежащей стороны, и такимъ-образомъ не благопріятствуютъ чистотѣ и свѣтлости самопознанія и усвоенія истины, и потому служатъ началомъ многихъ заблужденій и предразсудковъ.

I. *Личное отъ природы неравновѣсіе душевныхъ способностей.* Хотя душа, какъ существо духовное, единичное, всегда и вездѣ само себѣ равное, всѣмъ недѣлимымъ рода человѣческаго дается во всей полнотѣ существа своего, со всѣми существенными способностями и потребностями; но, какъ ограниченное въ самомъ существѣ своемъ и потому удобоограничиваемое и въ случайностяхъ бытія, отношеній и проявленій своихъ, въ различныхъ недѣлимыхъ подлежитъ различнымъ ограниченіямъ, сколько отъ частнаго различія организмовъ тѣлесныхъ, по закону безконечнаго разнообразія природы, столько же, по какимъ-то непонятнымъ для насъ законамъ высшаго порядка, и въ самой духовности ея: ибо извѣстно, что и въ духахъ безтѣлесныхъ есть степени совершенства. Отсюда личныя свойства и степени совершенства дарованій, которыя, какъ показываютъ вѣковые опыты, всегда бываютъ съ перевѣсомъ однѣхъ способностей предъ другими; а этотъ перевѣсъ способностей естественно производитъ къ однѣмъ наукамъ или истинамъ бо́льшую наклонность и расположенность, нежели къ другимъ. Слѣдствіемъ этого бываетъ од-

носторонность взглядовъ на предметы и потому не-
полнота уразумѣнія истины. Такъ напр. въ однихъ
преобладаетъ чувствовательная способность, и тако-
вые, обыкновенно, расположены бываютъ болѣе къ
тому, что̀ представляется въ формахъ пріятныхъ и
изящныхъ; а что̀ не имѣетъ сихъ качествъ, на то ма-
лое или никакого не обращаютъ вниманія, между-тѣмъ
какъ тутъ-то и скрывается иногда совершенство и
достоинство внутреннее. Отсюда происходитъ *пред-
разсудокъ внѣшности,* который всегда и вездѣ имѣетъ
большую силу и часто влечетъ за собою неблагопрі-
ятныя послѣдствія для истины. Въ другихъ имѣетъ
перевѣсъ высшая—умственная способность; таковые
склонны погружаться въ умосозерцанія, не заботять
и даже тяготясь точными изслѣдованіями дальней
дѣйствительности. Отъ того умосозерцанія ихъ на-
полняются однѣми химерами, одними призраками во-
ображенія. Въ иныхъ преобладаетъ разсудокъ, и та-
ковые считаютъ истиннымъ и достойнымъ вниманія
только то, что̀ подходитъ подъ любимыя ими пре-
имущественно логическія или математическія формы,
и т. д.

II. *Случайности рожденія и воспитанія, обще-
жительныхъ отношеній и связей, народности, време-
ни и мѣста жительства, и всѣхъ обстоятельствъ
жизни,* служа первымъ изъ необходимыхъ условій,

развитія душевныхъ силъ и способностей нашихъ
служатъ вмѣстѣ и источникомъ безчисленныхъ, иног-
да неисправимыхъ заблужденій и предразсудковъ.
Родовый, отличительный характеръ образа мыслей и
взглядовъ на предметы, свойственный тому или дру-
гому званію, сословію, вѣку, народу, цѣлой странѣ,
нечувствительно и часто неизгладимо напечатлѣвает-
ся въ юной душѣ, такъ что, пока она возмужаетъ и
сдѣлается способною къ самостоятельному мышленію
и наблюденію, въ ней уже вкореняются и разраста-
ются общія всѣмъ окружающимъ ее мнѣнія, сужде-
нія, взгляды на вещи, вѣрованія и повѣрья, надежды
и убѣжденія, истинныя и ложныя, добрыя и худыя,
свѣтлыя и мрачныя, радостныя и грустныя. Родившій-
ся напр. магометаниномъ и взросшій между единовѣр-
цами своими, до совершеннолѣтія своего дѣлается уже
магометаниномъ и по религіознымъ вѣрованіямъ и об-
рядамъ, и по жизни домашней и общественной, и по
понятіямъ и взглядамъ на природу и людей. А част-
ныя фамильныя связи и отношенія, также отношенія
и связи по сословіямъ, роду жизни, сектамъ, школамъ,
партіямъ и проч., то, что̀ есть худаго, нездравомы-
сленнаго въ обществѣ, государствѣ или странѣ, еще
болѣе разнообразятъ, измельчаютъ и искажаютъ въ
каждомъ членѣ ихъ и обратно въ цѣлыхъ фамиліяхъ
и обществахъ, и, связывая духъ ихъ еще тѣснѣйшими

узами единомыслія, все превратное, суевѣрное и изувѣрное еще болѣе сродняютъ съ духомъ и сердцемъ каждаго и потому дѣлаютъ болѣе нагляднымъ и съ бо́льшею силою и живостію приложимымъ къ дѣлу. Отсюда-то получаютъ начало свое и свою силу какъ мѣстныя и временныя, болѣе или менѣе общія заблужденія, такъ и чрезъ цѣлые вѣки и поколѣнія неослабно господствующіе предразсудки, девизомъ коихъ обыкновенно бываетъ: «такъ всѣ думаютъ или дѣлаютъ; такъ наши отцы, дѣды и прадѣды думали, вѣрили, или дѣлали».

Разные виды предразсудковъ.

Особенно замѣчательны предразсудки, отсюда происходящіе, болѣе другихъ общіе и болѣе другихъ преграждающіе путь къ истинѣ и затемняющіе ее, суть: *предразсудки младенчества, націи, старины, новизны и авторитета.*

Предразсудокъ младенчества состоитъ въ томъ, что въ первыхъ лѣтахъ жизни человѣкъ бываетъ неспособенъ еще къ основательному сужденію и вѣрному наблюденію надъ вещами; отъ того дѣти все, что̀ только слышатъ, принимаютъ за истину. А первыя впечатлѣнія младенца глубоко западаютъ въ душу и вкореняются въ ней такъ, что впослѣдствіи времени ни сила доказательствъ, ни собственное размышленіе не могутъ искоренить ихъ совершенно.

Предразсудки національные бываютъ тогда, когда какая-нибудь нація ставитъ себя выше другихъ, почитаетъ себя одну образованною и изобрѣтательною, а все иноземное слишкомъ унижаетъ.

Предразсудки старины бываютъ тогда, когда исключительно уважаютъ только то̀, что̀ было прежде, когда думаютъ, что все, хотя сколько-нибудь достойное вниманія, должно оставаться въ прежнемъ видѣ, и потому совсѣмъ не желаютъ знать новаго, а крѣпко держатся мудрости, въ мертвомъ письмени заключенной.

Предразсудки новизны состоятъ напротивъ въ томъ, когда исключительно бросаются на все новое, а все сколько-нибудь похожее на старину, отвергаютъ, какъ безполезное, и осуждаютъ потому только, что уже было.

Предразсудокъ авторитета есть неограниченное уваженіе ко всѣмъ вообще мыслямъ какого нибудь знаменитаго лица. Кто поработилъ свой разумъ авторитету, тотъ дѣлается неспособнымъ возвышаться до свободнаго испытанія, безъ разбора принимаетъ истину и ложь, и остается неподвижнымъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ поставилъ его руководитель; но не понимая духа его системы, искажаетъ ее и дѣлаетъ ничтожною и вздорною.

Необходимость вѣры для знанія въ началѣ, продолженіи и концѣ его.

При такомъ множествѣ и разнообразіи возможности претыканій въ познаваніи истины, мыслитель, съ чистою любовію къ истинѣ и знаніемъ условій ея, долженъ стоять на стражѣ противъ всѣхъ безчисленныхъ видовъ лжи. Но и при такомъ неусыпномъ бодрствованіи, надежда на совершенное освобожденіе отъ заблужденій и увѣренность въ возможности истиннаго знанія однѣми естественными силами и средствами своими, безъ положительнаго Откровенія истины, были бы однимъ изъ величайшихъ всѣхъ возможныхъ для человѣка заблужденій. Разсуждая о вѣрѣ *), мы уже видѣли, что вѣра положена въ основаніе всего механизма нашего познаванія—во взаимномъ круговомъ довѣріи силъ и способностей нашихъ однѣхъ къ другимъ. Познаваніе наше начинается съ усвоенія сознаніемъ того, что̀ представляютъ чувства внѣшнія и внутреннее. Чтожь ручается намъ за истинность этихъ представленій? Не другое что̀, какъ довѣріе къ возможности согласія ихъ съ дѣйствительностію. И въ дальнѣйшей разработкѣ сихъ представленій—въ разсудочныхъ сочетаніяхъ ихъ и въ окончательныхъ результатахъ сихъ сочетаній—убѣжденіе наше основывается также на довѣріи сознанія къ правильности законовъ сихъ сочетаній и къ согласію формъ выраженія ихъ съ дѣйствительностію представляемыхъ чувствами вещей и событій внѣшнихъ или внутреннихъ нашихъ состояній. Подорвите это довѣріе, и возможность для насъ познанія и убѣжденія не существуетъ. Само же довѣріе это, какъ корень самоубѣжденія нашего, основывается на той истиннѣйшей мысли о Виновникѣ бытія природы и духа нашего, что Онъ, какъ истиннѣйшій, премудрый и преблагій, не съ тѣмъ даровалъ намъ мыслительныя и познавательныя способности, чтобы мы только обманывались ими и томились тщетною жаждою знанія, ничѣмъ и никогда не могущей утоляться.

*) См. 2 Ч. сей логики «О познаніи историческомъ».

Истинное отношеніе знанія къ вѣрѣ.

Слѣдовательно весь механизмъ нашего познаванія, весь составъ мыслительныхъ и познавательныхъ нашихъ силъ и способностей, въ самой основѣ своей, есть ни что̀ иное, какъ орудіе вѣры, какъ приготовленная почва для ея насажденія и развитія; и слѣд. вѣра къ знанію и знаніе къ вѣрѣ имѣютъ самое близкое, существенное и необходимое отношеніе, такъ что на каждомъ пунктѣ, можно сказать, сопроникаются взаимно, и при такомъ только взаимномъ сопроникновеніи образуютъ полное и совершенное цѣлое, а въ отдѣль-

ности, какъ вѣра такъ и знаніе бываютъ всегда чѣмъ-то половинчатымъ, невсестороннимъ, и потому шаткимъ и удобопреклоннымъ къ погрѣшностямъ и искаженіямъ самихъ себя. Такъ вѣра, и естественная и религіозная, неуясняемая основательнымъ и здравомысленнымъ знаніемъ, является въ уродливыхъ видахъ *лжевѣрія, суевѣрія, слѣповѣрія, фанатизма,* и проч. А знаніе безъ пособія вѣры, особенно безъ пособія истиннаго Откровенія, съ гордымъ самонадѣяніемъ стремясь къ своему идеалу, неизбѣжно должно дойти до какой-нибудь изъ двухъ крайностей: или къ *догматизму,* слѣпо и съ самообольщеніемъ довѣряющему своей теоріи и желающему всякую мыслительность подчинять ей, или *скептицизму,* сомнѣвающемуся въ самой возможности истиннаго знанія.

ПРОГРАММА,

по которой составлена предлагаемая Логика.

Предварительныя понятія:

Часть первая—Теоретическая.

Отдѣленіе первое.

О началѣ мышленія.

Отдѣленіе второе.

О законахъ мышленія.

Отдѣленіе третье.

О формахъ мышленія.

1) О понятіи.

2) О сужденіи.

Стр.

3) О умозаключеніи.

1. О непосредственныхъ умозаключеніяхъ.

2. О посредственныхъ умозаключеніяхъ.

Стр.

3. О паралогизмѣ и софизмѣ.

Вторая часть логики—практическая.

Отдѣленіе первое.

Объ опытномъ познаніи.

1) Наглядное познаніе.

2. Историческое познаніе.

3) О высочайшемъ свидѣтельствѣ истины въ Божественномъ Откровеніи.

4) Вѣроятныя заключенія отъ явленій къ сущности.

Отдѣленіе второе.

О познаніи умозрительномъ.

Стр.

Заключеніе.

